

Михаил Смирнов

ОПЕРАЦИЯ

«ЭЛЕГИЯ»

Михаил Смирнов

ОПЕРАЦИЯ «ЭЛЕГИЯ»

Военно-приключенческая драма

Санкт-Петербург
2017

УДК 82/821-821.161

ББК 84-4

**Оригинал-макет книги для PoD-издания
подготовлен Литео**

Смирнов М.

ОПЕРАЦИЯ «ЭЛЕГИЯ». Военно-приключенческая драма / Михаил Смирнов. – Санкт-Петербург: Литео, 2017. – 384 с.

ISBN 978-5-00071-799-8

Август 1941 года. Польша и Великая Отечественная война, Красная армия терпит поражения и отступает. Руководством СССР принято решение о переброске из осажденного Ленинграда вглубь страны части золотого запаса. Участником операции советских спецслужб становится молодой человек Ермай Сергеев, банковский служащий, хранитель ценностей.

Об операции становится известно германским и британским разведслужбам. Другие видимые и невидимые силы также хотели бы заполучить золото, этот вечно ликвидный, неподверженный никаким кризисам актив.

Герой оказался в эпицентре непредсказуемых событий и неоднозначных по последствиям ситуаций. Жестокая, кровавая война идет и в тылу, далеко от фронтовой линии... Хватит ли Ермаю собственных сил и морально-нравственных устоев с честью выйти из всех испытаний, порой смертельно опасных?..

liteo.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-00071-799-8

© М. М. Смирнов, 2017

© Литео, 2017

Краткая информация об авторе

Смирнов Михаил Михайлович родился в 1953 году в Красноярском крае. Высшее образование получил в Ленинграде.

Трудовая и служебная деятельность проходила в Восточной Сибири, Центральном федеральном округе, Республике Афганистан, на Крайнем Севере и в Москве.

М. М. Смирнов автор ряда романов приключенческого жанра. Является членом Союза писателей России, полковник в отставке.

Война — это слезы и кровь, это вдовы
и беспризорные, это раскиданное гнездо,
погибшая молодость и оскорбленная старость...

Илья Эренбург

Глава 1

Женщина средних лет, одетая в зеленый домашний халат, стоит у окна и задумчиво, тоскливо смотрит на улицу, вернее, на тихие, темные августовские воды реки Фонтанки, одной из многочисленных водных артерий Ленинграда. Женщина прожила здесь в коммунальной квартире на набережной реки двадцать счастливых лет с мужем и сыном. Сколько всего было за эти годы?! И плохого, и хорошего, хорошего несравненно больше. Как она любила город, воздвигнутый гением Петра, талантом архитекторов и мужеством мастерового народа! Женщина слегка улыбнулась, в памяти мелькали приятные воспоминания и эпизоды из жизни. Но... 22 июня началась война, непонятная и страшная война. Город стал суровым и серым, на улицах и крышах домов появились зенитки, всюду светомаскировка, вой сирены, вместо веселых и беззаботных горожан повсюду строгие военные. Муж, инженер завода, добровольцем ушел на фронт и... погиб через шесть дней. Как это чудовищно — потерять любимого человека! И даже не знать, где его могила!..

Но, несмотря ни на что, жизнь продолжалась. Фашисты ужасно быстро подошли к ее любимому городу, начались бомбардировки, выдача хлеба по карточкам, эвакуация всего и всех и прочие, прочие военные лишения, ужасы, трагедии. Сегодня ночью ей предстоит отправиться в эвакуацию на Урал, в незнакомые места. Сколько продлится война? Только что по Совинформбюро передали неутешительные последние новости с фронтов, с юга к городу с жестокими боями рвутся немцы, с севера приближаются финны...

Дверь в комнату отворилась, появился высокий, атлетично сложенный, светловолосый, с жесткими чертами лица молодой человек.

— Мам! В военкомате меня опять отшили, — ломающимся, окончательно не сформировавшимся голосом громко и недовольно изрек юноша. — Далась им эта моя бронь! Можно подумать, я за нее держусь!

Женщина отбросила воспоминания, повернулась к сыну.

«Как он похож на отца! — подумала она. — Такое же скуластое лицо, прямой нос, ямочка на массивном подбородке», — улыбнулась и тихо вымолвила:

— И правильно сделали, работа в банке сейчас тоже очень важна, — зашторила окно.

— Да любая девчонка справиться с моими бумажками! — бросил в сердцах юноша.

Ермолай Сергеев после окончания учетно-кредитного техникума второй год работал в Ленинградской конторе Госбанка страны. Он всегда говорил маме, что весь день сидит на стуле и рабо-

тает с бумажками да канцелярскими счетами. Хотя на самом деле это было вовсе не так...

— Успокойся, Ермоша, сейчас я тебя покормлю. Иди, сына, мой руки и садись за стол.

— А ты уже собралась в дорогу, мама?

— Да, собралась и с соседями уже попрощалась. Попросила Куликовых за тобой, ну и комнатой, присматривать. Вот сейчас тебя покормлю и поеду на вокзал.

— Я тебя провожу.

— Спасибо, не надо. Ты устал...

— Это не обсуждается.

— Ну, хорошо. Но только до трамвайной остановки, ведь комендантский час в городе никто не отменял. И очень прошу тебя, не забывай закрывать и плотно зашторивать окна...

* * *

*Кабинет Первого секретаря
Ленинградского обкома ВКП (б)/с 1952 г. КПСС,
распущена в 1991 г./...*

В кресле за рабочим столом расположился полноватый мужчина в возрасте, в военном зеленом френче. Он что-то сосредоточенно пишет.

Подает сигнал один из трех стоящих на столе черных телефонных аппаратов. Мужчина недовольно отрывается от писанины, рывком снимает трубку и бросает:

— Да.

— Товарищ Жданов, — раздается напряженный жен-

ский голос секретаря. — На линии управляющий конторой Госбанка товарищ Коваль, говорит, по очень важному делу.

«Так, — сразу вспомнил хозяин кабинета. — Сегодня звонили из Москвы, из аппарата ЦК и намекнули на предстоящую некую важную банковскую операцию», — бросил в трубку:

— Соедините.

— Здравствуйте, товарищ Жданов.

— Здравствуйте, товарищ Коваль. Давайте без предисловий, у меня нет времени.

— Да-да. Мне нужно с вами срочно встретиться по исключительно важному делу. На встрече должен быть комиссар милиции Иванов, начальник ленинградского управления Наркомата внутренних дел (или НКВД СССР, с 1946 г. — МВД СССР).

Жданов две-три секунды обдумывал слова Ковалья, взглянул на настольный календарь, на запланированные текущие мероприятия дня, 20 августа 1941 года. Наконец, тихо выдавил:

— Хорошо, подходите через два часа...

Напротив Жданова, через стол, на стульях расположились двое сосредоточенных мужчин: один — молодой, худощавый, лысый, скуластый, в военной форме, на воротнике его гимнастерки в малиновой петлице поблескивало четыре золотистых ромба; второй — в возрасте, грузный, в очках и в помятом сером костюме, такого же цвета рубашке и черном галстуке.

— Мы слушаем вас, товарищ Коваль, — строго вымолвил хозяин кабинета.

Он и комиссар милиции второго ранга (по настоящей иерархии соответствует генерал-лейтенанту) Иванов внимательно смотрели на главного банкира города.

— Я получил приказ вывести находящееся в хранилище нашей конторы золото на Урал, — слегка заикаясь, изрек на одном дыхании Коваль.

Жданов и Иванов удивленно переглянулись.

— Золото? — удивленно выдавил Жданов. — Что за золото, Илья Исаевич?

— Да, золото, товарищи! Это три тысячи семьсот пятьдесят стандартных слитков лигатурной массой по двенадцать тысяч граммов пробой девяносто девять целых и девяносто девять сотых процентов...

— Скажи простым языком, — перебивая, вставил Иванов.

Коваль кивнул, сглотнул и продолжил:

— Сорок пять тонн золота высшей пробы в слитках по двенадцать килограммов.

Жданов и Иванов снова удивленно переглянулись.

— Как вы знаете, — продолжал Коваль, — золотом наша страна рассчитывалась за необходимые импортные поставки. С началом войны поставки и соответственно расчеты, прекратились...

— И вы до сего дня его не вывезли? — воскликнул Жданов.

— Этим золотом распоряжается лично Председатель Госбанка страны, ему дает указания Председатель Правительства страны. Вот сегодня я получил приказ

отправить золото из хранилища. Кстати, с вашей непосредственной помощью, товарищи.

— Да вас всех надо под трибунал! — крикнул Иванов.

— Тихо, Федор Федорович, — глядя на комиссара милиции, примирительно изрек Жданов. — Вы тоже хороши, ничего не знали.

— Да нам не до банков и золота сейчас! Фашисты с юга рвутся к городу, их союзники — финны с севера. Кругом их агенты, лазутчики и диверсанты, плюс разные паникеры и саботажники, мародеры, уголовный элемент поднимает голову...

— Успокойся, комиссар, — повысив голос, отчеканил Жданов. — Сейчас всем тяжело. Но нам, коммунистам-руководителям, до всего должно быть дело, особенно до золотого запаса страны. Илья Исаевич ни в чем не виноват, сейчас он такой же солдат, как и мы.

На некоторое время в помещении повисла тревожная тишина.

— А сколько стоит это золото, Илья Исаевич? — уже сбавив тон, спросил комиссар.

— Если по мировым ценам, в американских долларах, — в раздумье ответил банкир, — то получится где-то в пределах миллиарда.

— Миллиард долларов?! — выдохнул Жданов. — Мда! — обвел всех взглядом. — Тогда давайте лучше думать, как вывести из города золото страны. Скажу сразу, большую охрану мы выделить не сможем, у нас нет лишних людей, все направляются на фронт, — и,

взглянув на Ковалю, спросил. — Что думает руководство Госбанка?

— Мои начальники советуют вести груз тихо, без шума и огласки, с минимальным количеством охраны...

* * *

Ермолай тепло попрощался с мамой, пообещал непременно писать письма и посадил ее на трамвай. Долго и грустно смотрел вслед удалявшемуся вагону и затем неспешно отправился домой.

Немного побродил по как-то сразу опустевшей комнате, настроения не было никакого. Он остался совсем один. Нахлынули разные воспоминания: босоное детство в деревне у бабушки, школьные годы, родители... Вскоре почему-то вспомнил Иринку Лазо, хохотушку-пампушку с васильковыми глазами и льняной косой. Они случайно познакомились год назад на концерте и как-то удивительно быстро сдружились. Ермолай вспомнил, как здесь, в этой комнате, они впервые поцеловались, как вместе отдыхали прошлым летом на Иринкиной даче, вернее деревенском доме в старинном поселении, селе Видлица на удивительном Ладожском озере. Как ночевали на белой кровати, любили..., потом на сеновале... Считали звезды в небе, мечтали, бродили по берегу иссиня-голубого озера, бегали под проливным дождем, встречали рассвет и закат... Была ли это настоящая любовь или юношеская влюбленность — он не мог сказать определенно и ясно... Вскоре появился ее строгий папа, большой партийный начальник, и категорически запретил ему встречаться

с Иринкой. Ермолай очень сильно переживал и нервничал, не находил себе места и даже похудел. А через некоторое время узнал, что Иринка уехала учиться в Москву. Между тем жизнь продолжалась, и через какое-то время он забыл девушку...

Ермолай завалился в постель и быстро уснул.

* * *

Ленинградское управление НКВД...

Комиссар милиции Иванов в районе полуночи вернулся в свой служебный кабинет. Сразу по закрытому каналу позвонил своему начальнику в Москву и сообщил о предстоящей операции по золоту.

— Да, я забыл, закрутился, понимаешь, тебе вчера сказать: мы получили по нему циркуляр из ЦК партии. Должна быть полная секретность операции, минимальное число участников. Учет золота страны ведет сам товарищ Сталин. За доставку в целостности и сохранности золота ты лично отвечаешь головой. Понял?!

Иванов выругался про себя и четко ответил:

— Есть...

Иванов пообщался немного о текущих делах со своим заместителем — полковником милиции Шадриним. Очевидно, поняв состояние начальника, заместитель быстро ретировался.

От всех дел и забот голова комиссара просто раскалывалась, а тут еще это золото. Он выругался на свою сегодняшнюю жизнь, агрессоров-немцев, нарушивших

привычное течение жизни, этого банкира-старика Коваля, да и в целом на свою судьбу...

Через минуту-другую комиссар успокоился. Он знал, что его любовница, капитан милиции Ципок, была на рабочем месте и ждала его. Жену и двоих детей комиссар в самом начале войны отправил к своей родне в Ярославль. Эту смазливую стройную Ципок он заметил полтора года назад в одном городском линейном отделении. Потом еще раз на каком-то мероприятии, потом она пришла с какой-то бумагой в кабинет. Какие у нее были глаза! Как они призывно горели! А какой завораживающий аромат духов исходил от нее! Он тогда разложил ее прямо на столе! Она оказалась такой ненасытной и изобретательной! А какие были получены чувственные наслаждения!...

Комиссар включил радио, пела его любимая Клавдия Шульженко. Певица исполняла «Синий платочек». Под звуки музыки мужчина довольно улыбнулся и пригласил капитана Ципок.

Вот и она. Подогнанная по фигуре военная форма (гимнастерка, юбка, блестящие черные сапожки на каблучке) прекрасно сидела на тридцатилетней женщине. Португепя с кобурой еще более подчеркивали и без того стройный стан.

— Душечка моя зеленоглазая, ясное солнышко Верочка, я так устал, — пожирая ее глазами, жалостливо выдал комиссар. — Разных дел и забот ну просто невпроворот.

— Сейчас мы все поправим, — широко улыбаясь, весело изрекла женщина. — Мой генерал.

Быстро и уверенно подошла к шкафу, открыла дверцу. Взяла стоявшую на полке бутылку коньяка, наполнила две рюмки и поднесла одну сидящему за рабочим столом комиссару. Он быстро залпом выпил и не поморщился, последовала его примеру и женщина. Поставив рюмку, она встала за креслом и стала делать мужчине плечевой и шейный массаж. Комиссар сразу расслабился, закрыл глаза.

— Уже гораздо лучше, — выдавил он через некоторое время.

— Замечательно, — широко улыбаясь, мило молвила женщина. — Поднимайся, Феденька, сейчас мы пойдем в кровать отдохнуть.

Она помогла подняться мужчине. Они вместе в обнимочку направились к двери от комнаты отдыха, в которой фактически и жил последнее время комиссар.

— А я, Феденька, — мило ворковала женщина, — продолжу исключительно приятные восстановительные процедуры.

В предвкушении чудного удовольствия генерал блаженно закрыл глаза...

Слегка прикрытые простыней, удовлетворенные и уставшие, они лежали рядом. Женщина спорадически вздрагивала и тихо постанывала. Мужчина лежал без движений, открытые его глаза заволокла невидимая пелена, он находился еще на волнах экстаза далеко-далеко и вкушал необычайные наслаждения...

Первой вернулась на землю женщина. Она медленно приподнялась на локтях, взглянула в мужское лицо и тихо спросила:

— Тебе было хорошо, мой милый генерал?

Мужчина закрыл глаза, блаженно улыбнулся.

— О да! Просто нет слов.

— Ты будешь отдыхать? Мне уйти?

— Остайся, есть разговор, — не открывая глаз, тихо изрек мужчина. — Прикури мне папироску.

Женщина улыбнулась, взяла с тумбочки пачку папирос «Казбек». Достала одну папиросу, взяла и спички. Умело прикурила и передала папиросу мужчине. Он глубоко затянулся.

— Внимательно слушаю, мой генерал, — вымолвила мило улыбающаяся женщина.

— Да, — энергично начал мужчина. — Я получил важнейшее задание — вывезти из фактически осажденного города сорок пять тонн золота, провезти его через полстраны и сдать по назначению. Банкиры в свое время не вывезли, проморгали, а теперь вот такая морока передо мной. В случае невыполнения, по законам военного времени, расстрел, — мужчина замолчал на секунду и решительно продолжил. — Скажи, кому как не самому преданному и любящему меня человеку я могу поручить это задание?

В женских глазах можно было прочесть целую гамму эмоций: удивление, радость и непонимание. Она мягко спросила:

— Ты хочешь отправить свою верную подругу к черту на кулички и завести молоденькую девочку?

— Не говори ерунды, всего-то служебная командировка на шесть, возможно семь дней.

— Я могу отказаться?

— Нет, Верочка, — широко открывая глаза и рассматривая красивую женскую грудь, выдавил уже строго мужчина. — В случае выполнения задания ты станешь майором.

— Ясно, мой генерал. Когда приступить к заданию?

— Прямо сейчас, без раскачки. Я введу тебя в курс дела, имей в виду, оно сверхсекретное. Об этой операции ты ни с кем не должна говорить, особенно с нашими людьми, кругом шпионы, предатели и трусы. Я сам подберу тебе надежного помощника и команду. Но они не будут знать всей правды, нам нужно придумать легенду прикрытия. Завтра с утра ты должна быть в банке и все там обследовать. А к обеду я жду от тебя план операции. Операцию нужно провести в самое кратчайшее время.

У женщины загорелись глаза. Несомненно, в ее красивой головке происходили бешеные умственные процессы.

— Как интересно.

— Да, если бы это не было смертельно опасно.

— Не преувеличивай. Кому сейчас есть дело до золота? Прокатиться в тыл, как следует покушать, отдохнуть, выспаться. Но операцию надо провести элегантно. Да! Я даже уже придумала кодовое название для операции — «Элегия». Звучит! А, мой генерал? Каково? По-моему, тонко и со вкусом!

— Хорошо, пусть будет «Элегия», — раздумывая, устало вымолвил комиссар. — Но никакой расслабленности не должно быть, на кону наши жизни.

— Все будет хорошо, мой генерал, — ворковала женщина, обнимая и целуя мужчину. — Вот увидишь, ты лично получишь за операцию большую, большую награду...

* * *

Ночью Ермолай проснулся от воя сирены. Из открытого окна также явственно слышался гул самолетов, где-то недалеко усиленно, надрывно работали зенитные установки.

«Забыл вчера закрыть окно, — недовольно подумал Ермолай, — обычно это делала мама».

Нехотя встал с постели, закрыл окно. Потом долго ворочался и не мог уснуть...

Утром Сергеев как обычно быстрым шагом прошел пятьсот метров, отделявших дом от работы. У входа в здание заметил два незнакомых легковых автомобиля и вооруженных мужчин в военной форме.

«Похоже, усилена охрана конторы», — подумал Ермолай.

Вошел в здание Госбанка, предъявил пропуск, затем направился в хранилище. Рабочий день начался как всегда в восемь утра и по обычно заведенному графику.

В половине десятого его неожиданно пригласили в кабинет управляющего конторой. В этом большом кабинете со старинной мебелью и огромными напольными часами с боем Ермолай бывал всего один раз.

Он зашел, поздоровался. Ему ответил сидевший за рабочим столом управляющий Коваль в неизменном, выдавшем виды сером костюме и незнакомая, коротко стриженная женщина в военной форме. Она сидела с гордо поднятой головой за приставным к рабочему столу управляющего столом и внимательно рассматривала вошедшего молодого человека.

— Ермолай, — поднимаясь с кресла и обращаясь к Сергею, вымолвил Коваль, — с тобой побеседует капитан милиции товарищ Ципок. Будь с ней предельно откровенным, она имеет право знать все. Кстати, могу дополнить, — уже обращаясь к капитану, продолжил управляющий. — Сергеев один из наших лучших сотрудников, молодой, энергичный, комсомолец, спортсмен, — и быстрым шагом покинул кабинет.

— Присаживайтесь, Сергеев, — показывая рукой на стул, стоявший напротив через стол, грубоватым голосом сказала Ципок. — Разговор этот должен остаться строго между нами.

Ермолай прошел к столу и осторожно присел на стул. Взглянул на женщину: серо-зеленые глаза, приятные черты лица, светлая кожа, каштановые волосы, хорошо подогнанная военная форма. Одним словом, красивая и довольно молодая женщина. Бросились в глаза и поблескивающие серебристые шпалы в малиновой петлице воротника гимнастерки.

— Расскажите о себе, — пристально всматриваясь в Сергеева, изрекла женщина-капитан.

От этого немигающего взгляда красивых, но холодных глаз Ермолаю стало немного не по себе. К тому

же от женщины пахло какими-то необычными духами с жасминово-можжевельным ароматом. Он постарался взять себя в руки и решительно начал:

— Мне двадцать один год, второй год работаю старшим хранителем ценностей. Занимаюсь спортом, холост, есть мама, как раз вчера она с заводом уехала в эвакуацию. Папа добровольцем в июле ушел на фронт и вскоре погиб. Я сам неоднократно ходил в военкомат, просился на фронт. Но...

— В это трудное военное время каждый должен честно трудиться на своем месте, — назидательно и решительно вставила капитан.

«А она ничего, симпатичная на мордашку, — подумал Ермолай. — Вот только уж очень пронзительный, буквально насквозь, взгляд», — и машинально кивнул.

— Какими видами спорта вы занимались? — спросила капитан.

— Многими. Легкой атлетикой, бегом на разные дистанции, прыжками в длину и высоту, потом боксом, рукопашным боем и даже шахматами.

— Вы участвовали в перевозках золота?

— Да. В прошлом году мы возили партию в Мурманск. В этом году я ездил в Новосибирск на аффинажный завод, мы там отбирали большую партию, потом везли ее в Ленинград.

— Поподробнее про вагоны.

На две-три секунды молодой человек задумался.

— Вагоны в целях конспирации были обычные крытые, товарные, с деревянной обшивкой, грузоподъемностью тридцать тонн. В вагон мы загружали двадцать

тонн золота в слитках. Ящики расставляли равномерно по всему вагону, прочно крепили, чтобы они не болтались на поворотах, ну и при торможении тоже. Со мной были два инкассатора-грузчика, нас охраняли десять солдат и офицер милиции.

Некоторое время капитан раздумывала.

Затем напористо спросила:

— Почему вы, молодой парень, работаете кладовщиком?

— Хранителем ценностей.

— Да, конечно. Почему? — настаивала капитан.

— Ну... Я учился этому в техникуме. Работа мне нравится, читаю о различных видах ценностей... Уверен, что выполняю государственно-важную задачу...

— С кем вы сейчас живете?

— Один, здесь недалеко, на Фонтанке.

— У вас есть родственники в городе?

— В данный момент нет.

Ермолай ответил еще на несколько вопросов и изрядно утомленным вышел из кабинета управляющего...

* * *

*Рига, один из особняков в старой части города,
штаб-квартира регионального центра Абвер...*

После захвата 1 июля 1941 года города немецко-фашистскими войсками в нем по-хозяйски обосновались командные штабы ряда немецких военных струк-

тур: оперативного командования группы армий «Север», северо-восточного крыла Люфтваффе, регионального центра военной армейской разведки и контрразведки (Абвер)...

В кабинете руководителя центра, капитана первого ранга барона фон Шоммера, находилось трое серьезных мужчин в военной форме. Они расположились за круглым столом, докладывал по-немецки самый молодой из троицы, рыжеволосый мужчина с погонями капитана.

— ...по сообщению агента Оракула отправка золота может состояться через четыре-пять, максимум, шесть дней.

Барон, хозяин кабинета, широко улыбнулся, довольное потер руки и весело выдавил:

— Прекрасный доклад, Гюнтер! У нас появилась настоящая работа! — и обратился к сидящему справа светловолосому крупному мужчине с бычьей накаченной шеей, грубыми чертами лица и погонями майора. — Что ты скажешь, Рихард?

На жестком, непроницаемом лице майора на секунду мелькнуло нечто вроде улыбки. Вполне очевидно, он вспомнил что-то приятное.

— Хочу напомнить, Оракул — прекрасно подготовленный, глубоко законспирированный, особый агент, и мы внедряли его совсем для других, более важных, стратегических целей, — несмотря на свою фигуру, мягким голосом выдавил майор.

— Да, прекрасный агент, — быстро согласился барон и энергично продолжил. — Но сорок пять тонн золота

на миллиард долларов?! Если мы проигнорируем сей факт, а о нем узнает высшее руководство, нам головы не сносить. Понимаете, господа? Нам надо брать это золото! Другого пути у нас нет! И прошу это понять! Дружище Рихард, за тобой план операции, и это уже не обсуждается.

Майор бросил решительный взгляд на висевшую на стене карту северо-западной части СССР. Три-четыре секунды внимательно рассматривая карту, он раздумывал, затем вымолвил:

— Золото из Ленинграда теоретически можно отправить воздушным путем, водным, железнодорожным и автомобильным. Хотя... В воздухе господствует наш Люфтваффе, да и самолетов грузоподъемностью в сорок пять тонн у русских нет, тем не менее, хотелось бы знать детали перевозки.

— В самое ближайшее время Оракул нам сообщит подробности, — вставил рыжеволосый капитан.

— Да. Если мы получим золото и доставим в рейх, представляете, что это будет означать для нас?! Повышения, ордена и медали! — весело, с напором продолжал барон. — Эту операцию должен возглавить ты сам, Рихард! Ты знаешь русский язык, ты знаешь нашего агента Оракула, ты наш лучший аналитик! Друг Мухель, выше голову! Готовься к отправке в Россию, но сначала план операции.

На строгом, почти квадратном лице майора трудно что-либо было прочитать. Он лишь слегка кивнул.

— Я сегодня же доложу об операции адмиралу Канарису, — пафосно изрек барон.

— Предлагаю операцию закодировать под названием «Золотой трезубец», — вставил рыжеволосый капитан.

— Замечательно, Ланге! — весело бросил барон. — Достойное название! Пусть мой секретарь Марта Герц принесет нам выпить за успех нашего дела.

Улыбающийся капитан моментально выскочил из кабинета. А через три-четыре секунды он появился в сопровождении фигуристой женщины-ефрейтора с подносом в руке...

* * *

Не успел Сергеев прийти в хранилище и отдышаться, как появилась строгая капитан Ципок вместе с управляющим Ковалем. По указанию управляющего, Ермолай показал кладовую, где находились золотые слитки в деревянных ящиках. Ципок обошла и внимательно осмотрела стеллажи из ящиков высотой в один метр.

— Почему не поставить больше ящиков в один стеллаж? — спросила капитан.

— Не положено по нашим правилам, — ответил управляющий. — От давления нижние ящики могут деформироваться и даже развалиться. Могут быть повреждены или поцарапаны слитки, и они потеряют товарный вид. Их тогда придется отправлять на переплавку на завод, а это время и деньги.

Капитан хмыкнула, остановилась у одного стеллажа, требовательно взглянула на Сергеева.

— Деревянные ящики размером сорок на восемьдесят сантиметров и толщиной в тринадцать с половиной сантиметров, — быстро вымолвил Ермолай. — По бокам ящиков для их переноски располагаются ручки из того же дерева.

Ципок внимательно смотрела на ящики. На них отсутствовали какие-либо надписи. Были они все как на подбор: аккуратными, чистыми и имели цвет натурального дерева. От ящиков исходил приятный запах свежего, молодого дерева.

— Обшивка из мягкой липы, — улыбнувшись, добавил управляющий, — специально изготовленная для экспорта слитков вятскими древесных дел мастерами.

Капитан потрогала верхний ящик двумя руками и попыталась приподнять, но смогла это сделать лишь с одной стороны. Покачала головой и бросила:

— Вроде, небольшой по размерам, а тяжелый.

— Да, шестьдесят один килограмм, — подтвердил Ермолай, — пять слитков по двенадцать килограммов, плюс деревянная обшивка — еще килограмм.

— Если семьсот пятьдесят ящиков помножить на шестьдесят один килограмм, получается... — капитан задумалась, очевидно, подсчитывая в уме.

— Сорок пять тонн семьсот пятьдесят килограммов, — уверенно вставил Ермолай.

— Совершенно верно, — подтвердил строгий управляющий и, улыбнувшись, добавил. — Может, раскрыть один ящик, товарищ Ципок? Вы, так сказать, лично посмотрите слитки? Ведь интересно же взглянуть и даже потрогать настоящий слиток золота.

Капитан кивнула. Ермолай быстро и явно со знанием дела снял крышку с одного ящика. Для того чтобы слитки не соприкасались, между ними находились деревянные перегородки. Ермолай достал один слиток и поднес его к капитану. Женщина осмотрела его, осторожно потрогала рукой, прочитала надписи и спросила:

— Откуда он?

— Убирай слиток, — обращаясь к Сергееву, сказал управляющий и, отвечая на вопрос, вымолвил. — Все золото здесь наше, советское, обратите внимание на клеймо «СССР». Рассыпное золото добыто в Сибири, переплавлено в слитки на Новосибирском аффинажном заводе. Лет десять-пятнадцать тому назад у нас бывало и императорское, то есть царское золото, и иностранное золото, всякий там буржуйский и воровской конфискат. А сейчас только наше, советское.

— А что значит высшая проба?

— Это значит, что, скажем, в слитке весом в один килограмм содержится химически чистого золота не менее девяноста девяти целых и девяноста девяти сотых процентов лигатурной массы слитка, — ответил управляющий.

— А этот слиток заменить чем-то, скажем, куклой или муляжом, нельзя?

— Исключено, — ответил управляющий. — На аффинажном заводе жесточайший контроль при выплавке слитков, при перевозках тоже все строго, ну и у нас, разумеется. Периодически мы устраиваем проверки слитков, перевесы делаем.

— То есть вы гарантируете, что здесь сорок пять тонн настоящего золота?

— Безусловно, — с удивлением на лице и в голосе вымолвил управляющий. — У нас есть все необходимые документы, заключения экспертизы.

— В последние годы много его за границу отправили? — быстро спросила капитан.

— Я не могу ответить даже вам, — извиняющимся тоном ответил управляющий. — Эта партия тоже должна была уйти за границу в оплату за станки, но война внесла свои суровые коррективы.

— Кроме золота, что еще здесь хранится? — спросила капитан.

— Сейчас только золото. До недавнего времени хранилось и серебро в слитках, как-то была и платина. Теоретически могут любые драгоценные камни и металлы, — ответил управляющий.

— М-да, — неопределенно выдавила капитан.

При этом оглядывая сводчатый потолок, массивные стены, арочного типа дверной проем, объемную металлическую дверь.

— Здание, построенное в прошлом веке, уже изначально предназначалось под банк, — вставил управляющий. — Мы сами тут кое-что по мелочам усовершенствовали.

— Такому хранилищу и бомбежки не страшны, — бросила капитан.

Присутствующие мужчины решили промолчать.

Капитан, внезапно резко подняв голову (она была на голову ниже), взглянула в лицо Сергеева.

Он с трудом выдержал твердый, пронзительный насквозь взгляд.

«Что она меня все рассматривает и рассматривает? — недовольно подумал Ермолай. — А фигурка у нее вполне-вполне приятная, и глаза, глаза серо-зеленые, красивые и пытливые», — за секунду-другую успел еще раз оценить молодой человек.

— На сегодня хватит, — переведя взгляд на Ковалья, выдавила женщина и грозно добавила. — С этого момента и до особого моего указания вы, Сергеев, из здания не выходите.

— Мы в красный уголок поставим раскладушки, — поспешно вставил управляющий.

— Вас это, товарищ Коваль, тоже касается.

— Все будет выполнено, — заверил управляющий. — Я фактически и так живу в кабинете.

Ничего не понимающий Ермолай только моргал глазами.

Между тем капитан решительно развернулась и твердой мужской походкой направилась к выходу. За ней засеменил, тяжело дыша, и управляющий.

Облегченно выдохнув, Ермолай приступил в своей повседневной работе. Но в голову лезли всякие мысли, связанные с появлением в конторе фигуристой, симпатичной капитанши с зелеными глазами, завораживающим запахом и пронзительным взглядом...

* * *

Ленинградское управление НКВД...

Ровно в час дня капитан Ципок с папкой в руке заходила в кабинет комиссара Иванова. Из настольного приемника лилась веселая мелодия из кинофильма «Волга-Волга». Но хозяин кабинета был хмур на лицо и, судя по растрепанному внешнему виду, чем-то явно недоволен.

— Феденька, твой приказ выполнен, операция «Элегия» разработана и уже идет полным ходом, — широко улыбаясь и приближаясь к хозяину кабинета, весело изрекла капитан.

— Какой полный ход? Кто тебе разрешил что-либо предпринимать? Я еще не видел плана операции, — недовольно бросил комиссар. — Что за своеволие, понимаешь ли?

Женщина чмокнула мужчину в щеку, положила папку перед ним и весело изрекла:

— У моего генерала плохое настроение. А план операции, — кивнула на папку, — на твоём столе, Феденька! Он великолепен! Ну а я провела лишь некоторые необходимые подготовительные работы.

Три часа они обсуждали, спорили и даже ругались, пока не пришли к единому мнению. А еще через час комиссар Иванов входил в кабинет Первого секретаря Ленинградского обкома...

* * *

Рабочий день выдался для Ермолая каким-то напряженно-нервным.

За вечерним чаем он поделился своими невеселыми мыслями с управляющим.

— Держись, брат, время ведь военное, — улыбнувшись, ответил Коваль. — Полагаю, следующие дни, а может, и недели, будут еще более насыщенными и нервными.

«Называется, успокоил начальник, — усмехнулся Ермолай. — Он что-то точно знает, но не говорит».

Между тем по конторе ползли всякие слухи: что их скоро закроют, и всех уволят, что всех вместе с банком эвакуируют в Вологду или Пермь, и другие, порой самые невероятные.

«Скорей бы прикрыли контору, — рассуждал по этому поводу Сергеев. — Тогда бы я точно пошел на фронт».

По совету управляющего Ермолай решил уйти спать пораньше, в десять часов вечера. Раскладушка попала скрипучей, он долго ворочался, в голову лезли всякие мысли...

* * *

Ленинградское управление НКВД...

По указанию комиссара Иванова Ципок ждала возвращения из обкома партии шефа в его кабинете. В комнате отдыха капитан накрыла небольшой столик.

Иванов показался в одиннадцать часов вечера с улыбкой на устах и со словами:

— Жданов утвердил наш план операции.

— Отлично, это нужно отметить, — весело изрекла капитан, передавая мужчине наполненную коньяком рюмку.

Они вместе выпили. Комиссар молча стал закусывать. Он не стал говорить подруге, что утверждение операции шло очень и очень трудно. Жданову сразу не понравилось название «Элегия» («Название не наше, не советское», — возмущался партийный босс) и то, что реализацию операции возглавила женщина. Комиссару стоило привести массу позитивных доводов в пользу Ципок и греческого термина, пока Жданов все же согласился.

— Что сказал Жданов? — спросила капитан.

— Сначала долго изучал материалы, — соврал генерал, — потом стал задавать вопросы. Затем спросил, не трудно ли будет женщине возглавлять операцию. Ну, я тебя похвалил и все такое. Заверил его, что ты справишься самым лучшим образом и даже лучше любого мужика.

— Ну конечно, Феденька! — быстро наполняя рюмки, весело изрекла капитан.

Мужчина взглянул на ручные часы и вымолвил:

— Валечка, я уже выдал все необходимые указания по операции «Элегия». Тебе через полчаса надо выдвигаться в банк.

Женщина мило улыбалась.

— Мы все успеем, милый.

— Правда, мне удалось выбить у Жданова для операции только 4 трехтонных грузовика.

Женщина продолжала мило улыбаться.

— Значит, мой генерал, будем грузиться четыре ночи...

Глава 2

В помещении внезапно загорелся свет, послышалась резкая отрывистая команда:

— Подъем!

Ермолай проснулся, вскочил с раскладушки и встал по стойке «смирно». В метре от себя он увидел хмурую капитаншу Ципок. Женщина критически рассматривала одетого в трусы молодого человека. От этого взгляда полусонный Ермолай неприятно поежился. Меж тем капитан строго выдавила, констатировала:

— Фигура развитая, спортивная, это неплохо, — усмехнулась. — Так, дружок, ты военную подготовку проходил? Стрелял из настоящего оружия?

Ермолай снова явственно ощутил запах необычных духов, женские глаза светились неким огнем. Сонно вымолвил:

— В техникуме я проходил начальную военную подготовку, стрелял из винтовки, револьвера, метал гранату. Выезжали в летний лагерь, жили в палатках, совершали марш-броски, участвовали в краткосрочных учениях.

Капитан сделала резкий выпад рукой. Не ожидавший столь коварного удара в солнечное сплетение Ер-

молай согнулся от боли.

— Сыроват ты еще, пресс слаб, — небрежно бросила капитан. — Дыши глубже, боец. Запоминай, с этого момента и до завершения операции по переброске груза ты в полном моем распоряжении. Я руководитель операции. Слово золото на время операции забудь, будем говорить просто груз. Должна быть полная секретность, за каждое лишнее слово по законам военного времени — расстрел. Все мои приказания выполняются незамедлительно. Сегодня, да, сегодня, поскольку времени полпервого ночи, тебе будет присвоено звание — младший лейтенант милиции, ты будешь сугубо военным человеком. Одевайся, мы выезжаем на станцию «Лиговская-Товарная» смотреть вагоны, в которых повезем груз. Жду тебя через десять минут во дворе конторы, — усмехнулась женщина. — Еще, если наша совместная работа затянется, я сама займусь твоей физической подготовкой, — резко развернулась и вышла.

Ермолай выругался про себя, с трудом разогнулся, сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. После этого, проклиная милицейскую капитаншу, стал медленно одеваться. Возникшие ранее позитивные мысли о симпатичной женщине разом перевернулись в негативные...

* * *

*Восточная Пруссия, вилла в Штейнорте,
резиденция рейхсминистра Риббентропа...*

В комнате, все стены которой были уставлены шкафами с книгами, у шахматного столика стоял представительный мужчина в белой рубашке и зеленых военных галифе. Очевидно, он играл сам с собой и в данный момент обдумывал очередной ход.

В помещение бесшумно вошел мужчина в очках, уже в возрасте, одетый в черный костюм и с черной папкой в руке. Шахматист Иоахим фон Риббентроп, министр иностранных дел фашисткой Германии, бросил в его сторону косо́й взгляд и спросил по-немецки:

— С чем пожаловал, Шульц?

Полковник Шульц официально возглавлял в министерстве отдел по перемещению в рейх ценностей с восточного направления, а неофициально — разведслужбу министерства, работающую под дипломатическим прикрытием.

Вошедший мужчина приблизился к шахматисту и вымолвил:

— Господин министр, когда началась война с Россией, были заморожены все внешнеэкономические связи между нашими странами. Заводы Цейса не отгрузили в России свою продукцию, а приготовленное русскими золото в Петербурге в оплату за них, сорок пять тонн, не было отправлено в Германию. Вы еще тогда сказали, что это золото будет нашим и чтобы я вам о нем напомнил в нужное время.

Шахматист резко повернулся к мужчине, внимательно взглянул и громко бросил:

— Ну, конечно, помню. У вас есть новости по этому золоту?

— Так точно. Как сообщил наш источник из Петербурга, хранящееся в подвалах Госбанка золото по косвенным признакам готовится в отправке из города.

Шахматист был полон внимания, а Шульц уверенно продолжал:

— Наш завербованный агент из структуры адмирала Канариса сообщил, что региональный центр Абвера в Риге готовит спецоперацию по захвату этого золота во время транспортировки вглубь России.

Риббентроп помимо того, что был политическим и государственным деятелем Третьего рейха, был еще и неплохим бизнесменом. У него сразу возникли мысли, что если он захватит 45 тонн русского золота, то Адольф Гитлер в награду наверняка выделит некоторое количество золота лично ему. Риббентроп уже прикидывал, как он выгодно пристроит это золото, скажем, в Бразилии...

— Ищейки адмирала уже пронюхали?! — недовольно воскликнул министр. — Хитрый лис Канарис хочет захватить золото и использовать в своих коварных интересах!

— Или хочет выслужиться перед фюрером, — вставил в тон улыбающийся Шульц.

Задумчивый министр неопределенно кивнул головой.

Вскоре он вымолвил:

— Нам нужно проявить оперативность, Шульц. Незамедлительно готовьте операцию по захвату золота. Согласуйте ее с моим заместителем Шобле, он находится сейчас в Берлине. По закрытому каналу направьте срочную шифровку нашему резиденту в Москву. Он должен возглавить эту операцию, направьте ему лучших наших людей.

— Слушаюсь, господин министр. Разрешите закодировать операцию под названием «Золото Северной Пальмиры».

— Разрешаю, — неопределенно махнув рукой, медленно выдавил министр. — И никакого спуска людям этого пройдохи адмирала. Кстати, на сколько потянет это золото?

— Если в имперских рейхсмарках...

— В американских долларах прикинь.

Мужчина открыл папку, что-то поискал глазами и вымолвил:

— Порядка одного миллиарда, — взглянул на сосредоточенного министра. — Разрешите высказать свои соображения?

— Да, — располагаясь в мягком кресле, задумчиво бросил министр.

— У меня есть сомнения, что нам самим удастся успешно провести операцию. Я думаю, русские бросят все силы, чтобы перебросить золото вглубь страны, опять же, люди Канариса будут нам мешать. Может, вы обратитесь к своему другу бригаденфюреру СС Вальтеру Шеленбергу?

«Кретин! — подумал Риббентроп. — Чем Шеленберг

лучше Канариса? — моментально вспомнил последнюю встречу с Вальтером и напряженный спор о роли Англии в современном мире. Затем вспомнил, как Вальтер провалил во второй половине 1940 года операцию по переброске из Португалии английского герцога Виндзорского, и как после этого упало к нему доверие. — Да и не друзья мы вовсе, так, внешняя видимость одна. А по сути даже конкуренты», — строго взглянул на подчиненного Риббентроп, тихо выдавил:

— Немедленно выполняйте мои указания, — и глубоко задумался, оставив без ответа вопрос подчиненного...

* * *

Во внутреннем дворе конторы стоял черный легкой ЗИС. Капитан Ципок разместились на переднем сидении рядом с сержантом водителем. Сергеев расположился на заднем сидении. Они выехали на набережную Фонтанки и двинулись в сторону Невского проспекта. Постепенно салон стал наполняться запахом далеко не самых приятных духов, исходившим от капитана. И вдруг Ермолая неприятно осенило:

«Да это не духи вовсе! Скорее это запах алкоголя и еще чего-то, который всю исходит от Ципок!».

На освещенной товарной станции их встретили суетливый железнодорожник среднего роста в форменной одежде и низкорослый, уверенный в себе капитан милиции. Парочка почтительно поклонилась Ципок, затем мужчины небрежно кивнули в сторону Сергеева.

Они быстро прошли на перрон, который охранялся солдатами с винтовками. Показывая рукой на 3 товарных коричневых вагона, железнодорожник подобострастно сказал:

— Это наши самые лучшие и самые надежные ковровские крытые четырехосные вагоны, как было указано, без окон. На двух крайних вагонах крытые тормозные площадки для караульных.

— Откройте вагоны, — грозно приказала Ципок.

— А что вести-то надо? — спросил железнодорожник.

— Специальный военный груз, — жестко ответила Ципок. — Сегодня ночью и начнем погрузку. Не забывайте, за разглашение военной тайны расстрел, лично я стреляю без промаха.

После этих слов Ермолаю многое в судьбе золота, находящегося в его хранилище, стало понятно.

Пока железнодорожник поочередно открывал вагоны, Ципок строго сказала:

— Знакомьтесь, товарищи мужчины, — и, показывая рукой на Ермолая, бросила. — Младший лейтенант милиции Сергеев, специалист по перевозке спецгрузов.

— Капитан милиции Чивава, — вяло кивая, изрек черноголовый, небольшого роста капитан.

— Мой заместитель по операции, — вставила Ципок. — Сергеев, внимательно осмотри вагоны, оцени степень надежности и годности для нашего дела. Сразу прикинь схему расположения груза в двух вагонах. Понял, в двух лучших вагонах, и доложи о готовности их к перевозке.

— Есть, — по-военному выдавил Ермолай и быстро направился к вагонам.

За ним неспешно, о чем-то переговариваясь, последовали оба капитана.

Осмотр продолжался где-то с полчаса, вагоны оказались вполне пригодными для перевозки такого груза, как золото. Сергеев дал указание железнодорожнику подготовить необходимый такелаж (веревки, скобы, гвозди) для закрепления деревянных ящиков.

— Вы решили, как будет происходить выгрузка из машины? — строго спросила Ципок.

— Да. Машина с грузом задним бортом вплотную подъедет к вагону, после этого начнется перемещение груза, — ответил Ермолай.

— Вы, — обращаясь к Чиваве, изрекла Ципок, — отвечаете за организацию круглосуточной охраны, в том числе и во время выгрузки.

Чивава энергично кивнул головой и выдавил:

— Есть.

Ципок и Сергеев снова на машине отправились в банк...

* * *

Москва...

По указанию Риббентропа с мая 1941 года резидент немецкого дипломатического ведомства под псевдонимом Рэм находился на нелегальном положении. Правда, Рэму, как опытному конспиратору, порой казалось,

что за ним следят. Но если и следили русские органы, то следили весьма умело и весьма скрытно. Пока Рэм находился в спящем положении (то есть, как разведчик бездействовал), он был спокоен. Но вот он получил из центра шифровку с требованием приступить к реализации операции «Золото Северной Пальмиры». Прочитав замысел операции, Рэм воскликнул:

«После европейских побед они там, в сытой Германии, совсем охренели?! Захватить сорок пять тонн золотых слитков на территории России и спрятать до прихода немецких войск! Сорок пять тонн — это же не иголка! Спрятать в какой-то заброшенной, глухой деревне?! Ехать в практически осажденный, находящийся на военном положении Ленинград и реализовывать бредовый план?! Ну что это, если не смертельный приговор! Ведь Россия — это не какая-нибудь Дания или Греция! План «Барбаросса» по сути уже провален, блицкрига не будет. Война принимает затяжной характер, она пойдет на истребление ресурсной базы, промышленной, сырьевой, военной, людской. В отличие от Германии, Россия имеет неограниченные ресурсы, колоссальную территорию...».

Рэм работал в посольстве Германии в Москве с 1937 года и все это время докладывал, что воевать с Россией не стоит, с Россией нужно договариваться. Все его донесения руководством были проигнорированы. Поняв, что война с Россией неизбежна, и решив подстраховаться, Рэм вступил в контакт с англичанами...

Рэм схватился за голову:

«Что мне делать сейчас? Взяться за реализацию

операции по золоту и тем самым подписать себе смертельный приговор? Или..., — вспомнил свою семью, родителей, друзей и близких людей. — Этими нитями я связан по рукам и ногам. Если и выходить из игры, то выходить надо по-умному...».

После долгих и мучительных раздумий он принял решение...

* * *

Вот и хорошо знакомые ворота. У въезда во двор конторы Госбанка стояли три грузовика, крытые брезентовым тэном, и две легковые машины. Легковой ЗИС с Ермолаем проехал во двор, там оказался еще один крытый грузовик.

Повернувшись назад и глядя Сергееву в глаза, Ципок вымолвила:

— Запоминай, Ермолай, в каждую из четырех машин нужно будет погрузить по пятьдесят ящиков. После этого мы едем на станцию «Лиговская-Товарная», выгружаем ящики в один вагон, крепим их и только после этого возвращаемся в банк. Здесь при погрузке тебе будут помогать четыре банковских инкассатора-грузчика, на станции при выгрузке — солдаты. Отдыхать будешь днем, как ты уже, наверное, понял, три последующие ночи у тебя будут такие же. Далее о вывозе золота из хранилища, вернее, как договорились, груза, работники конторы все равно узнают. Мы запустим дезинформацию, что груз везется на аэродром в Ржевку для отправки самолетом в Самару. Ты при

случае, ну если тебя кто-то из своих работников спросит, должен поддержать эту версию. О лицах, особо проявляющих интерес к твоей работе, ты должен незамедлительно сообщать мне. Пока все, быстро вперед выполнять указания.

— Есть, — с трудом осознав слова своей новой начальницы, выдал хмуро Ермолай.

Вылез из машины и энергично направился в хранилище...

Когда уже погрузка была закончена, в хранилище вошла Ципок, в ее руке находился черный портфель. Подойдя вплотную к Сергееву, она тихо вымолвила:

— Быстро положи в портфель один слиток, — видя удивление на лице Ермолая, уже жестко продолжила. — По указанию комиссара милиции в лаборатории НКВД будет сделан его спектральный анализ, — и передала портфель.

— Расписку подготовить? — нерешительно спросил Ермолай.

— Война идет, никакой бюрократической расписки не будет. А слиток будет возвращен в самое ближайшее время.

— Но... так не положено по инструкции...

— Выполняйте приказ, — сверкнула горящими глазами капитан. — Ты что, забыл, за невыполнение по законам военного времени расстрел. И держи язык за зубами, даже Коваль не должен об этом знать.

«Какой спектральный анализ? Есть же все документы на слитки... — недоумевал Ермолай. — Это же нарушение всех инструкций!» — в полном смятении мед-

ленно поплелся выполнять приказ.

«Как эта стройная и хрупкая женщина понесет тяжеленный портфель весом в двенадцать килограммов?» — уже передавая портфель Ципок, удивился Ермолай.

Но капитан без видимых усилий взяла портфель и спокойно вышла из хранилища.

«Однако, она очень и очень сильная женщина», — с большим удивлением для себя решил Ермолай.

Выгрузка на станции прошла без приключений. До раскладушки он с трудом добрался почти в шесть часов утра, сразу уснул, как убитый...

* * *

Ленинград. Подвальное помещение в одном из многоэтажных домов на Лиговском проспекте...

Авторитетный вор по кличке Валет (в молодости был картежным шулером, за что и имел две ходки на зону, потом были еще две уже по более строгим статьям уголовного кодекса) с двумя своими ближайшими подельниками-корешами как обычно распивал самогон за накрытым столом. Вор держал под контролем станцию «Лиговская-Товарная» и ближайшие к ней жилые кварталы. Его люди периодически делали набеги на невоенные, как правило, продовольственные грузы, находящиеся на станции. Валету стало известно о ночной, особо охраняемой, погрузке солдатами товарного вагона. Эта ситуация как раз и обсуждалась за столом.

— Я слышал от беспризорников, что там грузили

какие-то военные боеприпасы в ящиках, — излагал беззубый, полностью лысый старик.

— Да нет же, — возражал с пеной у рта заросший мужчина со сломанным носом, — продукты питания, я говорю...

— Ша! — рявкнул Валет. — Ни хрена вы не знаете, это я вам говорю — вор в законе.

Кореша притихли. Обведя их выразительным взглядом, Валет убедительно, уверенно продолжал:

— Ставлю задачу на завтра — все узнать. Можно попробовать через железнодорожников, — кивнул в сторону заросшего мужчины со сломанным носом. — У тебя, Кот были с ними завязки, давай, действуй.

— Этот тип опять выпивки потребует.

— Под мое слово возьми самогонки у Марфы.

— Годится, — выдавил заросший мужчина со сломанным носом.

— Да ладно вам о делах, — вставил лысый старик. — Давайте лучше в картишки, очко родимое распишем...

* * *

Ермолай проснулся и сразу понял, что его кто-то трясет за плечо. Открыл глаза и увидел перед собой управляющего.

— Надо вставать, товарищ Сергеев, — изрек Коваль, — времени два часа дня. День сегодня будет трудный. До ночной отгрузки предстоит провести большую подготовительную работу.

Ермолай тряхнул головой, окончательно прогоняя

сон. Сразу почувствовал боль в мышцах после вчерашних погрузочно-разгрузочных работ, бросил:

— Да-да, Илья Исаевич, — быстро принял вертикальное положение, потянулся руками и корпусом, бодро добавил. — Я совсем скоро буду готов к труду и обороне.

— Эх, молодость-молодость, — улыбнувшись, молвил управляющий. — И все-то вам по плечу.

«Может, сказать старику про слиток, который я передал Ципок», — подумал Ермолай, но, вспомнив грозные указания капитанши молчать, решил все же промолчать.

Лишь неопределенно бросил на замечание управляющего:

— Совершенно верно...

* * *

*Рига, особняк в старой части города,
штаб-квартира регионального центра Абвер...*

В кабинете руководителя центра звучала загадочная мелодия из оперной трилогии Рихарда Вагнера «Кольцо Нибелунга». Это было любимое произведение капитана первого ранга, впрочем, как и Адольфа Гитлера. Барон фон Шоммер находился в прекрасном расположении духа. На то были веские основания: адмирал Канарис выразил похвалу и одобрил проведение операции «Золотой трезубец»! Похвала этого угрюмого и никому не доверяющего аса разведки многого сто-

ила! Далее план операции был детально разработан и утвержден, майор Рихард Мухель с группой удачно заброшен на советскую территорию и уже включился в работу, ключевой агент в операции Оракул весьма эффективно работал в Ленинграде.

«Пора и ему самому активно подключаться к операции, нужно лететь к фельдмаршалу Маннергейму», — решил барон.

Штаб-квартира этого старомодного (кстати, генерал-лейтенанта Русской Императорской армии), важного и порой непредсказуемого финна находилась в городе Выборге. Шеф Канарис обещал пообщаться с Маннергеймом и решить все принципиальные вопросы в рамках операции. Но часть вопросов, конечно же, придется решать на месте самому Шоммеру.

Барон дал последние указания своему заместителю по центру. Затем выпил из рук очаровательной секретарши и одновременно любовницы Марты на дорожку русской водки, закусил ложкой черной икры. И вместе с капитаном Гюнтером Ланге отправился на аэродром...

* * *

После небольшой физической зарядки организм Ермаолая почувствовал себя гораздо лучше. Немного поднялось и настроение.

Обдумывая события вчерашнего дня и предстоящего, пообедал в столовой конторы. Затем отправился на свое рабочее место в хранилище готовить партию

ящичков слитков к ночной отправке.

В ходе работы случился неприятный эпизод — один из ящичков упал с тележки. Дабы смягчить удар ящичка о бетонный пол, Ермолай выставил свою ногу. Ящик упал на ботинок и порвал его. Конечно, Ермолай ушиб и ногу. Но более всего он переживал за порванный ботинок, ведь других ботинок у него просто не было...

* * *

Москва...

Несмотря на военное время и действующие в связи с этим разного рода ограничения, резидентура разведок мира достаточно интенсивно работала в городе. Разумеется, за ними неустанно наблюдали визуально и с помощью технических средств советские органы контрразведки: по линии Наркома внутренних дел — Главное управление государственной безопасности (приемник ОГПУ, с 1946 года преобразованное в министерство госбезопасности и с 1954 года — в КГБ); по линии Наркома обороны — Главное разведывательное управление Генерального штаба Красной армии (с 1945 года преобразованное в ГРУ).

От своего агента из Берлина, завербованного итальянского дипломата и наверняка работающего не на одну разведку мира, в разведывательное управление Генштаба поступила информация о предстоящей некой важной банковской операции немецких дипломатов-разведчиков в Ленинграде. В Москве неле-

гальный резидент немецкого дипломатического ведомства под псевдонимом Рэм находился под колпаком советских контрразведчиков и уже давненько бездействовал.

Пообщавшись со своим агентом, работавшим в Госбанке страны, и проанализировав весь комплекс смежных вопросов, начальник Главного разведывательного управления Генштаба комиссар Голиков встретился со своим коллегой из Главного управления государственной безопасности НКВД и поделился своими соображениями о деятельности немецких разведчиков-дипломатов. Беседа генералов затянулась. В конце концов, они договорились о сотрудничестве...

* * *

В восемь вечера появилась строго сосредоточенная капитан Ципок. Внимательно, подозрительно с ног до головы осмотрела Сергеева. Ермолаю было очень неприятно под этим огненным взглядом, было также неприятно и за порванный ботинок.

Затем, не спеша и зорко всматриваясь, капитан медленно обошла хранилище. Следовавший рядом взволнованный Ермолай рассказывал о проделанной работе.

— Неплохо... хорошо... так-так... — отрывисто и скупо комментировала увиденное и услышанное капитан.

Закончив обход, Ципок вымолвила:

— Сейчас всем отбой. Идем, Сергеев, на ужин в столовую, затем отдых до 23 часов...

* * *

*Лондон, штаб-квартира королевской
службы английской разведки...*

Британская внешняя разведка (МИ 6) из двух своих источников получила информацию о вывозе из осажденного Ленинграда золотого запаса СССР. Сначала агент, работающий в Риге в одном из подразделений армейской немецкой разведки Абвер, передал кодовое сообщение об операции «Золотой трезубец». Затем из германского дипломатического ведомства была получена шифровка об операции «Золото Северной Пальмиры». Естественно, у англичан был великий соблазн заполучить сорок пять тонн золота! Но аналитики из исследовательского отдела МИ 6 выдали заключение о невозможности в настоящий момент заполучить и вывести советское золото на Британские острова. Поэтому руководством было принято решение использовать в данной ситуации выжидательную тактику, то есть не вмешиваться в действия немецких разведслужб, но следить за ними, одновременно не информировать официальные органы СССР...

*Москва, посольство Великобритании в СССР,
кабинет второго секретаря...*

Хозяин кабинета Джулиан Карриган, официально второй секретарь, неофициально резидент английской разведки в Москве, находился в глубоком раздумье. В свое время он за большие деньги завербовал сво-

его коллегу, резидента немецких дипломатов Рэма. На днях Карриган узнал от него об операции «Золото Северной Пальмиры». Естественно, Карриган тут же поделился информацией со своим шефом из Лондона. Карриган рассчитывал на похвалу, разработку некой операции или, как минимум, передачи информации союзникам русским, либо по линии контрразведки, либо по дипломатической линии. Но лондонский шеф воспринял известие на удивление спокойно, не выдал никаких указаний. Карриган подумал, что шеф проконсультируется с кем надо и выдаст указания позже. Но вот сегодня во время сеанса связи шеф об операции «Золото Северной Пальмиры» не обмолвился ни словом.

Карриган отпил виски из стакана, потрогал рукой свою богатую черную шевелюру, горестно подумал:

«Видимо, я что-то не понимаю в сегодняшней английской политике. Возможно, мне пора уходить на покой»...

* * *

По дороге в столовую, кивнув на порванный ботинок Сергеева, Ципок спросила:

— Что у тебя с обувью?

— Да вот, неудачно запнулся и порвал, — явно ступавшись, соврал Ермолай.

Секунду-другую капитан думала, потом спросила:

— Какой у тебя размер?

— Сорок четвертый.

— Я достану тебе настоящие офицерские хромовые сапоги, — вымолвила Ципок.

— Спасибо, не надо, — робко возразил Ермолай.

— Это не обсуждается, — резко и строго обрезала капитан.

В столовой они сели за один столик. Перед тем как приступить к еде, капитан достала из офицерской полевой сумки небольшую зеленую фляжку, быстро налила в два стакана грамм по пятьдесят-шестьдесят, судя по запаху, водки. Пронзительно взглянула на Сергеева, бросила:

— Давай, Ермолай, для аппетита, — и лихо выпила.

На свой аппетит Ермолай не жаловался, да и водку он не любил. Но ослушаться капитаншу не посмел. Не спеша выпил.

После ужина капитан Ципок спешно удалилась, Сергеев направился отдыхать...

* * *

Ленинградское управление НКВД...

Комиссар Иванов только что вернулся из Обкома партии. Жданов выдал такой нагоняй, что за три года работы с ним Иванов еще не получал, не слышал столько отборной брани... Действительно, как немцы могли так быстро узнать об операции «Элегия»? Жданова можно было понять, критика была по делу...

— Товарищ комиссар, к вам на прием капитан Ци-

пок, — раздался голос секретаря по внутренней связи.

— Пусть заходит, — бросил комиссар и включил радиоприемник.

Покрутив ручку, нашел музыкальную волну. Его любимая певица Шульженко исполняла песню «Друзья-однополчане»...

Улыбающаяся женщина быстро пересекла весь кабинет и оказалась возле сидящего в кресле комиссара. Чмокнула в щеку и, внимательно рассматривая хмурого хозяина кабинета, вымолвила:

— Ты плохо выглядишь, Феденька. Что-то случилось, милый?

— Я только что от Жданова, — тихо выдавил Иванов. — Он сказал, что немцы знают об операции «Элегия», — неподвижный, тяжелый взгляд его был направлен на стол.

Женщина вмиг изменилась в лице.

— Жданов был вне себя, — тихо продолжал хозяин кабинета. — Оказывается, он уже звонил в Москву в ЦК партии Лаврентию Берии с просьбой подключить к операции госбезопасников, а также в Генеральный штаб Красной армии с просьбой подключить и военных контрразведчиков, — зло выругался.

Женщина тихо бросила:

— Но как узнали немцы?

— Это и предстоит мне выяснить, — изрек Иванов.

— Ты кого-то подозреваешь? — быстро спросила капитан.

— Всех, кто был в курсе операции, включая конечно и себя, — нервно бросил Иванов. — Для начала я хочу

встретиться с этим хранителем золота, с этим... Сергеевым.

— Ты приедешь в банк или его привести сюда?

Иванов отстраненно раздумывал, капитан напряженно смотрела на него.

— Привези сюда, — нехотя выдал комиссар. — Да, вот еще одна новость, как результат дерганий этого тупицы Жданова. По согласованию с Наркомом Берией Жданов назначил руководителем операции «Элегия» майора госбезопасности Мхитаряна.

— М-да, — вымолвила на выдохе женщина. — Им, конечно, виднее. Тебе налить коньяка?

— Нет. Через десять минут появится этот Мхитарян, будем знакомиться и вводить его в курс операции.

— Кто он такой?

— Так, ничего особенно. Малообразованный и ужасно мнительный болван, за глаза его зовут головастиком...

За столом располагались трое: комиссар, майор и капитан. Только что капитан вкратце изложила план операции «Элегия». Какое-то время все молчали, затем майор неспешно вымолвил:

— То, что не стали вести золото самолетом, понятно, немцы имеют господство в небе. Но почему нельзя было в течение ночи загрузить золото на пароход и отправить по Неве, Ладожскому озеру и далее по Волго-Балтийской водной системе? И сейчас бы уже пароход находился где-то в районе города Костромы?

— В данный момент большую часть Ладожского озе-

ра контролируют финны. Один выстрел с катера, или бомба с немецкого самолета — и золото будет на дне, — ответила капитан.

— Можно было погрузить золото в пятнадцать автомашин и отправить по автомобильной дороге, — продолжал энергично майор.

— У нас большие проблемы с автотранспортом, — вставил комиссар. — Все отдано фронту, для операции выделили только четыре машины. Да, именно только четыре.

— Кроме этого, такую бы автоколонну наверняка бы заметила немецкая разведка и разбомбила бы с воздуха, — изрекла капитан. — И золото было бы утрачено.

В помещении повисла напряженная тишина, каждый из присутствующих думал о своем... Внезапно подал острый, неприятный звук крайний слева от комиссара телефонный аппарат. Изменившись в лице, комиссар вскочил, бросил:

— Вертушка, всем тихо, — схватил трубку и бодро изрек:

— Я слушаю, товарищ министр.

Вскочили со своих мест и майор с капитаном.

— Что у вас по операции «Элегия»? — раздался неприятный мужской голос из телефонной трубки.

— Все идет по утвержденному плану, товарищ министр, — поспешно ответил комиссар.

— А как же тогда об операции узнал наш враг?

— Мы работаем над этим, думаю, это какая-то нелепая случайность.

— В нашем деле не должно быть случайностей.

Вы лично отвечаете за результаты операции.

— Есть.

— Работайте.

— Есть, товарищ Берия, — быстро отчеканил комиссар и осторожно положил трубку.

Кистью ладони смахнул проступивший на лбу пот, не спеша сел в кресло. Следом присели майор и капитан. В помещении снова повисла напряженная тишина.

— На чем мы остановились? — оглядывая присутствующих, спросил комиссар.

— Я внимательно выслушал все ваши доводы, — вымолвил майор. — И, тем не менее, я считаю, что вы необоснованно затянули операцию.

— А я так не считаю, — резко отрезал комиссар. — Все было просчитано и рассчитано, а также согласовано с партийными органами.

— У меня будут свои коррективы к плану операции, — вымолвил майор.

— Ваше право. Мы их внимательно рассмотрим и представим товарищу Жданову, — ответил комиссар.

— Совместно с разведывательным управлением Генштаба Красной армии мы проводим расследование по факту утечки информации об операции к немцам, — строго изрек майор.

— А причем здесь военная контрразведка? — тихо спросила капитан.

— Да, причем? — строго вставил комиссар.

— Это решение Москвы, — отчеканил майор.

Комиссар на мгновение задумался, затем жестко вымолвил:

— Мы тоже проводим расследование...

* * *

В одиннадцать вечера Ермолая разбудил управляющий конторы.

«Переживает начальник за отгрузку», — подумал Сергеев, нехотя поднимаясь с раскладушки.

Он увидел стоящие у раскладушки блестящие, как у Ципок, черные хромовые сапоги.

— Это тебе капитан прислала, — ответил на немой вопрос Сергеева улыбающийся управляющий. — Заботу о тебе проявила милиционерша, цени, брат, — усмехнулся и вышел.

Сергеев примерял сапоги, они оказались в самый раз. Он мысленно поблагодарил капитаншу.

В столовой Ермолай попил чая с сухарями и отправился в хранилище. Как и накануне, вместе с банковскими инкассаторами-грузчиками они загрузили четыре грузовика. На станции «Лиговская-Товарная» уже солдаты выгрузили ящики в вагоны, сто восемьдесят ящиков — в первый вагон и оставшиеся двадцать — во второй. Сергеев руководил разгрузкой и расстановкой ящиков, крепил стеллажи. Неоднократно в небе слышался приглушенный гул самолетов.

— Фашистские разведчики летают, — комментировал капитан Чивава.

Капитан Ципок появилась на станции к концу выгрузки и была какая-то нервная, издерганная. Ермолай так и не решился поблагодарить ее за сапоги. Пару раз

капитан ни за что, ни про что накричала на Сергеева, досталось и вальяжному капитану Чивава, и железнодорожникам, и даже охранявшим солдатам. Проходя раз мимо Чивава, Ермолай услышал, как тот зло бросил в адрес Ципок:

— Ну, стерва-баба, опять напилась...

До раскладушки сильно уставший Ермолай добрался в начале шестого утра. И сразу уснул, как убитый...

* * *

Ленинград. Подвальное помещение в одном из многоэтажных домов на Лиговском проспекте...

Валет вместе со своими ближайшими корешами за накрытым столом обсуждал воровские дела. Тут же на столе лежало несколько колод игральных карт.

— Да я к нему и так, и так, и горлышко от бутылки показал, и даже бабу обещал привести, а он одно твердит — военный груз, да военный груз, — с пеной у рта и размахивая руками распинался Кот. — Подойти к этим трем вагонам никак нельзя, днем и ночью целый военный взвод охраняет. Ночью еще грузчики появляются, полный п... одним словом.

— Значит, не сумел ты, Кот, у железной дороги узнать, что за военный груз, — подвел невеселый итог Валет. — А под маркой военного груза может быть что угодно: и шмотки, и жратва разная, и техника. А? — далее последовала ненормативная лексика.

Третий присутствующий, беззубый, полностью лысый старик ловко наполнил стаканы изрядно пахнущей самогонкой.

Троица молча выпила, стала закусывать.

Валет из ближайшей к нему колоды вытянул одну карту. Рассмотрев ее, взглянул на лысого старика и выдавил:

— Тебе, Зуб, придется поработать. У тебя там есть такой пацан, которого кличут, кажется, Шплинтом, он еще с заячьей верхней губой. Шустрый такой, верткий, в любую щель пролезет. Так вот, пусть он ночью поработает по этим вагонам.

— Да не подойти к вагонам, убьют же солдаты, — рявкнул Кот.

— Тебя, дурака, да, убьют, — строго продолжал Валет. — А пацан тихо так подлезет к вагону, ну, тот, который первый грузили. Осторожно и толково снизу в днище сделает дырочку и посмотрит, что в вагоне находится, — положил карту в колоду.

— Бросить надо эти вагоны, есть же у нас другие эшелоны. Убьют Шплинта, — разливая самогон, вставил Кот.

— Если убьют, значит, судьба у него такая, — медленно изрек Валет, ухмыльнулся. — А вот если узнает Шплинт, что в вагоне находится, — развел руками, — мы тогда и решим, что делать дальше. Ну и Шплинта наградим по-царски.

Кореша авторитета переглянулись.

— Ну, за воровскую удачу! — весело предложил тост Зуб.

— За нашу удачу, — вяло поддержал Кот.
Троица дружно выпила...

Глава 3

Ленинград...

На кровати, слегка прикрывшись простыней, лежали обнаженные мужчина и женщина. Изящно держа сигарету двумя пальцами, она курила. А светловолосый, с квадратным лицом, крупный мужчина-атлет, казалось, находился в забытьи.

Вот женщина повернулась к прикроватному столику. На нем стояла бутылка коньяка, бутылка воды, тарелка с нарезанными лимонами, несколько стаканов и какие-то белые таблетки.

— Ты выпьешь? — приподнимаясь с кровати, спросила женщина.

Мужчина отрицательно покачал головой и изрек мягким голосом:

— Дай мне лучше таблетку первитина (наркотический препарат).

Женщина приподнялась, почти полностью раскрыв свое прекрасное тело, быстро налила полстакана воды и полстакана коньяка. Воду и белую таблетку передала мужчине.

— А я выпью, — слегка улыбнувшись, бросила женщина. — От такой жизни порой мне так и хочется напиться.

Лихо осушила стакан, закусила лимоном и глубоко выдохнула.

— Понимаю тебя, — тихо выдавил мужчина, запивая таблетку водой.

— Как мне хорошо и спокойно с тобой, — тихо и проникновенно вымолвила женщина.

— А мне с тобой, — в тон ответил мужчина.

Женщина медленно поставила стаканы на столик, снова легла в постель, прижавшись к сильному мужскому телу.

Какое-то время они лежали молча.

— Как мне надоело играть и корчиться! — эмоционально изрекла женщина. — Ну, скажи, — капризно добавила, — когда кончится эта война и весь этот дурдом?

— Война — не знаю, — ответил мужчина. — Но лично для нас дурдом закончится вполне возможно скоро. В Аргентине на подставное лицо я оформил ранчо, практически готов и транспортный коридор для нас и груза. В данный момент оформляются на нас документы.

— Золото — металл царей и королей, — мечтательно вымолвила женщина, грациозно рукой сделала пируэт в воздухе. — И..., мой тоже любимый металл.

Не менее грациозно затушила сигарету и спросила:

— Ты уверен в своем знакомом из этого городка Ладденпохьи?

Этот небольшой городок на северном побережье Ладожского озера был оккупирован в июле 1941 года финскими войсками.

— Да, дорогая, — выдавил мужчина. — У него отмен-

ный, скоростной катер, как раз нужной нам грузоподъемности.

Раздумывая о чем-то, женщина довольно улыбнулась.

Затем повернулась лицом к сосредоточенному мужчине, сверкнула глазами и тихо и проникновенно вымолвила:

— Я так тебя люблю!

Мужчина вспыхнул.

— Я тоже.

Они слились в страстном поцелуе, а их красивые тела — в единое целое...

* * *

Ермолай проснулся и сразу понял, что его кто-то усиленно трясет за плечо. Недовольно выругался, нехотя открыл глаза и увидел стоящего рядом хмурого управляющего конторой.

— Трясу-трясу и никакой реакции, — уже улыбнувшись, вымолвил Коваль. — Понимаю, что умаялся бедняга Ермолай. Но вставать надо, уже полдень на дворе, дела делать надо.

Протирая ладонями глаза, Сергеев принял вертикальное положение. Сразу почувствовал боль во всем организме.

— Давай, на обед в столовую и потом быстренько в хранилище, — сказал Коваль и направился к выходу.

Ермолай недовольно выругался про себя, бросил вдогонку управляющему:

— Да, я сейчас, — и стал осторожно подниматься с раскладушки...

* * *

Оккупированное в июле 1941 г. финскими войсками северное побережье Ладожского озера...

Из Выборга до города Сортавала, порядка ста километров, барон фон Шоммер решил проехать на машине. Сначала в дороге немного подремал, мысленно исполняя ранние мелодии своего любимого композитора Вагнера. Затем из окна стал любоваться чудной природой: по правую руку спокойное и одновременно величественное иссиня-голубое Ладожское озеро, его береговая линия сильно и порой причудливо изрезана, местами каменистая, виднелись небольшие зеленые острова; по левую — удивительный зеленый лес из сосны и ели, два небольших островка из бело-зеленых берез, то там, то там выступали небольшие, заросшие зеленью скалы...

Встреча с фельдмаршалом Маннергеймом была скоротечной. Высоченный, с прекрасной осанкой, выправкой и манерами аристократа, одним словом, настоящая белая кость, старик пообещал оказать всемерную помощь. По указанию Канариса финн не был посвящен в суть операции. Однако в конце аудиенции фельдмаршал, прищурившись, попросил в случае успеха некий презентик. Барон, разумеется, выругался про себя, возмущенно бросил:

«Ну не могут без подачек эти союзнички?!».

Дорога, постоянно виляя, следовала по извилистому берегу. Проехали небольшой, утопающий в зелени городок Лахденпохья, через пятнадцать километров должна показаться и Сортавала. Вот справа показались Валаамские острова, сквозь зеленые деревья хорошо просматривались белеющие церковные храмы с голубыми колоколами. Но не природными и рукотворными красотами были заняты мысли барона и даже не старым хитрым фельдмаршалом. Перед выездом из Выборга барон получил шифрованное донесение от агента Оракула. Оказывается, русские знают об операции по захвату сорока пяти тонн золота!

А это означает, что в рижском центре Абвера находится русский разведчик! Была и вторая неприятная весть в донесении — назначение русскими нового руководителя операции по перевозке золота...

*Пригород небольшого городка Сортавала
вблизи Ладожского озера...*

Барон фон Шоммер вместе с помощником капитаном Ланге обследовал пятисотметровую штольню в скальном грунте. В штольню вела железнодорожная ветка и автомобильная, грунтовая дорога. Хорошо замаскированная и с земли, и с воздуха, она по всем параметрам вполне устроила сотрудников Абвера.

Довольный барон мысленно похвалил старика фельдмаршала.

«Хотя... — хмуро раздумывал барон, — в свете по-

следних событий в Ленинграде вариант с Сортавалой может и не пригодиться».

Во время ужина появилась пышногрудая блондинка-финка по имени Хильда. Круглолицая, ярко накрашенная и вместе с тем какая-то безликая женщина расположилась напротив барона и постоянно подмигивала ему. Барон сразу вспомнил интеллигентную, с тонкими чертами лица жену Маргарет, находящуюся в данный момент в одном из госпиталей Гамбурга. Затем предупредительную и учтивую секретаршу-любовницу Марту.

«Кто подослал ко мне эту Хильду? Зачем нужно так примитивно следить за мной? — подумал барон, имеющий более чем двадцатилетний стаж работы в разведке. — Старик Маннергейм или... наши органы, например, гестапо, или же русские? Хотя... Может, девочка просто хочет оторваться от однотонной обыденной жизни?».

Думать о том, что его так элементарно проверяет шеф Канарис, он просто не хотел.

— Что делает в наших богом брошенных местах господин барон? — неестественно улыбаясь, жеманно спросила Хильда.

— Любуюсь вашей чудной природой, — бросил в ответ барон.

Болтая, блондинка усиленно налегала на еду и выпивку. При этом она не забывала бросать барону улыбки и прочие, весьма вольные знаки внимания. Барон был сух и сдержан и не стал отвечать на откровенные призывы блондинки.

После ужина он проинструктировал и оставил в Сортавале капитана Ланге. А сам на военно-транспортном самолете с нехорошими предчувствиями улетел в Ригу...

* * *

Сергеев с инкассаторами-грузчиками работал в хранилище. Нужно было подготовить к отправке очередную партию ящиков со слитками. Это означало проверить все предстоящих к отправке двести ящиков на предмет наличия слитков и годности тары. В ходе этой работы необходимо было тщательно обследовать деревянную обшивку ящиков, при необходимости отремонтировать ее. То есть приходилось перемещать как ящики, так и отдельные двенадцатикилограммовые слитки...

В кладовую стремительно вошла капитан Ципок, за ней, едва поспевая, запыхавшийся управляющий. Капитан что-то буркнула под нос, критически осмотрела помещение.

— Сергеев, собирайся, — зычно изрекла Ципок, — пойдешь со мной. А вы, Коваль, — обращаясь к управляющему, — проконтролируйте ход всех необходимых работ.

— Все будет сделано, как положено, товарищ капитан, — залепетал подобострастно старик.

Ципок развернулась и направилась к выходу. За ней, на ходу надевая пиджак и ругаясь про себя, проследовал недовольный и изрядно усталый Ермолай...

* * *

Москва, улица Пречистенка...

Из подъезда дома вышел лысый, слегка сутулый мужчина в сером костюме с авоськой в руке. Посмотрел направо, налево и неспешно зашагал по тротуару. Стоявший на противоположной стороне улицы черный легковой автомобиль медленно тронулся с места. Метров через пятьсот лысый мужчина остановился у витрины магазина, рассмотрел ее, затем осмотрелся по сторонам и неспешно продолжил свой путь.

Вот мужчина в сером костюме резко завернул в подворотню дома. Черный автомобиль затормозил, из него вышли двое мужчин в темной одежде. Они стремительно пересекли дорогу и свернули в ту же подворотню дома. Через минуту из автомобиля вышел еще один мужчина. Он также быстро перешел дорогу и свернул в тот же двор дома...

*Москва, штаб-квартира Главного
разведывательного управления
Генерального штаба Красной армии...*

В типично служебном кабинете находилось двое военных мужчин. Хозяин кабинета, комиссар (или генерал-лейтенант) Голиков Филипп Иванович, заместитель начальника Генерального штаба Красной армии — начальник Главного разведывательного управления, по-хозяйски располагался за рабочим столом. Филипп Иванович был преданным коммунистом и вер-

ным службистом, но он не являлся профессиональным разведчиком. Просто в силу обстоятельств в июле 1940 года оказался на этом месте. И как каждый непрофессионал в своем деле, он не совсем доверял настоящим профессионалом, считал, что над ним подсмеиваются и определенно подсиживают. Прямо за ним на стене красовался черно-белый портрет Ф. Дзержинского.

Напротив, за приставным столом, находился широкоплечий мужчина, на воротнике его гимнастерки в красной петлице находилось две шпалы. Майор Истомин являлся ведущим сотрудником германского отдела управления. Только что он сделал, очевидно, не совсем приятное сообщение.

— Ну как же можно было упустить Рэма! — воскликнул хозяин кабинета. — Хорошо известно, что он опытный разведчик, как можно было его одного запустить в эту подворотню? Там же, если мне память не изменяет, через проходные дворы можно выйти на Лопухинский или Барыковский переулки, где его уже наверняка поджидала машина, — всплеснул руками. — Такой прокол допустили!

— Увы, так видимо и получилось. Полагаю, не все так безнадежно. Мы знаем его московские адреса...

— Да не найдем мы его, Истомин! — недовольно перебил хозяин кабинета, ударил кулаком по столу. — Не для того скрылся матерый разведчик, чтобы мы его опять обнаружили!

В помещении повисла напряженная тишина.

— Он наверняка отправился в Ленинград, — тихо произнес хозяин кабинета. — Отдайте соответствующ-

щие указания.

— Есть, товарищ генерал.

— И сами немедленно выезжайте, майор Истомина, в Ленинград. Наши приоритеты остаются прежними.

— Есть, товарищ генерал...

* * *

Ципок и следом Сергеев вошли в просторный кабинет, прошли на его середину.

— Товарищ комиссар, — строго вымолвила капитан.

— По вашему приказанию...

Сидевший за рабочим столом лысый мужчина в военной форме махнул рукой, потушил папиросину в пепельнице. Затем встал, оправил гимнастерку и подошел к стоявшим на вытяжку Ципок и Сергееву. Комиссар сначала осмотрел с головы до ног капитана. Затем перевел строгий взгляд на Сергеева, шагнул в его сторону. От комиссара исходил основательный табачный запах.

— Вот ты какой, хранитель ценностей, — выдавил комиссар. — Читал я твое личное дело, вот и капитан о тебе хорошего мнения.

Что-то достал из кармана галифе и со словами:

— Поздравляю с получением первого офицерского звания, младшего лейтенанта милиции, — вручил небольшую серую корочку.

— Это удостоверение личности офицера, — пояснил строго хозяин кабинета. — Ты будешь, Сергеев, по-прежнему, числиться банковским служащим и вне-

штатно работать у нас. Сам понимаешь, время сейчас трудное, нужно неукоснительно выполнять указания начальников, а люди у нас разные.

Сергеев пожал протянутую кисть руки комиссара и кивнул.

— Ты должен оправдать высокое доверие Наркома товарища Берии и лично комиссара товарища Иванова, — пафосно вставила Ципок.

— Я постараюсь, — смущенно выдавил Сергеев.

— В военное время мы все должны быть бдительны и беспощадны к врагам советской Родины, — продолжал грозно комиссар. — Ты, Сергеев, должен пресекать все противоправные действия и немедленно докладывать капитану Ципок. Враги могут носить и нашу военную форму, поэтому в ходе всей операции будь особенно внимателен и бдителен.

— Есть, — изрек Сергеев.

Какое-то время мужчины смотрели друг другу в глаза.

— Ну, давай иди, я надеюсь на тебя, — бросил комиссар, развернулся и пошел к своему рабочему столу.

Ципок и Сергеев развернулись и покинули кабинет.

— Ты произвел на комиссара хорошее впечатление, — бросила в приемной капитан.

Находясь под впечатлением от всего увиденного и услышанного, Ермолай решил промолчать.

Они прошли в оружейную комнату. Их встретил хмурый майор. Он внимательно рассмотрел удостоверение Сергеева и затем выставил две коробки. Из большей по размеру майор аккуратно достал пистолет и вымолвил:

— Револьвер системы Наган, калибра девяти миллиметров, барабан вмещает семь патронов, прицел отрегулирован на двадцать пять метров. Стрелял из него?

— Так точно, — ответил Ермолай.

Майор открыл вторую маленькую картонную коробочку, там находились патроны.

— Здесь двадцать один патрон, то есть три боезаряда, — выдавил майор и быстро зарядил барабан револьвера.

— Береги личное оружие, ухаживай за ним, как за женщиной, — вручая оружие Сергееву, строго и назидательно изрек майор. — Это не игрушка, из него убивают людей. За утерю личного оружия пойдешь под трибунал, патроны храни в сухом месте.

Ермолай внимательно слушал. Затем расписался за оружие, получил карточку-разрешение на него.

— Оружие ты должен носить скрытно, — строго пояснила Ципок. — Скажем, в кармане пиджака, или за поясом брюк. Чтобы его не было видно другим, то есть окружающим людям. Ясно?

— Понял, — убирая револьвер во внутренний карман пиджака, ответил Ермолай.

Картонную коробочку он положил в карман брюк.

— Применять пистолет в экстренных случаях, — продолжала капитан. — В случае угрозы жизни тебе или другим окружающим людям, например, сотрудникам органов...

В коридоре управления Ципок и Сергеев столкнулись с черноволосым мужчиной небольшого роста в во-

енной форме. На воротнике его гимнастерки в малиновой петлице красовался один золотистый ромб.

Ципок моментально заулыбалась и весело вымолвила:

— Здравствуйте, товарищ майор, какая встреча.

— Здравствуйте, — процедил сквозь зубы мужчина и яростно, с горящими глазами буквально впился в Ермолая.

— Знакомьтесь, — продолжала весело Ципок. — Это, — показывая рукой на Ермолая, — старший хранитель Сергеев. А это...

— Я сам, — оборвал мужчину, протянул руку и хмуро, но важно вымолвил. — Майор государственной безопасности Мхитарян.

Сергеев пожал небольшую, но сильную кисть руки майора, кивнул и подумал:

«Какая у него большая голова, совсем не соразмерная туловищу. Наверное, он сильно умный мужик».

— Вы куда? — уже обращаясь к Ципок, властно спросил майор.

— В контору Госбанка.

— Я тоже скоро там буду, — процедил майор, развернулся и решительно зашагал в противоположную сторону.

«Не очень приятный тип», — подумал Ермолай.

— Это наш куратор по операции, — отстраненно и небрежно ответила Ципок на его немой вопрос, тихо выругалась и зло по слогам прошептала. — Со-гля-да-тай. Для простоты в общении, между нами будем его называть, — усмехнулась, — Головастик.

Ермолай толком так и не понял, кто же этот майор и как его следует называть. Но переспросить не решился.

— Сейчас мы отправляется в банк, — строго изрекла капитан...

* * *

*Восточная Пруссия, вилла в Штейнорте,
резиденция рейхсминистра Риббентропа...*

В небольшой деревянной беседке стояло кресло-качалка. На нем расположился солидный мужчина в белой рубашке и зеленых военных галифе. В руках он держал каталог ценностей, захваченных его сотрудниками в странах Восточной Европы. Мужчина тихо раскачивался и что-то определенно обдумывал. Из стоявшего невдалеке радиоприемника доносилась музыка Вагнера.

Риббентроп с удовольствием рассматривал каталог, почти каждый день он расширялся и дополнялся. Правда, по количеству экспроприированных ценностей гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох шел с явным опережением. Но Риббентроп относился к этому без ревности...

К беседке приблизился мужчина в очках, уже в возрасте, одетый в черный костюм и с черной папкой в руке.

— С чем пожаловал, Шульц? — спросил сидящий мужчина.

— Господин министр, агент, отправленный в Москву в рамках операции «Золото Северной Пальмиры» не может выйти на Рэма.

— Он, наверное, уже в Петербурге.

— В Петербурге Рэма тоже нет.

Риббентроп встал с кресла-качалки и задумался. Он знал Рэма давно, знал его семью и был о нем высокого мнения. Куда мог он пропасть: арестовали русские; нашли какие-то давние враги, включая людей СС или Канариса, и убили; переметнулся к американцам или англичанам; какой-то несчастный случай; или что-то еще. Риббентроп вспомнил, что в 1940-м и в первой половине 1941 года Рэм неоднократно докладывал о нежелательности войны с Россией. И возможно, он был прав, теперь вот он пропал. В любом случае это плохо, Рэм много знает и о захваченных славянских ценностях, да... и о личном бизнесе самого Риббентропа. Он много что умеет, на него были большие надежды по операции с русским золотом. Если Рэм совершил нечто недостойное, то, возможно, придется от него отречься и изрядно замазать грязью...

Пауза затягивалась, невозмутимый Шульц переминался с ноги на ногу и терпеливо ждал.

Наконец, Риббентроп спросил:

— Вы считаете, что Рэма арестовала русская контрразведка?

— У нас нет таких данных.

— Тогда ищите его, — нервно бросил Риббентроп и энергично продолжил. — Я знаю Рэма двадцать лет, он отменный специалист, опытный оперативник

и агент, знает кучу языков, участвовал во многих наших операциях, имеет массу различных наград. Я был уверен в нем, по крайней мере, до сегодняшнего дня, как в себе.

Шульц предпочел промолчать.

— Что слышно по данной тематике из ведомства Канариса? — спросил Риббентроп.

— Их операция под кодовым обозначением «Золотой трезубец» в полном разгаре. Господин министр, как вы думаете, где стоит сейчас искать Рэма?

«Какой же он болван!»! — воскликнул Риббентроп.

Но через секунду-другую он решил, что Шульц, как настоящий служака, решил просто подстраховаться. Нехотя резко ответил:

— Поиск должен вестись негласно, без шума. Ищите его в Москве, Ленинграде, — замолчал на секунду, — в общем, у русских ищите. А также, — добавил явно с усилием и очень тихо, — у англичан и американцев, и прочих наших врагов, а также нейтралов...

* * *

Ципок и Сергеев прошли в столовую. Капитан ловко разлила из своей фляжки водку по стаканам. Мило улыбаясь, изрекла:

— Поздравляю, Ермолай. Вот теперь ты наш человек.

Сергеев слегка улыбнулся, последние два-три дня события развивались очень бурно. Ему было еще трудно осознать, что он уже офицер, что он участвует в го-

сударственной важной операции.

Они выпили, стали есть.

— Мы должны держаться вместе, — мягко вымолвила капитан. — Этот Мхитарян, вернее, — улыбнулась, — как мы договорились, Головастик — дрянной, непорядочный человек. Он никому не верит и абсолютно всех подозревает. Он может заставить тебя быть стукачом, например, стучать ему на меня. Понимаешь?

— Не очень, — честно ответил Ермолай.

— Потом поймешь, а пока слушай меня, — весело бросила капитан, быстро разлила водку. — Ну, давай выпьем и отдыхать.

Они выпили, быстро поели.

— Пошли в твою спальню, — весело бросила капитан.

«Какая-то она сегодня необычная, веселая и милая», — подумал немного удивленный и слегка захмелевший Ермолай.

Когда они вошли в красный уголок, Ципок закрыла помещение на ключ. Потом подошла к Ермолаю вплотную, широко улыбнулась, взяла за руки, взглянула в глаза и весело изрекла:

— Наша сегодняшняя жизнь такая грубая и жесткая. А так хочется чего-нибудь нежного, приятного, человеческого.

Ермолай не знал, что сказать на эти совсем необычные слова капитанши, да и тон, с которым они были произнесены. В ее глазах бегали какие-то шальные огоньки.

— Ты хоть целовался с девчонками? — широко улы-

баясь, весело спросила капитан.

— Да, — ощущая тепло и запах женского тела, смущенно и тихо выдавил Ермолай.

— Имел физические отношения?

— Да.

— Тогда поцелуй меня. Ведь я тебе нравлюсь?

Сердце у Ермолая забилося учащенно, красивые, зеленые и одновременно огненные глаза были совсем рядом.

— Ведь нравлюсь, Ермоша?

В бездонных женских глазах отражалось что-то неведомое и влекущее и одновременно странное и чужое. Ермолай с усилием выдавил:

— Да...

— И ты мне тоже. Раздеваемся, Ермоша.

Она быстро сбросила военную форму и предстала в соблазнительном женском белье: черных кружевных трусиках и бюстгальтере. Еще мгновение и... О!.. Ермолай впился глазами в изумительное нагое, прелестное женское тело...

* * *

*Ленинград, окрестности станции
«Лиговская-Товарная»...*

В зеленых зарослях кустарника искусно замаскировался молодой мужчина в зеленоватой, военной форме без знаков различия и пилоткой на голове. Сверху кустарник прикрывают кроны развесистых кленов растущих стеной вдоль железной дороги.

Притаившись на корточках, мужчина в бинокль наблюдает за станцией, за основными и запасными ее путями. Особенно внимательно и напряженно он наблюдает за стоящими в стороне на запасных путях, метрах в ста с небольшим, тремя коричневыми товарными вагонами. Эти вагоны по всему периметру охраняются десятком вооруженных солдат...

По стволу клена бесшумно и мягко, словно кошка на охоте, медленно лезет небольшой мужчина восточной внешности в военной форме. В зубах он держит нож-финку. Вот мужчина осторожно встает на большую ветку, что-то высматривает внизу в зарослях кустарника и..., словно коршун, падает камнем вниз. Судя по звукам, в кустарниках завязывается жестокая борьба. Несколькими секундами позже к кустарникам устремляются еще двое мужчин с пистолетами в руках...

* * *

После бурного секса капитан Ципок чмокнула Сергея в щеку, мило улыбаясь, весело бросила:

— Спасибо, мой мальчик, ты был просто великолепен.

Плохо соображающий, полностью обессиленный Ермолай что-то невнятно пробормотал. Между тем женщина быстро оделась, улыбнувшись, помахала ручкой и ушла.

Некоторое время Ермолай находился в полузабытье,

такого наслаждения он еще не испытывал. Приходя в себя, он старался сосредоточиться, но перед глазами стояло прекрасное гибкое женское тело, теплые руки и зеленые, огненные, зовущие глаза...

Отгоняя видение и сжимая зубы, попытался обдумать события дня. Но мысли постоянно путались: строгий комиссар Иванов, хмурый майор госбезопасности с горящими глазами Мхитарян, прекрасная, нагая, с огненными глазами Ципок, жадная и ненасытная в сексе, отданный им на анализ слиток...

«Какая она все же красивая! — воскликнул не в силах сдержаться. — Надо же, я ей, оказывается, нравлюсь?».

Он еще долго не мог уснуть, в голове была полная путаница...

* * *

*Рига, особняк в старой части города,
штаб-квартира регионального центра Абвер...*

Барон фон Шоммера выслушал бодрый доклад своего заместителя о ходе операции «Золотой трезубец». Операция шла по разработанному плану и оснований для беспокойств, вроде бы, совсем не было. Но донесение агента Оракула о том, что русские знают об операции по захвату золота, сильно встревожило барона. Он был почти уверен, что в связи с назначением нового руководителя операции по перевозке золота, русские могут поменять и сценарий операции...

Барон отпустил своего заместителя и глубоко задумался. Об операции «Золотой трезубец» знали совсем немногие: заместитель по центру, майор Рихард Мухель (три члена его диверсионной группы об операции не были осведомлены), капитан Ланге, шифровальщик центра. Ну, еще агент Оракул и его связной-радист, безусловно, адмирал Канарис. Последних троих барон исключал из списка потенциально подозреваемых лиц.

«Получается, — воскликнул барон, — четверо подозреваемых человек. Это подполковник Ковальски — заместитель по центру имел польские корни, майор Мухель, капитан Ланге и ефрейтор Клаус — шифровальщик центра имел родственников в Чехии. Итак, с кого начать проверку?».

Задумчивый барон подошел к музыкальному центру и поставил пластинку поздней работы Вагнера, оперы «Тристан и Изольда». Слушая произведение, он раздумывал об операции «Золотой трезубец»...

* * *

В одиннадцать вечера Сергеева разбудит управляющий конторой.

— Голубчик, голубчик, пора вставать, — повторил Коваль несколько раз, пока Ермолай окончательно не проснулся.

Ермолай поднялся с раскладушки с трудом, руки, ноги и спина были словно чужие. Сказывались последствия двух ночных погрузок, да и интенсивный секс с капитаншей потребовал затрат многих сил и эмоций.

«Когда все это кончится...» — недовольно пробубнил про себя Ермолай.

С трудом сделал небольшую разминку, выполнил все гигиенические процедуры и отправился в столовую...

На погрузку ящиков в машины прибыли майор Мхитарян и капитан Ципок. С кислым, недовольным выражением лица майор-Головастик ходил по хранилищу, везде совал свой длинный, горбатый нос и мешался под ногами. Сергеев материл про себя Головастика и при первой же возможности рассматривал Ципок. Но женщина держалась важно и гордо, была невозмутимо холодна и не обращала на него никакого внимания. Это почему-то задевало Ермолая.

Майор полез на машины и стал оценивать правильность погрузки и крепежа ящиков. При этом он усиленно мотал головой, то ли в знак похвалы, то ли в знак несогласия. Сергеев слегка напрягся. Но Головастик, ни сказав ничего, быстро сел в легковой автомобиль и отправился на железнодорожную станцию. Везде ходившая с ним капитан Ципок с непроницаемым лицом также отправилась на станцию, но на другой машине, так ничего и не сказав Ермолаю...

После окончания погрузочных работ, он выехал на станцию вместе с колонной.

Выгрузка ящиков из машин и погрузка в вагон проходила по отработанной схеме. Правда, как и в хранилище, мешался под ногами и везде совал свой неприятный нос недовольный майор Мхитарян. Зада-

вал он и разного рода вопросы Сергееву. Односложно отвечая, Ермолай обеспокоено думал о своем, когда же вернет слиток Ципок...

* * *

Ленинград, запасные пути станции «Лиговская-Товарная», половина четвертого ночи...

В стороне от товарных составов в полутьме стоят три вагона, усиленно охраняемых солдатами с винтовками. В один из крайних вагонов идет погрузка, солдаты носят деревянные темные ящики.

К другому крайнему вагону из кустов осторожно, попластунски, пробирается маленький паренек. Вот один из солдат-охранников отходит в сторону, паренек в это время незаметно юркает под днище вагона и замирает. Солдаты-охранники продолжают прохаживаться вдоль вагонов.

Через некоторое время один их солдат останавливается и прислушивается. Из-под днища вагона раздается тихий скрежет. Солдат наклоняется и всматривается. Затем срывает с плеча винтовку, передергивает затвор и кричит:

- А ну вылазь, гад! Стрелять буду!
- Дяденька, не надо стрелять, — раздается писклявый голосок, и через секунду показывается голова подростка...

На табуретке сидит подросток с заячьей верхней

губой и плачет. В метре от него стоят двое военных, майор и женщина-капитан.

— Перестань реветь, — грозно бросает чернявый, горбоносый майор. — Кто ты такой?

— Я Шплинт, — заикаясь, изрекает подросток.

— Беспризорник? — строго спрашивает капитан.

— Да, папка и мамка на фронте. Я тоже хотел на фронт, но меня не берут, вот тут с ворами и кантуюсь.

— Что ты искал в вагоне? — спрашивает майор.

— Кот сказал, что там должна быть жратва. Ну, это... и велел мне посмотреть.

— И что ты нашел в вагоне? — строго спросила капитан.

— Ничего не нашел, — проямлил подросток. — Я только перепилил доску пола, а там другая доска. Тут меня и заметил солдат.

Майор и капитан переглянулись.

— Кто такой Кот? Где он находится? — резко спросил майор.

— Ну, он у нас, у беспризорников, старший, — заикаясь, тихо отвечает подросток. — Сейчас, наверное, самогон пьет с Валетом, обжирается да в карты играет.

— А кто такой Валет? — спрашивает капитан.

— О! Он здесь в районе самый главный вор.

Майор и капитан переглядываются.

— Ты знаешь, где Кот и Валет сейчас? — спрашивает майор.

— Они меня убьют, — хнычет подросток.

— Не убьют, мы тебя отправим из города на большую

землю, — вставляет капитан. — Куда ты хочешь?

— К тетке в Вологду, — хнычет подросток.

— Я даю тебе слово офицера, — энергично изрекает майор, — что мы тебя прямо сейчас посадим на ближайший поезд, следующий в Вологду. Скажи только, где Валет и Кот?

Спустя полчаса...

В подвальное помещение врывается группа солдат-автоматчиков. За накрытым столом сидят трое уже подвипивших мужчин, они определенно выпивают, закусывают, ведут неспешный разговор и играют в карты. При виде военных они удивленно замирают.

— Кот и Валет здесь? — громко спрашивает один из военных.

— Ну, — вяло раздается из-за стола. — Что надо?

Ничего не объясняя, автоматчики открывают огонь по мужчинам, явно не ждавших таких гостей...

* * *

После окончания всех погрузочных работ изрядно уставший Сергеев собрался в контору, нужно было покушать и затем отдохнуть. Какое-то время он ждал бурно беседующую невдалеке с железнодорожниками капитана Ципок. Он надеялся, что капитан отвезет его к банку на своей машине

Но сердитая капитанша, закончив разговор на высокой ноте и не обратив никакого внимания на поджидав-

шего Ермолая, куда-то быстро удалилась с взъерошенным майором Мхитаряном.

Ермолай выругался про себя. Его подбросил на машине до банка молчаливый капитан Чивава...

* * *

Ленинградское управление НКВД...

В кабинете комиссара милиции находилось трое сосредоточенных военных: хозяин кабинета, майор Мхитарян и капитан Ципок. Между ними происходил непростой разговор.

— ...Я еще раз повторяю, операция «Элегия» плохо спланирована, необоснованно растянута во времени и ненадлежаще проводится, — эмоционально распыхлялся раскрасневшийся майор. — Я считаю своим долгом об этом доложить начальнику Главного управления государственной безопасности страны.

Капитан нетерпеливо и, судя по выражению лица, недовольно ерзала на стуле.

— Давайте не будем нервничать и вначале во всем разберемся, — взял слово комиссар. — Операция была спланирована, исходя из имеющихся возможностей сегодняшнего дня, и согласована с товарищем Ждановым. И давайте поставим на этом точку, иначе мы можем зайти далеко.

Присутствующие офицеры молчали.

— Далее, — продолжал комиссар, — ну подумаешь, нашли воришку, подростка этого Шплинта.

Но он же ничего не видел, ничего не знает и ничего не украл. Опять же, ликвидировали воровскую малину и трех матерых уголовников. Отлично! Загрузка вагонов идет по графику и в следующую ночь будет закончена. Идем далее, я уважаю вашего начальника, но не забывайте, товарищ майор, что в список допущенных к операции лиц он не включен. Поэтому, мне вы свое мнение высказали, я ответил на ваши сомнения. Вы, конечно, можете записаться на прием к товарищу Жданову, но у него сейчас столько дел и забот. Одним словом, ему не до нас. Да и не будет он наши проблемы решать, вы должны это понимать, Мхитарян. Что касается ваших сомнений, что кто-то якобы из допущенных к операции лиц предоставил информацию немцам... Я лично провожу расследование, и есть уже подвижки. О результатах расследования я вас проинформирую.

— Значит, вы, товарищ комиссар, считаете, что все идет очень хорошо? — спросил язвительно майор.

— Я считаю, что все идет по плану, и оснований для паникерства нет, — строго отрезал комиссар.

— А вражеская разведка? — бросил майор.

— Разведка всегда была и будет, — спокойно вставил комиссар. — Это неоспоримый и непреложный факт. А на вражескую разведку есть наша контрразведка.

В кабинете повисла напряженная тишина.

— Товарищи мужчины, — изрекла Ципок, — времени восьмой час утра, разрешите мне идти отдыхать?

— Нам всем надо отдохнуть, — отчеканил комиссар. — Совещание окончено, до свидания, товарищи офицеры...

* * *

В банке Ермолай медленно добрел до столовой. Без аппетита, практически на автомате, поел. С трудом поднялся из-за стола и отправился в свою «спальную» комнату. В голове блуждали самые разнообразные мысли, но физическая усталость чувствовалась гораздо сильнее. Он почти моментально уснул...

Глава 4

*Ленинград, один из служебных офисов
Главного разведывательного управления
Генштаба Красной армии...*

Посреди квадратного, ярко освещенного помещения в серых тонах расположен стол. За ним, напротив друг друга, на стульях находятся двое мужчин в военной форме. Судя по недовольным лицам, разговор у них явно не складывается. Скучает и сидящий за столом в углу молодой военный, записывающий разговор.

— Мы час топчем воду в ступе, — недовольно изрекает старший по возрасту мужчина. — Напоминаю последний раз, я майор Истомин, сотрудник разведывательного управления Генштаба Красной армии. Если в госбезопасности пытаются, калечат ну и так далее, то у нас просто расстреливают. Ты находился явно с разведывательной миссией на военном объекте, че-

рез станцию проходит масса поездов с различными военными грузами. У меня нет времени прохладиться здесь с тобой. Спрашиваю в последний раз, ты будешь со мной нормально говорить? Даю на раздумья ровно пять минут. После этого я передаю тебя в руки расстрельной команды, — взглянул на ручные часы. — Время пошло.

— Я буду говорить, товарищ майор, — дрожащим голосом вымолвил сидящий напротив молодой мужчина. — Я Иван Сукрустов, бывший красноармеец, меня в 1940 году похитили в Гродно и переправили в Восточную Пруссию, потом школа Абвера под Кенигсбергом...

— Хорошо, Сукрустов, предыстория потом, — энергично перебил майор. — Скажи сейчас быстро, что ты делал с биноклем на станции «Лиговская-Товарная»? И как ты там оказался?

Молодой человек закивал и вымолвил:

— Меня вчера забросил в Ленинград немецкий Абвер. По указанию старшего, майора Мухеля, на станции я должен был следить за тремя коричневыми товарными вагонами...

Через час воодушевленный майор Истомин по закрытой линии докладывал в Москву Начальнику Главного разведывательного управления Генштаба комиссару Голикову...

* * *

Ермолай открыл глаза и увидел прямо перед собой улыбающуюся Ципок. Она сидела на краешке раскладушки и держала свою руку на его груди. Он снова закрыл глаза.

— Это не сон, Ермоша, это я.

Ермолай открыл глаза, впился взглядом в красивые, зеленые, огненные глаза. Ципок рукой потрепала его грудь. Он улыбнулся, уловил идущий от женщины запах духов и стал приподниматься. Но капитан надавила рукой на его грудь и вымолвила:

— Лежи спокойно. Скажи мне, что говорят в банке про нашу операцию?

Секунду-другую Ермолай переключался на вопрос.

— Ничего не говорят, в принципе у нас постоянно что-то привозят, что-то увозят. Поэтому отношение спокойное, да и людей-то у нас сейчас в два раза меньше, чем было до войны. Все заняты работой, люди работают по двенадцать и более часов. Одно все говорят, что скоро нас как банк ликвидируют, людей эвакуируют куда-то на восток.

— А что за тип ваш управляющий?

— Он в конторе с 1918 года, говорил, что по направлению Петроградского Ревкома. Ветеран, вообще-то нормальный мужик, специалист банковского дела. Правда, здоровье у него не на все сто. А что?

— Молодой ты еще, много не замечаешь, — слегка усмехнувшись, изрекла капитан и быстро поцеловала в лоб.

Ермолай было приятно ощутить теплые губы. Он ин-

стинктивно потянулся к женщине. Вот уже их губы слились в страстном поцелуе, ее руки заходили по его молодому и сильному телу. Ермолай судорожно перевернулся. Но... женщина отпрянула от него, решительно надавила своей рукой на мужскую грудь. Широко и явно довольно улыбаясь, вымолвила:

— Я сегодня не в форме. А ты, мой мальчик, молодец, правильно реагируешь на мои явные и неявные позывы. Не горюй, милый, мы еще с тобой крепко-крепко поцелуемся.

Ермолай откинулся спиной на постель и непонимающе смотрел на женщину.

— Отдыхай, мой мальчик, вставать тебе еще рано, — мило улыбаясь, тихо вымолвила капитан. — А мне, увы, пора идти.

Решительно поднялась и уже строго вымолвила:

— И не забывай, Сергеев, на людях между нами должна быть установленная уставом дистанция и соответствующее обращение.

Ермолай кивнул и автоматически спросил о своем, наболевшем:

— Что со спектральным анализом слитка? Закончили?

— Пока нет, — жестко ответила капитан, полуобернулась. — Да, вот еще, — добавила строго. — Днем вместе с капитаном Чивавой на машине проедешь к себе домой. Переоденься там, посмотри квартиру, возьми вещи и что ты считаешь нужным в дорогу. На Урале мы будем в лучшем случае через три-четыре, а то и может через пять-шесть 5-6 дней.

— Зачем с Чивавой и на машине? Я живу в пятистах метрах, — с удивлением бросил Ермолай.

— Так надо, — с нажимом вымолвила капитан. — Считаю, что это приказ, — решительно развернулась и направилась к выходу.

В голову Ермолая полезли всякие мысли, в основном, связанные с красивой капитаншей.

«Какая она необычная и интересная! Я ей точно нравлюсь, она заботится обо мне... Но... между нами должна быть дистанция... Анализ слитка не закончен...».

Он пытался их отогнать, думать о другом, но они возвращались снова и снова... Больше он так и не уснул...

* * *

*Москва, конспиративная квартира
английской разведки...*

В комнате, обставленной старинной мебелью, находилось двое солидных мужчин, один, с богатой черной шевелюрой, полулежал на диване, второй, лысый, полуразвалился в кресле. Со стороны могло показаться, что, как старые знакомые, они просто отдыхали, неприужденно вели интеллектуальную беседу и потягивали из стаканов виски. Тихо звучала неповторимая морская мелодия Клода Дебюсси.

На самом деле между мужчинами происходила игра, игра напряженная, с трудно прогнозируемым окончанием. Сидящим в кресле был Рэм, развалившимся

на диване — Карриган...

— ...Джулиан, я давно следил за вашей деятельностью, — неспешно рассуждал Рэм. — Работа в Польше в 1937—1939 годах меня впечатлила, хотя она не смогла помешать оккупации страны германскими войсками. Последние два года, что вы провели в Советской России, не очень...

Слушая сентенции немецкого разведчика, Карриган раздумывал, что с ним делать. Перебежка Рэма не входила в его планы, было бы гораздо полезнее просто получать от него информацию из стана немцев. Но Рэм решил сбежать от своих хозяев. Теперь у Карригана появилась головная боль, что делать с ним, с этим уже отработанным и, по сути, не нужным материалом? То, что он знает, почти на сто процентов сейчас не нужно Лондону. А Рэм, определенно, захочет деньги, чистые новые документы и переброску в некую нейтральную страну. В условиях мировой войны это сопряжено с массой трудностей и большими затратами. Его определенно ищут немцы и русские, а может и еще кто. Долго держать его на нашей квартире нельзя. Если узнают русские, скандал будет грандиозный и последствия для самого Карригана могут быть весьма печальные. Уж точно спокойной отставки не получится. Необходимо принимать быстрое решение... Рэм — опытный разведчик, и он наверняка каким-то образом подстраховался. Он также догадывается, что разговор будет записан... А что, если попытаться его использовать? Чем черт не шутит?..

— Что вы скажете, Джулиан? — закончив свои рас-

суждения, весело спросил Рэм.

Карриган отпил из своего стакана, улыбнулся, взглянул на собеседника и вымолвил:

— Все это очень интересно, Отто. Я смотрю, вы полны сил и энергии. А вы, Отто, не хотите послужить Соединенному королевству?

— Послужить английской королеве! — пафосно и весело вымолвил Рэм. — О! Это очень почетно и, разумеется, в высшей степени престижно. Кто не хочет получить рыцарское звание и именоваться сэром! Спасибо за лестное предложение, — сделал глоток из своего стакана, вмиг стал серьезным. — Буду честен перед вами, Джулиан, я чертовски устал, и здоровье у меня далеко не молодецкое. И вообще, я не для того сбежал от своих хозяев, чтобы служить новым хозяевам.

Карриган глубоко задумался.

— Не переживайте сильно, уважаемый Джулиан, — продолжал уже весело Рэм. — У меня есть отменное местечко в Южной Америке, есть и друзья, — замолчал на секунду. — Предлагаю следующий взаимовыгодный вариант. Вы оформляете мне документы и отправляете по дипломатическим каналам, скажем, в Бангкок. Все остальное я сделаю сам, заверяю, достойная благодарность вам обеспечена.

Опытный разведчик Карриган все понял, что было сказано, и... что было не сказано. В этот же день он отправил депешу в Лондон...

* * *

Капитан Чивава вместе с Сергеевым направились к нему на квартиру.

Машина резко затормозила и вывела из полусонного состояния Ермолая.

«Получается, — подумал невесело, — что с начала операции я нахожусь под постоянным присмотром».

Дома он принял душ, переоделся.

— Напиши записку для родственников, что уезжаешь в командировку, — посоветовал капитан.

Ермолай не стал объяснять, что мама, его единственный родственник, вернется домой, очевидно, не скоро. Он просто быстро написал записку и положил ее на стол. Взгляд упал на книжную полку. Ермолай прошел к полке, взял лежащий сверху атлас. Открыл его и проследил по карте предстоящий путь до Урала: Ленинград, далее огромные просторы Ленинградской области, Вологодской, Костромской, Кировской, Удмуртия, Пермская область и, наконец, Свердловская.

Он сходил к соседям, пожилой семейной паре Куликовых, и сообщил, что уезжает в командировку. После этого взял с собой некоторые вещи, окинул взглядом комнату, грустно подумал:

«Как скоро теперь я буду здесь, в этом родном месте...».

Они с капитаном покинули квартиру.

Спускаясь по лестнице, Чивава вымолвил:

— Ты, Ермолай, будь поосторожнее с мадам Ципок. Она еще та коварная птичка. Кстати, она любовница комиссара Иванова.

Это известие буквально ошеломило Сергеева:

«Ципок — любовница генерала Иванова?!».

— И поскольку имеет доступ к телу большого начальника, — продолжал капитан, — то может элементарно заложить за любую мелочь. И тогда можно загромоздить не на Урал, а гораздо дальше, в лютую Сибирь, но уже в кандалах и на большой срок.

Эти слова Ермолай уже не слышал.

— Ты понял меня? — спросил капитан.

— Да-да, спасибо за предупреждение, — не своим голосом поспешно выдал Ермолай и, дабы не высвечивать свою взволнованность, спросил. — Мы когда покидаем город?

— Точно неясно: то ли сегодня ночью, то ли завтра, — бросил капитан. — С приходом Мхитаряна началась возня и грызня, Ципок определила один порядок, госбезопасник внес свои коррективы. В этой ситуации главное не стать козлом отпущения. Думай, брат, о себе.

Ермолай думал, но думал в основном о Ципок...

* * *

Ленинградское управление НКВД...

Комиссар милиции Иванов из нескольких источников получал информацию о ходе операции «Элегия». Один из них сообщил, что капитан Ципок переспала с банковским хранителем Сергеевым. Конечно, Ципок была не первой и наверняка не последней любовницей

генерала. Тем не менее, самолюбие его было неприятно задето, если не сказать ущемлено.

Генерал пригласил к себе Ципок и, во избежание кривотолков, майора Мхитаряна...

— Доложите, товарищи офицеры, о ходе операции «Элегия», — строго вымолвил комиссар милиции.

Майор Мхитарян в сжатой форме доложил свое видение. Также кратко и осторожно высказалась и Ципок.

— Так-так, — недовольно изрек хозяин кабинета.

В кабинете повисло напряжение.

— Я вот подумал, может, не стоит брать в дорогу этого хранителя Сергеева, — строго вымолвил комиссар. — Он свое дело сделал, а в пути он будет балластом, да и внимание ненужное к себе будет привлекать. Как вы думаете, товарищи офицеры?

Майор и капитан озадаченно переглянулись.

— Дорога предстоит длинная и всякое может случиться, — ответил майор. — Я уверен, банковский специалист должен быть в составе. Да и при сдаче груза на конечной станции всякое может быть.

— Я также уверена, что банковский сотрудник должен быть, — строго отрезала Ципок.

— Возможно, — согласившись с доводами, тихо выдал комиссар. — В принципе, Сергеев закончит погрузку, а в дорогу можно взять и другого банковского работника.

— Зачем другого? — удивленно бросил майор. — Я досконально проверил этого Сергеева, за ним ниче-

го порочащего нет. Он по всем параметрам подходит к операции, всеми инстанциями одобрен. Сергеев уже многое знает, зачем вводить в дело нового человека? Опять его проверять, изучать, а у нас нет времени.

Рассматривая свои пальцы рук, капитан согласно кивнула.

— Свободны, — явно недовольно выдавил комиссар...

* * *

Ермолай вместе с инкассаторами-грузчиками готовил в хранилище партию слитков к ночной погрузке. Неожиданно появился майор Мхитарян и кивнул Сергееву. Они отошли в сторонку, Головастик быстро спросил:

— У вас здесь все в порядке, золото на месте? Ничего подозрительного не замечал?

У Ермолая екнуло сердечко:

«Черт! Когда Ципок вернет слиток? Еще этот майор-Головастик лезет со своими расспросами», — ответил:

— Все в порядке, ничего необычного нет.

— В банке как дела?

«Может, он знает о слитке и проверяет меня?.. Может, они с Ципок заодно действуют? Или нет? Черт!» — хаотично замелькали мысли в голове Ермолая.

Он пожал плечами и ответил:

— Все как обычно.

— Идет война и надо быть вдвойне, втройне бдительным, — назидательно изрек майор. — Какого ты мнения о Ципок?

Ермолай был в полном замешательстве, вполне возможно, даже мгновенно покраснел. С трудом скрывая свое волнение, выдал:

— Нормального.

— А о Чиваве?

— Тоже.

— Это еще те фрукты, с ними нужно держать ухо востро, — хмуро сказал майор. — Оба держат камень за пазухой, а ты еще совсем молодой парень. Будь внимателен, Сергеев, смотри и слушай. Чуть что, сразу все сообщай мне. И вообще, держись, брат, меня.

Ермолай автоматически кинул.

— Скажу тебе по секрету, — еще более понизил голос майор. — Вагон, в котором мы все должны были ехать и сопровождать золото, оказался заминирован.

— Как это?

— В городе действуют немецкие диверсанты, и им стало известно о нашей операции, — ответил майор. — Поэтому и надо быть бдительным, обо всем необычном и подозрительном немедленно докладывай мне. Теперь понял, Сергеев?

Ермолай снова кивнул. Майор быстро убежал, оставив его в некоем неопределенно подвешенном состоянии.

Подавленный Ермолай объявил своим помощникам перекур, а сам присел на ящик со слитками и глубоко задумался:

«С развитием операции по золоту становится все больше неожиданностей. Ципок налаживает со мной

отношения, и даже с помощью постели, — улыбнулся, вспомнил минуты интимной близости и полученных чувственных наслаждений. — Казалось бы, зачем ей, красивой женщине, я, пацан? Очень и очень может быть, что на нее и комиссар глаз положил. Да любой бы мужчина был бы рад провести с ней время... — вспомнил общение с капитаном Чивава. — Странно, этот неприступный поначалу капитан в роли добрячка? Опять же, госбезопасник-Головастик, высокомерный Мхитарян вдруг проявляет почти отеческую заботу? Немецкие диверсанты минируют вагон... Почему и к чему все это? — вспомнил о своем больном вопросе. — Опять же, действительно ли слиток находится на анализе? Может, просто Ципок решила украсть слиток?».

Ответов на эти и наплывшие многие другие вопросы он никак не находил...

* * *

*Кабинет Первого секретаря
Ленинградского обкома ВКП (б)...*

Жданов пригласил к себе старшего военного специалиста, задействованного в операции «Элегия», комиссара Иванова и непосредственного руководителя операции майора госбезопасности Мхитаряна. Ситуация на фронте усугублялась почти каждый день, немцы с юга неуклонно рвались к Ленинграду, на севере угрожали финские войска. Об этом эмоционально Жданов и напомнил приглашенным офицерам, а также спросил

о ходе операции «Элегия».

— Операция идет по намеченному плану, — скупое сообщил комиссар Иванов.

— То есть, — строго переспросил Жданов, — вы считаете, что золото в полном объеме будет отправлено из города, транспорт готов, железнодорожники обеспечат быстрый провоз, и золото вовремя придет на конечный пункт? И у вас нет никаких нерешенных вопросов?

— Именно так, товарищ Жданов. Министерством со своей стороны предпринимаются специальные меры по безопасному продвижению состава до пункта назначения.

Первый секретарь нервно оправил военный френч, строго взглянул на большеголового второго собеседника и спросил:

— А что вы скажете, майор Мхитарян? У вас нет никаких сомнений, обеспокоенности?

— Я согласен с мнением комиссара Иванова.

Какое-то время Жданов раздумывал.

Затем эмоционально вымолвил:

— Товарищи офицеры, не надо скромничать, оставьте ваши внутриведомственные распри, ревности и нездоровую конкуренцию. Нам, коммунистам, доверено дело исключительной государственной важности! Мне не нужны ваши сугубо специальные сведения, отправка золота начнется через считанные часы. Я должен сегодня докладывать в ЦК партии, а вы мне явно что-то не договариваете. Например, до меня дошла информация, что на товарных станциях орудуют немецкие диверсанты, наши местные

уголовники, да и беспризорники озорничают.

Жданов внимательно взирал на военных.

— Бывает, но все находится под контролем, — решительно вымолвил комиссар Иванов. — Можете докладывать в ЦК партии, операция «Элегия» идет в плановом режиме.

Майор Мхитарян согласно кивнул и добавил:

— Товарищ Член Военного совета, мы обо всем наиболее важном вас информируем. Какие-то свои профессиональные тайны у нас, конечно же, есть. Вы нас должны правильно понять.

Жданов задумчиво кивнул...

* * *

Закончив подготовительные работы в хранилище, изрядно уставший Сергеев отпустил отдыхать инкассаторов-грузчиков. В соответствии с инструкцией закрыл хранилище. Сходил в столовую и попил чайку с сухарями. После этого отправился в свое «спальное» помещение.

Ермолай разделся и лег на свою раскладушку, в голову лезли невеселые мысли. События последних дней выбили его из привычной колеи. Совсем скоро предстоит поездка от Ленинграда до Урала, это, вспомнил одни из своих любимых в школе уроков географии, порядка двух тысяч километров. Немецкие самолеты бомбят все коммуникации, железные дороги, они долетают, по ходившим разговорам в банке, даже до Вологды. Это значит, что немцы могут бомбить почти шестьсот кило-

метров их пути по железной дороге до Вологды?! Если большая авиационная бомба попадет в вагон с золотом? В этом случае, все, что может сгореть, сгорит. Что тогда станет со слитками, сопровождающими людьми, им самим?..

* * *

Ленинград, улица Гороховая...

К одному из домов подъехал легковой автомобиль, следом грузовик с вооруженными солдатами. Солдаты быстро спустились на тротуар, из легковушки вышли четверо военных мужчин. Все они проследовали через арку во внутренний двор...

*Ленинград, один из служебных офисов
Главного разведывательного управления
Генштаба Красной армии...*

Из кабинета майор Истомин по телефону докладывал начальнику Главного разведывательного управления Генштаба комиссару Голикову.

— ...На связной квартире находилась ее хозяйка, семидесятипятилетняя плохо слышащая и плохо видящая женщина. За две банки тушенки люди Абвера сняли у старухи на неделю комнату. Старуха запомнила только фамилию постояльца — Шорохов, наверняка, вымышленная. К этому Шорохову гости приходили, но только, как уверяет старуха, мужчины. При нашем

появлении квартирующих, разумеется, не оказалось. Со слов хозяйки, за двадцать минут до нашего приезда к квартирантам пришел некий военный. Они все быстро собрались и спешно ушли.

— Хитро придумано, немощная старуха! — вымолвил неспешно комиссар. — Ушли! Значит, кто-то их предупредил. Неужели люди Абвера окопались где-то совсем рядом?

— А может, товарищ генерал, дело было так. Они не дождались своего человека, задержанного нами Су-крутого. Он знал об этой квартире, поэтому они решили подстраховаться и просто скрылись.

— Возможно, и так, с этим детально будем позже разбираться. Что нашли в квартире?

— Можно сказать, ничего особенного. Кроме квартиры мы обследовали чердак и подвал дома. И вот на чердаке в хорошо замаскированном тайнике мы нашли стандартный слиток золота с клеймом «СССР» весом в двенадцать килограммов!

— Вот это находка! — воскликнул комиссар. — Неужели слиток из конторы Госбанка?

— Именно так, это мы своими силами определили.

— Правильно, что своими. Пока никому ничего не стоит говорить про этот слиток, нужно все продумать. Ведь такой слиток купить невозможно, его можно только украсть, скажем, на заводе-изготовителе или в Госбанке.

— Понял, товарищ генерал. Мы еще нашли в тайнике приличный запас английской тушенки, сахара и галетов.

— М-да, эта английская находка требует отдельного осмысления. Внимание, Истомин, никаких резких движений не предпринимать. Нужно думать, анализировать и сопоставлять. И никаких поспешных выводов.

По недовольному лицу майора можно было прочесть, что думать можно и вечность, но нужно было и действовать, и действовать срочно...

* * *

Внезапно дверь отворилась, и в помещение вошла капитан Ципок. Ермолай не успел еще уснуть. Женщина закрыла дверь на ключ и решительно прошла к раскладушке. Села на краешек и, широко улыбаясь, изрекла:

— Может, поцелуемся, милый Ермоша?

Ермолай моментально ощутил запах ее фирменных духов.

«Да она алкоголичка, — внезапно и раздраженно решил он. — Да и зеленые глаза у нее хоть и красивые, порой просто огненные, но отдают неким внутренним холодом и... еще непонятно чем».

Одновременно в его памяти возникли незабываемые и изумительные минуты близости с этой женщиной! Полученное сладостное наслаждение и чувственное удовлетворение!

Ципок положила свою руку на мужскую грудь, слегка потормошила ее и игриво бросила:

— Мне раздеваться?

Ермолай хотел вымолвить «да». Но... Вдруг, и совер-

шенно почему-то необъяснимо, представил ее в объятиях пропахшего табаком, худого генерала Иванова или еще кого-то. На душе моментально стало брезгливо и неприятно, в голове тупо застучало:

«Шлюха, шлюха она!».

Дабы не выдавать своего эмоционального состояния, сделал страдальческое выражение лица и вымолвил:

— Я очень устал, и меня мучает один вопрос.

Милая, томно-призывная улыбка слетела с женского лица.

— Какой? — спросила Ципок стальным голосом.

— Как я буду сдавать золото на Урале, ведь одного слитка у меня не хватает. По законам военного времени мне грозит двадцать пять лет тюрьмы, в лучшем случае, штрафной батальон.

— Это горе не беда, — усмехнулась капитан. — Если до отправки в лаборатории не закончат анализ, то на Урал его переправят самолетом. А в ящик вместо слитка положи что-нибудь, ну, скажем, кирпич или еще что-то в этом роде. Ну, ты же знаешь, как это делается.

— Нет, не знаю, — строго изрек Ермолай. — Ранее у нас всегда все делалось по инструкции.

Очевидно, этот ответ совсем не понравился Ципок. Возможно, она угадала его душевное состояние. Женское лицо удивительно быстро стало жестким, глаза какими-то непроницаемыми. Глядя прямо на Сергеева, она, казалось, смотрела сквозь него. Ермолай неприятно поежился.

Незнакомым, неприятным голосом Ципок вымолвила:

— Ермоша, не надо ссориться со мной. Запомни, нельзя отказывать женщине в любви. На первый раз я тебя прощаю, но это в первый и последний раз. Заруби себе на одном месте.

По спине Ермолая пробежали мурашки. Еще более зловеще Ципок продолжала:

— И еще запомни, Ермоша, если выйдешь живым из нашей операции, будешь помнить меня всю оставшуюся свою жизнь.

Капитан улынулась-оскалилась, сделала резкое, импульсивное движение корпусом. Быстро, формально поцеловала Ермолая в щеку, встала и решительно направилась к выходу.

«Какая она все же разная, — поежившись, подумал Ермолай, вдруг неожиданно пришла мысль. — А может она действительно влюбилась в меня, а я ее отталкиваю?! Переспать-то хотят с ней многие, но она же человек, женщина, хочет любить... Правда, что она могла найти во мне? Хотя, любовь слепа... — в голове пульсировали самые разные, порой противоречивые мысли, вспомнил и о слитке. — А что, если, прикрываясь работой, Ципок все же элементарно украла слиток? Она воровка! Надо было мне передачу слитка оформить, как следует. А теперь, получается... Я соучастник воровства... Она меня просто использовала... Опять же, если выйдешь живым... К чему это?» — как-то неприятно засосало под ложечкой...

* * *

*Восточная Пруссия, вилла в Штейнорте,
резиденция рейхсминистра Риббентропа...*

Риббентроп вызвал в свой кабинет полковника Шульца и спросил о результатах поисках Рэма.

— К сожалению, результатов нет, — теребя в руках неизменную черную папку, хмуро выдавил Шульц.

— Почему, к сожалению? — автоматически спросил Риббентроп, прислушиваясь к звучащей в кабинете мелодии Вагнера.

— Потому что с исчезновением Рэма реализация операции «Золото Северной Пальмиры» бесперспективна.

«Этот недалекий болван прав, — недовольно подумал Риббентроп. — На операции придется поставить крест».

Он был невысокого мнения о Шульце, до изворотливого и коварного Рэма ему было ой как далеко. Хотя, лично для него, Риббентропа, может это и к лучшему.

— Может, объявим официальные поиски? — спросил Шульц.

«Нет, он определенно болван. Кто официально ищет разведчика?» — возмущенно подумал Риббентроп, но быстро взял себя в руки, тихо бросил:

— Это исключено. Вы свободны.

— Прошу прощения, какие будут указания по операции «Золото Северной Пальмиры»?

— Пусть все идет по намеченному плану, — недовольно и резко бросил изменившийся в лице Риббентроп.

Шульц явно хотел что-то еще спросить, но, видя состояние шефа, лишь слегка кивнул головой, четко, по-военному, развернулся и решительно направился к выходу.

А изрядно раздосадованный Риббентроп глубоко задумался:

«Хорошо, что я не успел доложить об операции «Золото Северной Пальмиры» фюреру... Впрочем, мои враги, — усмехнулся, — тот же, к примеру Канарис, да и другие, с успехом могут это организовать и за меня... Надо обязательно подумать о пристойной для меня легенде по этой, определенно уже проваленной, операции...».

Не оставлял никак вопрос: почему исчез опытнейший и, казалось бы, преданнейший Рэм?

* * *

Погрузка ящиков из хранилища в автомашины шла по уже обычно заведенной схеме.

Ципок так и не представила взятый слиток и вообще не появилась во время погрузки. Изрядно взвинченный Ермолай такому поведению капитанши, по правде говоря, почему-то не очень удивился. А вместо золотого слитка положил в ящик примерно адекватную по весу чугунную болванку, специально присмотренную им во дворе конторы...

* * *

Ленинградское управление НКВД...

Перед отправкой в командировку Ципок пришла попрощаться с комиссаром милиции Ивановым и одновременно своим любовником. Они немного поговорили о службе, выпили коньяку, из радиоприемника неслись песни в исполнении Клавдии Шульженко. Комиссар был сдержан и сосредоточен. Женщина, конечно же, догадывалась почему, но вела себя естественно, как обычно.

Вскоре по инициативе Ципок они отправились в комнату отдыха, где предались безудержному, бешеному сексу...

Слегка прикрытый простыней мужчина лежал с закрытыми глазами практически без движений. Рядом у кровати стояла нагая стройная женщина с улыбкой на устах и не спеша одевалась. Закончив, она бесшумно вышла в соседнее помещение, уверенно подошла к шкафу и открыла дверцу. Взяла стоявшую на полке бутылку коньяка, наполнила рюмку и быстро выпила. Две-три секунды задумчиво постояла. Затем достала из кармана гимнастерки небольшой бумажный пакетик, развернула и высыпала порошкообразную массу в бутылку. Убрала пакетик обратно в карман и поболтала бутылку. Закрыла ее пробкой и поболтала уже сильнее. Проверила качество своей работы, усмехнулась, тихо вымолвила:

— Не доставайся ты никому.

Взяла рюмку в другую руку и направилась в соседнюю комнату. Мужчина по-прежнему лежал с закрытыми глазами. Женщина поставила на прикроватную тумбочку бутылку и рюмку, изрекла:

— Прощай, мой милый Феденька, — и послала грациозный воздушный поцелуй.

Она уже шагнула к выходу, как раздался мужской голос:

— Не прощай, а до свидания, зеленоглазая, ясное солнышко Верочка. Я очень жду твоего возвращения из командировки. Не забывай, солнышко, по закрытой связи докладывать мне.

— Все будет прекрасно исполнено, милый, — мягко изрекла женщина, послала еще один воздушный поцелуй и удалилась...

* * *

Ермолай прибыл на станцию «Лиговская-Товарная». Три вагона, предназначенные для перевозки золота, удивительным образом изменились до неузнаваемости. Они были полностью перекрашены в белый цвет! А по бокам вагонов красовались угрожающие черные надписи:

Ч у м а

Стой, стреляют без предупреждения

Смертельно опасно для жизни

С а н и т а р н ы й

— Как мы поработали? — весело спросил откровенно удивленного Сергеева капитан Чивава.

— Здорово, — лишь смог выдавить Ермолай, усмехнулся. — Теперь к нам точно никто не подойдет.

— Мое изобретение, — похвалился явно довольный капитан. — Кстати, а тот, кто подойдет, будет либо идиотом, либо он будет точно знать, что на самом деле в вагоне.

«Точно-точно», — усмехнулся и полностью согласился со словами капитана Ермолай.

— Обрати внимание на средний вагон, в котором мы поедем, — продолжал капитан.

Только сейчас Сергеев заметил, что средний вагон был обычным пассажирским вагоном. Правда, окна были зарешечены.

— Представляешь, — энергично продолжал капитан, — наши армейские контрразведчики обнаружили под товарным средним вагоном, в котором мы должны были ехать, мощную мину. Немецкая разведка постаралась. Поэтому вагон просто убрали и поставили новый.

«Значит, прав был майор Мхитарян, — подумал невесело Ермолай. — Надо быть бдительным».

Он также отметил, что в начале первого вагона и в конце третьего на крытых тормозных площадках уже находились солдаты с винтовками на постах...

* * *

*Рига, особняк в старой части города,
штаб-квартира регионального центра Абвер...*

Неожиданно в центр из Берлина прилетел адмирал Канарис. Выглядел он каким-то уставшим. По слухам, доходившим в Ригу из Берлина, Гитлер был недоволен ходом военной компании в России, недоволен деятельностью разведок. Из Генерального штаба Вермахта шла жесткая критика в адрес Канариса, что якобы армейская разведка недостаточно снабжает войска сведениями о состоянии Красной армии, ее дислокации и ведущимся ускоренным перевооружением...

В своем кабинете руководитель центра, капитан первого ранга барон фон Шоммер в течение часа сделал обстоятельный доклад о деятельности центра по всем направлениям. Адмирал внимательно выслушал, по ходу его задал несколько вопросов. Барон изрядно нервничал и ждал главного вопроса, с которым собственно, как он полагал, и приехал шеф.

Наконец, адмирал взглянул на свои наручные часы и вымолвил:

— И последнее. Я ознакомился с планом операции «Золотой трезубец», все вроде бы там сценарно выглядит гладко: подготовительный этап, первый вариант, второй, запасной третий и чрезвычайный, летальный. Агент Оракул хорошо вписался в операцию. Но вот русские узнали об операции, и сразу все наши планы оказались под большим вопросом. Ведь вы в значительной мере рассчитывали на внезапность и обычное раз-

гильдияство русских, — замолчал на некоторое время. — А узнали русские об операции из ведомства рейхсминистра Риббентропа. Агенты Риббентропа, в свою очередь, о нашей операции узнали из Риги. Да, барон, утечка была допущена от вас, кто-то из ваших людей сообщил об операции сотрудникам Риббентропа. Это установленный факт. А ведомство Риббентропа, как известно, наводнено агентами всех мастей и национальностей. Что вы думаете об этом раскладе?

«Дождался», — выдохнул барон, расслабился и как можно спокойнее ответил:

— По данному факту я лично провожу служебное дознание. Об операции «Золотой трезубец» в центре знали четыре человека, не считая Оракула и его связного...

— Добавьте сюда меня и моего адъютанта, — строго вставил Канарис.

— Я этого не сказал и вовсе так не считаю, — слегка вспылил барон.

Адмирал махнул рукой.

— Не обижайтесь, барон, продолжайте.

— Как только я закончу дознание, результаты доложу лично вам, господин адмирал. На данном этапе операция «Золотой трезубец» развивается в рамках сценарных условий, предусмотренных планом.

Канарис неопределенно кивнул головой и медленно, тихо вымолвил:

— В ведомстве Риббентропа у нас есть свои люди. Они собрали информацию, которая будет вам полезна. Мой адъютант передаст материал вам, — улыбнулся

и громко добавил. — Я верю в вашу счастливую звезду, барон, верю.

Насколько знал барон, по негласному распределению полномочий разведок, Абвер не должен работать в германских министерствах. Но он также понимал, что реальная жизнь всегда вносила свои коррективы в привычные расклады.

— Спасибо за доверие, — пафосно изрек барон. — Я вас не разочарую, — и склонил голову.

— Прекрасно, барон! — весело бросил адмирал. — А сейчас включите музыку, что-нибудь из вашего любимого раннего Вагнера. Да, и принесите что-нибудь выпить...

* * *

Выгрузка ящиков из машин в вагоны прошла по обычной схеме. Правда, как заметил Ермолай, было больше, чем ранее, охраны. В ночном небе привычно гудели самолеты, прожектора прорезали небо, изредка где-то вдалеке слышались выстрелы зениток.

После окончания выгрузки оба вагона со слитками капитально задраили и опломбировали. Как заметили Ермолай, пломбы поставила сначала Ципок, потом Мхитарян. Почти сразу к трем белым вагонам подъехал маневровый, изрядно дымящий паровоз.

К Ермолаю решительно подошла Ципок и, глядя куда-то вдаль, строго сказала:

— Мы отправляемся немедленно. Следуй, Сергеев, в средний вагон, где будет размещаться охрана и сопро-

вождение, переоденься в одежду санитаря и жди там. Никуда не отходить! Это приказ, — и быстро удалилась, оставив за собой шлейф привычных духов.

«Отправляемся немедленно?! — озадаченно повторил Ермолай. — Какая же все-таки она... Разная-разная...».

Стоявший рядом и все слышавший капитан Чивава бросил удивленному Сергееву:

— Не переживай сильно, Ермолай, характер у нее дурной. Пойдем со мной, я все покажу. Заодно и сам переоденусь...

* * *

Москва, Глазовский переулок...

Пожилая женщина вышла из квартиры, закрыла дверь на ключ. Не спеша, развернувшись, глубоко и устало выдохнула, прошла к лестнице и стала спускаться вниз. Прямо у входной двери в подъезде лежал на полу лысый мужчина, лицо его было в крови, одна рука и нога были неестественно подвернуты. На лице женщины запечатлелся ужас. Она всплеснула руками и закричала:

— Убили! Убили!

Москва, штаб-квартира Главного разведывательного управления Генштаба Красной армии...

Только что начальнику Главного разведывательного управления комиссару Голикову сообщили, что в подъезде жилого дома в Глазовском переулке найден мертвый мужчина с документами в кармане на гражданина Германии Отто Шварца. Лицо мертвеца было сильно изуродовано, в теле обнаружены три пушечные пули.

Комиссар задумался, ведь Отто Шварц был не кто иной, как Рэм, немецкий разведчик, полковник, работающий в Советском Союзе с 1937 года под дипломатическим прикрытием. Официально в мае 1941 года Шварц покинул СССР, но, как знала советская контрразведка, Рэм остался в стране, лишь перешел на нелегальное положение. Два дня тому назад он пропал из-под наблюдения.

«Мы предполагали, — размышлял комиссар, — что Рэм отправился в Ленинград на подготовку операции по изъятию золота, а он, оказывается, был в Москве. Что бы это могло значить? Где был Рэм? Ведь мы проверили кучу адресов и в Москве, и в Ленинграде...».

Посольство Германии в Москве не работало, опознавать Шварца некому. По имеющимся фотографиям дипломата Отто Шварца опознать его в мертвеце было практически невозможно. Поскольку обвиняемых не было, улики тоже, то искать убийцу или убийц Шварца в военное время никто не будет. Оставалось захоронить тело и, скажем, через посольство Швейцарии проинформировать немцев...

Комиссар снял телефонную трубку и сказал:
— Соедините меня с майором Истоминым...

* * *

— Поработали железнодорожники оперативно и справно, — поднимаясь по лестнице в вагон, пояснял Чивава. — Запоминай, в последних четырех купе вагона будут находиться двенадцать солдат охраны во главе с лейтенантом Островым. Три купе по четыре бойца и одно купе для лейтенанта, начальника караула. Ну а в первых трех мы.

В тамбуре стояла бочка и керосинка.

— Кто, мы? — следуя за капитаном, спросил Ермолай.

— Ну, Мхитарян и Ципок, у них будет по отдельному купе. И мы с тобой в одном купе. В начале и конце вагона находятся туалеты. Охрана будет пользоваться тем дальним входом и туалетом.

Они зашли с виду в обычное двухместное поездное купе. На полках лежали матрасы, подушка и одеяло, а также некая белая одежда.

— По схеме распределения левое место мое, правое — твое, — пояснил капитан и сел на свою скамейку.

Ермолай принялся осматривать его родную, очевидно, на три-четыре дня дорожную комнату. Напротив входа у противоположной стены располагался небольшой деревянный столик, над ним зарешоченное окно.

— Как видишь, места у нас купированные, поедем, как белые люди. Майор Мхитарян постарался, — весело бросил Чивава.

«Молодец этот госбезопасность-Головастик», — усмехнулся Ермолай и лишь покачал головой.

— Переодевайся, брат, не стесняйся, — весело ска-

зал капитан и завалился на свою лавку. — Армейские тыловики подобрали нам все самое лучшее и сообразно нашим параметрам. Да, для информации, в следующем купе будет располагаться Ципок, далее Мхитарян, у него есть радиостанция, и далее туалет. Соседом с другой стороны будет лейтенант Островой.

Ермолай внимательно слушал, запоминал и одновременно осматривал апартаменты.

— Ну, — закончил на высокой ноте капитан, — давай облачаться в белое, халаты и чепчики, в карман не забудь положить повязку и резиновые перчатки. По легенде Головастика, — усмехнулся, — я врач, а ты санитар.

«Я думал, что поедем в товарнике, — прикинул Ермолай, — а получилось, что поедем в купированном вагоне. Неплохо здесь», — бросил:

— Давайте одеваться...

* * *

Ленинградская контора Госбанка СССР...

В кабинет управляющего Ковалья вошел майор Истомин. В руке он держал портфель, судя по напряжению, с которым майор его держал, портфель увесистый.

— Проходите, товарищ майор, присаживайтесь, — пригласил Коваль.

— Спасибо, Илья Исаевич, — ответил майор. Прошел к рабочему столу Ковалья, поставил портфель, открыл его и выложил на стол золотой слиток.

Управляющий удивленно уставился на слиток и выдал:

— Откуда он у вас?

— А я думал, — улыбнувшись, вымолвил майор, — что вы, Илья Исаевич, мне поясните, как мог оказаться в обычной городской квартире такой слиток? Где можно взять такой слиток?

Некоторое время Коваль озадаченно раздумывал.

Наконец, взглянул в глаза майора и тихо изрек:

— Свободный оборот золотых слитков в нашей стране по закону запрещен. Поэтому слиток теоретически можно взять на заводе, где выплавляются слитки и... — замолчал на три-четыре секунды, затем добавил, — в Госбанке страны, например, в нашей конторе.

Две-три секунды они смотрели в глаза друг другу.

— Надо немедленно остановить отправку эшелона и сделать полную инвентаризацию загруженного в вагоны золота, — сверкая глазами, эмоционально изрек Коваль.

Майор отрицательно покачал головой и строго выдал:

— Мы не можем остановить операцию, утвержденную на самом верху...

* * *

Халат оказался Ермолаю в самую пору, чепчик, а вернее, берет на голову, тоже.

— Кстати, — продолжал весело капитан Чивава, — под моей полкой целый продовольственный склад: ту-

шенка, сало, хлеб, сахар, печенье, а также еще кружки, тарелки, ложки. Это наши харчи на дорогу, питьевая вода в бочке в тамбуре, там же на керосинке будем готовить кипяток.

В коридоре вагона послышались громкие человеческие, знакомые голоса.

— Опять Ципок и Мхитарян разбираются, кто из них главнее, — весело бросил Чивава.

«Похоже», — прислушиваясь к голосам, усмехнулся Сергеев.

— Или майор пытается пристыдить капитаншу за то, что она частенько прикладывается к бутылке, — хохотнул капитан.

В это время вагон дернулся и медленно-медленно тронулся.

— Поехали! Ура! — крикнул Чивава. — Встали на колесо! Ну, теперь покатым!

«Наконец-то! — воскликнул Ермолай, мысленно вспомнил все перипетии и нервотрепку, связанные с погрузкой, довольно решил. — Теперь-то уж точно будет легче, отоспимся...», — решительно снял с головы берет и завалился на свою полку...

* * *

*Рига, особняк в старой части города,
штаб-квартира регионального центра Абвер...*

Из материалов, предоставленных адмиралом Канарисом, следовало, что за последние полгода контакты

с людьми из ведомства Риббентропа имели двое сотрудников центра. Первого человека по служебным делам в министерство иностранных дел направлял сам барон фон Шоммер. Он сразу отпал из числа подозреваемых. А вторым оказался... капитан Гюнтер Ланге?! Исполнительный, спокойный и не блещущий интеллектом офицер...

Ланге был срочно отозван из Сортавалы. По прибытию в центр он был подвергнут исследованию на детекторе лжи. Но машина ничего не выявила. И вот сейчас молодой, рыжеволосый красавец и любимчик женщин невозмутимо сидел напротив руководителя центра, капитана первого ранга, барона фон Шоммера.

— Гюнтер, я вас ценю как ответственного и исполнительного работника. Я уверен, что у вас будет блестящая карьера, — издали начал разговор барон, при этом внимательно рассматривая лицо капитана.

— Благодарю.

— Скажите, что вас связывает с ведомством Риббентропа? — прищурившись, спросил барон.

— Там работает мой старый школьный друг, — не моргнув и глазом, быстро ответил капитан.

«Оказывается, все так элементарно просто!» — воскликнул пораженный барон.

— И вы иногда обмениваетесь с ним информацией.

— Мы изредка встречаемся, иногда просто так, иногда за ужином в ресторане ведем некоторые разговоры.

Барон сделал каменное выражение лица, подумал:

«Он либо прекрасный разведчик, либо... идиот. Но в любом случае встает правомерный вопрос. Поче-

му он работает у меня?» — и сурово отчеканил:

— Гюнтер, вы должны мне все рассказать, кому и когда вы что-либо говорили об операции «Золотой трезубец»? Надеюсь, вы понимаете, что от чистосердечного признания зависит ваша дальнейшая судьба, а возможно, и жизнь.

Капитан удивленно захлопал глазами, поспешно выдавил:

— Господин капитан первого ранга, можете не сомневаться в моей искренности...

Ланге все рассказал. Решив в итоге, что он просто идиот, барон отправил капитана на восточный фронт. А сам взялся за подготовку доклада для адмирала Канариса.

Глава 5

*Москва, посольство Великобритании,
кабинет второго секретаря...*

Джулиан Карриган получил ответ по Рэму из Лондона. Если отбросить всю политическую демагогию и шелуху, то опытный немецкий разведчик ни в какой мере не заинтересовал начальство Карригана. И ему самому предстояло решить, как избавиться от Рэма...

Джулиан недовольно выругался на поздний и, как ему казалось, неверный ответ центра. Ведь он под свою ответственность уже организовал смерть немецкого разведчика. Он также по своим каналам подготовил два паспорта для Рэма. Ликвидировать по-

настоящему Рэма он как истинный разведчик старой закалки не мог...

*Московская конспиративная квартира
английской разведки...*

В комнате, обставленной старинной мебелью, находилось двое солидных мужчин, они расположились напротив друг друга в креслах. Тихо звучала неповторимая морская мелодия Клода Дебюсси.

— Я подготовил вам два паспорта, один русский на имя Титова Ивана Ивановича, второй уругвайский, на имя Форлана Карлоса, — вымолвил Карриган.

— Прекрасно! — весело воскликнул собеседник.

— К сожалению, — продолжал Карриган, — я не смогу помочь вам пересечь границу СССР...

— Я все понимаю, уважаемый Джулиан, и сердечно вам благодарен, — энергично вступил в разговор собеседник. — И постараюсь вас как истинного джентльмена отблагодарить.

— Это лишне, — изрек Карриган. — Хочу добавить, что некий литерный санитарный состав отправится с минуты на минуту по известному вам маршруту.

Собеседник многозначительно кивнул.

Карриган продолжал:

— В экстренном случае вы можете меня найти по телефону... — назвал комбинацию из шести цифр. — На проводе будет находиться очень древний старичок. Но он все сказанное слово в слово передаст для Николая Никифоровича.

Собеседник снова многозначительно кивнул и вымолвил:

— Я исчезну незамедлительно и кану в вечность. Уверяю, я непременно отблагодарю вас, уважаемый Джулиан.

«Да-да, отблаговаришь, — меж тем хмуро раздумывал Карриган. — Только вот как?»

* * *

Движение поезда длилось недолго, около пяти минут, после чего вагон замер.

— Почему остановились? — спросил Ермолай, всматриваясь в зарешеченное окно.

— Сейчас нас прицепят к санитарному составу, в котором находятся раненые бойцы, — пояснил капитан. — После этого мы должны по идее, как литерный состав, без остановок пилить до Вологды.

«Получается, мы пойдем в составе санитарного поезда, — прикидывал Ермолай. — И если немцы будут соблюдать международные правила ведения войны, то... нас бомбить не будут. Впрочем...», — спросил:

— Как дела на фронтах?

— Давят гады, фашисты, — зло бросил капитан. — Рвутся к городу Волхову, хотят выйти к Ладожскому озеру и таким образом полностью окружить Ленинград, взять в кольцо. Думаю, мы успеем проскочить...

Внезапно дверь в купе резко отворилась. На пороге появился с суровым выражением лица Мхитарян в белом халате и офицерской сумкой-планшетницей в руке.

— Попрошу вас, товарищи офицеры, не расслабляться, — осматривая взглядом купе, строго вымолвил майор. — Уверен, легкой и гладкой дороги у нас не будет. Проверьте свое личное оружие, оно должно быть в полной боевой готовности.

— Есть, — бросил бодро Чивава.

Майор покосился на капитана, поводит своим длинным носом и закрыл дверь.

На лице капитана появилась неприятная гримаса, очевидно вслед майору. Тем не менее, он весело бросил:

— Продолжаем балдеть!

* * *

Ленинград, один из служебных офисов Главного разведывательного управления Генштаба Красной армии...

В кабинете майор Истомин анализировал сложившуюся ситуацию по операции «Элегия». По мнению майора, смерть Рэма не означала, что немцы более не будут проявлять интерес к золоту. Ведь разведывательной деятельностью в СССР, кроме министерства иностранных дел, занимались еще как минимум две германские службы — Абвер и СД (политическая внешняя разведка Третьего рейха) Пример тому — задержанный агент Абвера Сукрутов. Да и в смерть Рэма майору не хотелось верить...

Майор взглянул на часы, буквально с минуты на ми-

нута санитарный состав с двумя вагонами золота должен тронуться. Все вроде было сделано и предусмотрено, в составе есть свои люди. Главное, спокойно добраться до Вологды, а дальше будет легче...

Подал сигнал стоящий на столе телефонный аппарат. Майор поднял трубку.

— Слушаю.

— Товарищ майор, умер комиссар Иванов.

Майор удивленно вскинул брови.

— Как?

— По предварительному диагнозу, остановка сердца...

* * *

Вскоре дверь купе снова решительно отворилась, и показалась строгая на лицо капитан Ципок. Белый халат приятно облегал женскую фигуру, пикантно сидел и чепчик на голове.

Окинув недовольным взглядом помещение и демонстративно поведя носом, она строго изрекла:

— Капитан Чивава, сходите, осмотрите снаружи наше хозяйство, посмотрите, как там охрана службу несет. Проверьте пломбы на вагонах. Можете взять с собой Сергеева, пусть осваивается и привыкает к эшелонной военной жизни.

— Хорошо, — вяло ответил Чивава.

— Не забывай, Сергеев, — строго продолжала капитанша, — караул охраняет вагоны, а ты являешься хранителем груза.

Ермолай автоматически кивнул.

Ципок удалилась.

— Фу, навоняла дама спиртным, — изрек недовольно Чивава. Накинул на себя халат, берет и кивнул Сергееву.

Ермолай принял вертикальное положение и также вкусил запах женских духов. Быстро нацепил берет, и они вышли из купе. Прошли коридором, затем спустились на едва освещенный перрон. Их три «чумных» вагона стояли в каком-то тупике. Моментально возле них оказался рослый лейтенант:

— Начальник караула лейтенант Островой, — бодро отчеканил строгий военный. — Попрошу предъявить ваши документы.

— Ты что, не знаешь меня, Островой? — недовольно изрек Чивава.

— Вас — да, но вашего товарища — нет.

— Это наш человек, младший лейтенант Сергеев, — бросил Чивава.

— Порядок есть порядок, — вымолвил Ермолай, доставая из кармана пиджака удостоверение и передавая его лейтенанту.

Островой быстро просмотрел и вернул документы. Кивая на выглядывавший из-под халата пиджак и рубашку Сергеева, выдал:

— Вы не в военной форме.

— Ну, не успел товарищ переодеться. Переоденется на конечной остановке, — быстро бросил Чивава. — Ты лучше скажи, какая у нас тут обстановка?

— Рабочая, все как положено, — бодро ответил лей-

тенант. — Сейчас нас подцепят к санитарному составу, и наш литерный экспресс понесется без остановок до Вологды.

Ермолай заметил двоих часовых, шагающих по перрону возле их «чумных» вагонов. Были также на тормозных площадках и двое часовых в начале первого и в конце третьего вагонов.

— Доведи до своих солдат, что офицеры, майор Мхитарян, капитаны Ципок и Чивава, и младший лейтенант Сергеев — это члены команды сопровождения вагонов, чтобы их не останавливали и не требовали документы каждый раз, — недовольно изрек Чивава.

— Есть, — ответил лейтенант. — Может, пароль введем, а то солдаты всех офицеров в лицо не знают. Да и офицеры не знают солдат.

— Давай, — согласился Чивава. — Скажем, пароль — «Чита», отзыв солдат будет «Орел».

Минуты три Чивава и Сергеев прохаживались вдоль вагонов. Предрассветное, еще темное небо, разрежали лучи прожекторов, невдалеке виднелись контуры зенитной пушки. Во время прогулки Ермолай обратил внимание на пломбы, находящиеся на дверях вагонов с золотом.

— Сегодня ночью было тихо, без фашистских самолетов, — поглядывая на небо, вымолвил капитан. — Хочется уж быстрее выехать и желательно также тихо.

Ермолай согласно поддакнул.

Когда, не спеша, подошел санитарный состав из десятка серо-зеленых вагонов с красными крестами на фоне белого круга, они отправились в свое купе.

— Сейчас тронемся, — весело бросил Чивава, — можно будет и поспать. А перед сном надо бы перекусить. А, Ермолай, ты не против?

«Неужели мы сейчас тронемся и без остановок доедем до Вологды?!» — нервно подумал изрядно взвинченный событиями последних дней Сергеев и в тон ответил:

— Я только за.

— Прекрасно! А заодно и по соточке поднимем за снятие усталости и предстоящую приятную поездку, — подмигнул капитан. — Я тут кое-что раздобыл у друзей-земляков на дорогу, настоящая грузинская самогонка, чачей называется. Ну не одной же Ципок получать радости в жизни! А, Ермолай? Ты не против?

Изрядно уставший и изнервничавшийся за эти дни Сергеев был совсем не против...

* * *

*Берлин, министерство
иностраннных дел Германии...*

По дипломатическим каналам Риббентроп получил из Швейцарии сообщение о смерти в Москве Отто Шварца (он же Рэм). Смерть опытного разведчика в непонятной бытовой ситуации была очень неожиданна.

«Но, пожалуй, это наилучший выход из создавшегося положения по операции «Золото Северной Пальмиры», — размышлял рейхсминистр. — Составить реаль-

ную конкуренцию по захвату русского золота службе Канариса мы все равно бы не смогли. А тут со смертью Рэма в России можно операцию закрыть. Да и ситуация с самим Рэмом становится предельно ясна. Дадим официальное сообщение о героической смерти полковника Отто Шварца, семья получит необходимые пособия, пайки...»

Сомнения о действительной смерти Рэма оставались в душе Риббентропа. Он полагал, что бывалый разведчик элементарно испугался провала операции «Золото Северной Пальмиры», ответственности за это и просто переметнулся к врагам. И что в недалеком времени Рэм объявится в какой-нибудь далекой стране, разумеется, с другими документами. У Риббентропа были личные экономические интересы за пределами Третьего рейха. И ушлый Рэм вполне мог бы пригодиться на этом поприще, тем более он знал о некоторых бизнес-делах министра.

Риббентроп пригласил адъютанта и задумчиво вымолвил:

— Подготовьте официальное сообщение о героической смерти полковника Отто Шварца. Одновременно подготовьте шифровку и отправьте по закрытому каналу во все наши диппредставительства и консульства за рубежом с требованием активного поиска Отто Шварца, приложите фото, отпечатки пальцев и особые его приметы.

Адъютант щелкнул каблуками.

— Соедините меня с полковником Шульцом, — бросил Риббентроп.

— Слушаюсь, — изрек адъютант и быстро покинул кабинет.

Через некоторое время Риббентроп по телефону отдал приказ Шульцу представить кандидатуры на должность резидента немецкого дипломатического ведомства в России...

* * *

Поезд тронулся. Правда, двигался он очень медленно и как-то неровно, рывками и толчками.

Купе постоянно трясло и дергало. Тем не менее, Чивава и Сергеев прекрасно и плотно покушали, выпили и грузинской самогонки. Эмоционально и в ярких красках рассказывая о жизни в Грузии, капитан разошелся и все подливал и подливал спиртного. За веселыми рассказами и едой они изрядно выпили. Чача здорово ударила Ермолаю по мозгам, да и руки с ногами как-то плохо слушались.

После сытного обеда он завалился на свою полку и моментально погрузился в сон...

* * *

Купе вагона...

Майор Мхитарян пригласил к себе капитана Ципок и, глядя в глаза, строго вымолвил:

— Я сейчас с железнодорожной станции звонил в Ленинградское управление НКВД. Мне сообщили страшную новость: умер комиссар Иванов, отказало сердце.

Капитан ойкнула, округлила глаза. Затем обхватила голову руками и присела на полку.

— Но я не поверил, что генерал в сорок лет умер от сердечного приступа, — продолжал напористо майор. — Я уверен, ему помогли умереть. И я даже знаю, кто помог.

Капитан убрала руки от головы, взглянула на него широко раскрытыми глазами и удивленно выдавила:

— Что вы такое говорите, товарищ майор? Неужели предатель?

— Как только я подключился к операции «Элегия», я ознакомился с вашим личным делом, биографией. И нашел микроскопическую неувязочку.

— Какую? — удивленно воскликнула Ципок.

— Микроскопическую неувязочку в вашей биографии. Я тут же сделал несколько запросов на вашу родину, а также организовал за вами слежку, — продолжал с еще большим напором майор. — Стал анализировать и сопоставлять все ваши шаги и действия. И в итоге я узнал очень многое и интересное про вас.

Капитан изменилась в лице и явно не в лучшую сторону.

— Шаги и действия — разве это разве не одно и то же? — зло выдавила сквозь зубы.

Ее правая рука тихо и незаметно потянулась к голенищу сапога.

— Руки! — воскликнул майор, потянувшись рукой к кобуре.

Но достать оружие и воспользоваться им он не успел, руки женщины действовали мол-

ниеносно. Блеснул серый кинжал, он вошел по самую деревянную рукоять в живот майора. Бедняга что-то хотел сказать, но вместо этого стал хватать ртом воздух, руки странным образом обвисли, в широко раскрытых глазах запечатлелось непонимание и... что-то еще неясное. Зато глаза женщины излучали неподдельную радость и восторг.

Через пару-тройку секунд майор стал медленно опускаться. Ципок руками поддержала безвольное тело, и оно плавно, спиной вниз, опустилось на полку. Минуту капитан спокойно, буднично смотрела на умирающего майора. Затем достала носовой платок. Держа его в руке, аккуратно вынула кинжал из уже бездыханного тела, вытерла его серое лезвие о гимнастерку майора, вставила за голенище своего сапога. Из раны майора стала сочиться темно-красная кровь. Женщина подошла к столу и посмотрела на издающую тихие сигналы радиостанцию. Затем взглядом осмотрела купе, взяла со стола офицерскую полевую сумку и осторожно вышла...

* * *

Сергеев проснулся и понял, что кто-то его тормозит за плечо. Открыв глаза, увидел перед собой строгое лицо Ципок с горящими глазами.

— Ермоша, тихо поднимайся и, не одеваясь, с вещами переходи в мое купе. Это приказ.

Сергеев сразу ощутил запах фирменных духов капитана. Тихо процедив приказ, Ципок неслышно вышла.

Ермолай потрянул головой, она была явно не свежая, да и тело как-то ломило.

«Толком не выспался, да и чача была ой как крепка», — недовольно подумал он.

Ругаясь на Ципок, медленно поднялся с полки. Капитан Цивава безмятежно спал на правом боку.

«Везет же некоторым», — окончательно просыпаясь, подумал о капитане Ермолай.

Взял свои вещи и прямо в трусах осторожно вышел. Дверь в соседнее купе была приоткрыта. Серьезная Ципок стояла у стола, в руке она держала белую таблетку и стакан воды.

— Выпей, это тебе поможет, — подавая воду и белую таблетку, изрекла женщина.

Недолго думая Ермолай проглотил таблетку, запил водой.

— Очень хорошо, — бросила Ципок, поставила стакан, взяла офицерскую сумку.

Ермолай стоял в нерешительности.

— Располагайся, милый Ермоша, — рукой показывая на расстеленную нижнюю полку и улыбаясь, изрекла женщина. — Я сейчас приду, — и быстро вышла, плотно прикрывая за собой дверь купе.

Ермолай бросил вещи, устало лег, вагон слегка покачивало. Во рту почувствовал запах шоколадной конфеты. Вскоре он стал ощущать прилив энергии, казалось, улетучивалась и усталость.

Через некоторое время вошла широко улыбающаяся с буквально горящими глазами Ципок. Молниеносно разделась, и... под стук вагонных колес началось нечто

невообразимое и неподдающееся разумному осмыслению...

* * *

*Рига, особняк в старой части города,
штаб-квартира регионального центра Абвер...*

В кабинете руководителя центра звучит мелодия из оперы Вагнера «Тангейзер», на кофейном столике легкая закуска и напитки. Хозяин кабинета, барон фон Шоммер в парадном мундире прохаживался вдоль кабинета. Он находился в прекрасном настроении! И на то были веские причины. Первая — рождение долгожданного первенца, сына Вили. Жена Маргарет долго не могла родить, много лечилась. И вот сын!!! Вторая — успешное продолжение операции «Золотой трезубец». И это несмотря на то, что русские знают об операции! Выше всяких похвал работает Оракул! Да и группа майора Рихарда Мухеля, несмотря на арест одного агента, дело свое делает.

С минуты на минуту должны подойти с поздравлениями сослуживцы. Сразу после мероприятия барон вылетает в Сортавалу на встречу золотого эшелона. Мысленно барон уже строил грандиозные планы на свое светлое, обозримое будущее...

* * *

Ципок поднялась с постели, взяла в руку стоявшую на столике бутылку коньяка, налила полстакана. Как воду лихо выпила и даже не поморщилась. Налила коньяк в другой стакан и, мило улыбаясь, передала его лежащему Ермолаю.

«Сколько в ней энергии и силы?! — подивился он. — Как она прекрасна и гармонична!» — восхищенно подумал, рассматривая чудное тело обнаженной женщины.

С трудом немного приподнялся, взял стакан в руку, сделал два-три глотка и тот час закашлялся.

Ципок со словами:

— Зелен ты еще, — весело рассмеялась, взяла у Ермолая стакан и поставила на стол.

После сверхинтенсивного секса физически Сергеев был явно не в своей тарелке, ныло практически все тело. Да и коньяк видимо пошел не туда, куда следовало. Он почувствовал учащенное сердцебиение. С усилием принял сидячее положение. В голове все шумело, определенно, букет из чачи, секса и коньяка давал о себе знать. Улыбающаяся капитан стала энергично одеваться, медленно последовал ее примеру и разбитый, деморализованный Ермолай.

Ципок быстро оделась в военную форму, бросила:

— Тебя и Чиваву приглашал к себе в купе майор Мхитарян. Наверное, Головастик хочет дать наставления на дорогу.

«Наверное», — согласился Ермолай, с большим трудом оделся.

— Сходи к майору прямо сейчас, — присаживаясь

к столу и беря в руки бутылку коньяка, изрекла Ципок.
Ермолай кивнул и вышел из купе...

* * *

*Кабинет Первого секретаря
Ленинградского обкома ВКП (б)...*

Жданов пригласил к себе полковника милиции Шадрина, заместителя погибшего комиссара Иванова, начальника ленинградского управления НКВД и полковника госбезопасности Чхеидзе. От Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной армии присутствовал региональный представитель майор Истомин.

— Никак не могу поверить в естественную смерть комиссара Иванова, — сразу начал на повышенной ноте Жданов. — Сорок лет мужику, спортсмен, семьянин. Я знал его почти десять лет!

— Расследование по факту смерти продолжается, — вставил полковник госбезопасности.

— Я вас прошу, — впился в него взглядом Жданов, — надо все проверить и перепроверить в обязательном порядке.

— Все будет сделано, товарищ Жданов, — твердо заверил Чхеидзе.

— Как дела у нас по операции «Элегия»? — спросил Жданов, переводя взгляд на заместителя начальника ленинградского управления НКВД.

— Операция идет по намеченному и утвержденному

плану, — скупое ответил заместитель начальника управления.

— И нет никаких сомнений, опасений, никакая помощь не нужна? — допытывался Жданов.

Приглашенные офицеры скромно молчали. Жданов перевел строгий взгляд на майора Истомина и спросил:

— Что известно по вашим каналам об операции?

— Об операции по переброске золота, по нашим данным, известно немецким разведслужбам, а также английским, — тихо ответил майор.

— Но это же очень плохо! — громко воскликнул Жданов — Как мы такое могли допустить?

— На то и разведка, чтобы все знать, — флегматично вставил полковник госбезопасности.

— Товарищ Жданов, мы проводим необходимые соответствующие мероприятия, — строго вымолвил майор Истомин. — Операция должна пройти успешно.

— Так точно, — поддержал полковник Шадрин.

— Прощу постоянно помнить, товарищи офицеры, — строго изрек Жданов, — пока золото страны находится на территории Ленинградской области, я несу за его сохранность строгую партийную ответственность. И вы, товарищи офицеры, тоже...

* * *

Ермолай постучал в дверь купе, никакого ответа не последовало. Подождав пару секунд, осторожно открыл дверь и увидел лежащего на полке, на спине майора Мхитаряна в военной форме. Стоящая на столе

радиостанция издавала тихие сигналы.

«Умаялся, спит. Не хочется будить», — подумал Ермолай.

И хотел, было, уже закрыть дверь, как случайно обратил внимание на что-то темное на животе Мхитаряна.

Секунду-другую Ермолай раздумывал своей несвежей головой, что ему делать. Затем несмело шагнул в купе и сразу понял, что темное пятно на животе майора — это не что иное, как кровь. И лежал он как-то неестественно: широко раскрытые глаза были устремлены вверх, левая нога оказалась подвернута, одна рука безвольно свисала до пола.

«Да он же мертв! — стрельнула в мозг Сергеева страшная мысль, он взглядом обвел купе. — Черт! Надо что-то делать...».

Стремглав выскочил из купе, заскочил в соседнее купе Ципок и громко выкрикнул:

— Майор мертв!

— Как? — вяло спросила Ципок.

Женщина в это время сидела на лавке и медленно потягивала из стакана коньяк.

— Мертв, — тупо повторил Ермолай.

В глазах его что-то поплыло и потемнело. Ципок сделала удивленное выражение лица, поставила стакан. Затем решительно поднялась, рукой отодвинула с пути Сергеева и энергично направилась в купе Мхитаряна. Войдя в купе, бросила взгляд на стоящую на столе и издающую тихие сигналы радиостанцию. Быстро подошла к столу, открыла боковую крышку

станции, кинжалом порезала несколько проводов, вывернула небольшую лампу и положила в свой карман. Радиостанция перестала подавать сигналы. Женщина довольно усмехнулась.

Постояв какое-то время в купе капитанши вне себя, Ермолай тряхнул головой. Осознав, что находится в купе один, разбитый Ермолай поплелся следом за Ципок в соседнее купе. Внезапно мелькнула ужасная мысль:

«Мы трахались с Ципок, а в это время майора убивали?»

Войдя в купе, Ермолай увидел, что Ципок проверяет пульс у бездыханно лежащего майора. Неприятно улыбнувшись, она вымолвила:

— Действительно, мертв. Посмотри, его зарезали ножом в живот и, судя по тому, что тело теплое, совсем недавно, — и по-мужски грязно выругалась.

Ермолай взглянул внимательно на тело и выдавил:

— Похоже, — в голове у него шумело.

Ципок строго взглянула на Сергеева и медленно вымолвила:

— Что мы имеем на сей момент. Посторонний сюда не мог проникнуть. Мхитарян вызывал тебя и Чивава. Ты был со мной. Так... остается... А ну-ка, пошли со мной.

Она решительно вышла из купе, за ней поплелся подавленный и ничего не понимающий Ермолай.

Они оказались возле купе Сергеева и Чивава.

Ципок тихо прошипела:

— Тихо, — быстро достала из кобуры пистолет и привела его в боевое положение.

Она осторожно открыла дверь купе, капитан Чивава безмятежно спал на правом боку.

— Подъем! — крикнула Ципок, направляя пистолет на капитана.

Чивава вскочил и широко раскрытыми, непонимающими глазами уставился на Ципок. А заодно и на выглядывавшего из-за плеча капитана, Сергеева.

— Руки вверх! — грозноскомандовала Ципок.

— Что случилось? — медленно поднимая руки, изрек сонный капитан.

— С поднятыми руками медленно выходи в коридор, — увереннокомандовала Ципок. — И без глупостей, я прекрасно стреляю.

В это время, очевидно, услышав шум, из своего купе вышел в коридор лейтенант Островой и заглянул к соседям.

— Лейтенант Островой, — бросила громко Ципок. — Наденьте на капитана Чивава наручники. Он обвиняется в убийстве майора Мхитаряна.

От этих слов все мужчины словно оцепенели.

— Ну! — грозно и еще более громко бросила Ципок. — Лейтенант, выполняйте приказ! Я как заместитель по операции майора, беру команду операции на себя. Всем все ясно?

Мужчины переглянулись.

— Не слышу ответа! — крикнула Ципок.

— Так точно, — изрек Сергеев. — Все ясно.

— Есть надеть наручники, — тихо выдавил Островой. — Одну секунду.

Заглянул в свое купе, взял наручники и надел

их на руки явно ошарашенного Чивава.

— Что вы такое говорите? — воскликнул капитан, уже видимо приходя в себя. — Я убил майора Мхитаряна?

— Всем находится на своих местах, — грозно приказала Ципок. — Я буду делать обыск у Чивава, Сергеев и Островой, вы будете понятыми.

Вскоре она представила кинжал с деревянной рукоятью и заточенным двухсторонним серым клинком примерно 18—20-сантиметровой длины со следами крови, офицерскую полевую сумку Мхитаряна и немецкие бумажные деньги.

— Все ясно с этим немецким лазутчиком, — уверенно констатировала Ципок. — Дальше ехать с ним и телом Мхитаряна мы не можем. Я экстренно остановлю поезд на станции города Волхов.

— Какой я лазутчик?! — воскликнул окончательно проснувшийся Чивава. — Глупая женщина! Ты...

— Молчать! — громко рявкнула Ципок и, обращаясь к начальнику караула, строго, но уже тише вымолвила. — Слушай приказ, Островой. Я сейчас быстро составлю протокол, — взглянула на ручные часы. — Через пятнадцать минут будет Волхов. Ты в сопровождении двоих бойцов доставишь арестованного Чиваву в военную комендатуру, два бойца доставят туда на носилках тело майора Мхитаряна. Все передаешь коменданту и возвращаешься. Вопросы?

— Все ясно, товарищ капитан, — бодро ответил Островой.

Сбитый с толку Ермолай только моргал глазами, все

происходящее казалось ему неким страшным сном...

* * *

*Вологда, запасные пути
товарной железнодорожной станции...*

В одном из отсеков старого, исковерканного, ржавого полувагона находилось трое оборванных пацанов. В руке каждого было по куску то ли колбасы, то ли мяса и по алюминиевой кружке. Пацаны с удовольствием и аппетитом жевали пищу и запивали водой. Один из них, верткий такой, с заячьей верхней губой, еще успевал рассказывать какие-то веселые истории. Вот после очередной истории все дружно рассмеялись.

Один из троицы в танкистском шлеме, кончив смеяться, изрек:

— Ну, ты, Шплинт, и врать мастер. Ха-ха!

— Да я, ей-богу, не вру, — уверял Шплинт, парень с заячьей верхней губой, — могу перекреститься, Танкист.

— А ты же не крещеный, — смеясь, вставил третий, веснушчатый паренек. — Сам же рассказывал, что испугался попа в рясе в церкви и дал такого стрекача. А?

— Я испугался? — грозно спросил Шплинт.

— А то.

Бросив еду и воду, Шплинт бросился с кулаками на веснушчатого. Довольно улыбаясь, Танкист смотрел на дубасящих друг друга парней и продолжал жевать...

Железнодорожный вокзал станции «Волхов-1»...

В зале ожидания находилось с десяток пассажиров, в основном, женщин. Кто-то сидел на лавках, кто-то и вовсе лежал.

Вот в зал зашел молодой лейтенант и стал внимательно рассматривать находившихся людей. Свой взор он задержал на крупном, с квадратным лицом светло-волосом мужчине с бычьей накаченной шеей в черной железнодорожной форме. Очевидно, железнодорожник почувствовал этот взгляд. Он нервно поежился, резко встал и решительно направился в сторону туалетных комнат. За ним последовал и лейтенант. На ходу он бросил:

— Одну минуту, товарищ железнодорожник, остановитесь.

Очевидно, не расслышав, крупный железнодорожник решительно продолжил свой путь и зашел в туалетную комнату. За ним проследовал лейтенант.

В комнате железнодорожник сразу проследовал к писсуару.

— Товарищ железнодорожник, предъявите документы, — следуя за ним, строго и громко изрек лейтенант.

Железнодорожник повернулся к лейтенанту и выдавил на удивление мягким голосом:

— Я после контузии очень плохо слышу. Повторите, что вы сказали, товарищ военный?

— Лейтенант Орлов, — козырнул военный. — Пожалуйста, предъявите свои документы.

Железнодорожник понимающе кивнул головой

и правой рукой полез в карман. Вдруг он резко выбросил руку в сторону живота лейтенанта. Затем также резко ее отдернул, в его руке оказался окровавленный кинжал. Судя по глазам лейтенанта, он, ничего не понявший, схватился руками за живот и стал медленно оседать на пол. Железнодорожник сплюнул на пол, вытер кинжал о гимнастерку севшего на пол лейтенанта, убрал за пазуху и вышел из туалетной комнаты...

* * *

Уставший и разбитый, с больной головой Сергеев, не читая, подписал протокол и по указанию Ципок пошел отдыхать в свое купе.

— Немецкий шпион пойман нами! Так что можешь, Ермоша, поспать аж целых пять и даже шесть часов! — весело бросила капитан. — До славного русского города Вологды!

В купе Ермолай сел на лавку, в окне показались окраины города Волхова. В голове вертелось:

«Чивава — немецкий шпион?! Я с ним ел, пил, разговаривал, а он шпион? — совсем не хотелось в это верить. — Но ведь майор Мхитарян реально мертв!..»

Ермолай, не раздеваясь, завалился на лавку, голова просто разламывалась, да и тело ломило.

Вскоре в купе вошла хмурая на лицо, но с горящими глазами Ципок. В руке она держала бутылку коньяка.

— Для снятия напряжения и сладкого сна выпей, Ермоша, коньяка, — тихо изрекла капитан.

Быстро наполовину наполнила стоявший на столе

стакан и передала Сергееву.

«Вот ведь неугомонная и привязчивая баба! — недовольно воскликнул он. — Но сколько в ней энергии? В, казалось бы, хрупкой женщине!».

— Выпей-выпей, будет легче, — настаивала Ципок.

Ермолай приподнялся на локтях и решительно выпил содержимое стакана.

— Вот теперь приятных снов, — широко улыбаясь, изрекла Ципок и быстро покинула купе.

Ермолай развалился на лавке. Поезд стал сбрасывать скорость, вскоре послышался скрип тормозов. Через несколько секунд они остановились. Ермолай приподнялся и взглянул в окно. Виднелись железнодорожные пути, какие-то небольшие станционные постройки, снующие люди.

Ермолай снова лег, в голове все шумело, глаза слипались. Совсем скоро он куда-то провалился...

Глава 6

*Ленинградская область, запасные пути
железнодорожной станции «Волхов-1»...*

Капитан Ципок выдала последние строгие указания начальнику караула лейтенанту Островому, объяснила и как найти комендатуру. В конце переспросила:

— Вы, лейтенант, поняли мой приказ?

Все внимательно выслушав, Островой бодро бросил:

— Так точно, товарищ капитан, все выполним, — громко скомандовал бойцам. — За мной, — и быстро за-

шагал по путям.

За ним поплелся в наручниках капитан Чивава в сопровождении двух бойцов. Едва поспевая, засемили два бойца с носилками, на которых укрытый белой простыней лежал мертвый майор Мхитарян.

Ципок проводила их строгим взглядом. Затем перевела взгляд на марширующего возле трех «чумных» вагонов бойца с винтовкой. Поочередно на двоих часовых, стоящих на тормозных площадках в начале первого и в конце третьего вагонов. Далее медленно подошла к стоявшему невдалеке крупному светловолосому, с бычьей накаченной шеей мужчине в черной железнодорожной форме и о чем-то с ним тихо переговорила. После этого капитан отправилась в свой вагон.

Поднявшись в вагон, Ципок обратила внимание на стоявшего в коридоре и смотрящего в окно худенького, щупленького солдата из команды охраны. Секунду-другую подумав, капитан подошла к расслабленно стоящему солдату, молниеносно достала из голенища сапога кинжал и ударила им в почку солдата. Прокрутила кинжал против часовой стрелки и вынула из раны. Из раны стала сочиться и капать на пол кровь. Бедняга-солдат неестественно подпрыгнул, выпучил глаза и хотел закричать. Но капитан рукой закрыла ему рот и аккуратно стала перемещать в ближайшее купе. Солдат пытался сопротивляться, но тщетно, руки женщины крепко держали его руки, тело и рот. В купе Ципок бросила уже практически безжизненное тело на пол, вытерла о его гимнастерку кинжал и вышла...

Крупный, с квадратным лицом светловолосый мужчина с бычьей накаченной шеей в черной железнодорожной форме прикурил сигарету, глубоко затянулся. И, очевидно, от удовольствия весело крикнул. Шагнув в сторону молодого бойца с винтовкой, марширующего в десяти метрах возле трех «чумных» вагонов.

— Боец, угостить тебя американской сигаретой? — приближаясь к караульному, весело, тонким голоском изрек железнодорожник. — Ну, очень вкусные сигареты шлют союзники с фильтром! Называются они «Винстон», да, «Винстон», с фильтром.

Две-три секунды караульный раздумывал, стоит ли из-за курева нарушать устав караульной службы. Очевидно, победило желание вкусить аромат неведомых заморских сигарет. Он ответил:

— Давай, отец, только по-быстрому.

Железнодорожник быстро приблизился к караульному и сделал резкое движение рукой. Солдат заморгал глазами. А железнодорожник зажал ему рот рукой и, осторожно поддерживая рукой, переместил к стоявшему в двух шагах фонарному столбу. Прислонившись к столбу, караульный обмяк, безвольно опустил руки и голову. В это время где-то невдалеке раздался взрыв, потом второй, раздались выстрелы. По путям побежали какие-то люди. Послышались крики:

— Немцы в городе! Танки идут! Фашисты бросили десант!

Железнодорожник усмехнулся, поправил пилотку караульному и прошел к «чумным» вагонам. Подойдя к первому, через свою форму, очевидно, из писто-

лета, беззвучно выстрелил в стоящего на тормозной площадке караульного. Ничего не услышав и ничего не поняв, караульный опустился на пол. Железнодорожник быстро подошел к буферному сцепляющему вагоны устройству и со знанием дела отсоединил «чумной» вагон от литерного санитарного серо-зеленого состава. Через мгновение мужчина уже шел в сторону третьего «чумного» вагона. А навстречу ему по железнодорожным путям неспешно двигался серо-черный маневровый паровоз с дымящей трубой...

* * *

Ермолаю снился какой-то странный сон.

...Огромное-огромное ржаное поле, и он один идет по этой золотистой глади. Приятно обдувает теплый игривый ветерок, а он все идет и идет... Вдруг, впереди показалось что-то непонятно темное, он ускоряет шаг. И... о чудо! Он оказывается на васильковой поляне!.. А за ней... виднелась иссиня-голубая водная гладь!

* * *

Восточное побережье Ладожского озера...

Железнодорожный состав, состоящий из серо-черного паровоза и трех белых вагонов, остановился буквально в трех метрах от берега. Из будки паровоза выскочили двое крупных мужчин, черноволосый и светловолосый, в форме железнодорожников. Они подошли к одному белому вагону, аккуратно сняв плом-

бы с двери, открыли ее. Помогая друг другу, мужчины заскочили в вагон. Осмотрели вагон и обменялись восторженными взглядами. Затем из многочисленных рядов деревянных ящичков аккуратно взяли десять ящичков и поставили их на край вагона. Спрыгнули с вагона, переставили на землю ящички. Закрыли вагон, крупный светловолосый мужчина с бычьей шеей опечатал его двумя печатями. Далее мужчины перенесли за ручки по одному к берегу и осторожно опустили в воду все десять ящичков. Один из мужчин присыпал ящички небольшими камнями, при этом что-то произнес по-немецки. Мужчины быстро отправились к будке паровоза.

Оказавшись в будке, светловолосый с шеей борца грозно крикнул поджидавшему их машинисту-кочегару:

— Что стоим?

— Жду команды, господин майор.

— Вперед!

Через секунду поезд резко дернулся, мужчины с трудом удержались на ногах.

Майор зло выругался в адрес машиниста.

— Отменно мы сработали! — весело изрек черноволосый мужчина. — Никто не найдет и даже не подумает, что золото на дне озера. А оно может пролежать там хоть тысячу лет!

— Да, обер-лейтенант Ригель, — неопределенно выдавил хмуро светловолосый с шеей борца.

Внезапно раздался небольшой щелчок. Светловолосый через свою форму, очевидно, из пистолета выстре-

лил в грудь улыбающемуся черноволосому мужчине. На лице бедняги моментально запечатлелось недоумение.

— За что, Рихард? — тихо изрек Ригель и рукой схватился за грудь.

— Так надо, Карл, — жестко выдавил светловолосый борец. — Ты просто оказался лишним.

Лицо Ригеля исказила неприятная гримаса. Он стал медленно оседать на пол. Светловолосый ногой подтолкнул падающего мужчину, и тот через открытую дверь будки паровоза выпал в мелькавшие зеленые кусты.

Машинист с ужасом смотрел на майора. Очевидно, бедняга подумал, что следующим лишним вполне может оказаться он. Но невозмутимый майор лишь прикрикнул:

— На следующем бугорке притормози, я по земле перейду в пассажирский вагон.

* * *

Ермолай проснулся от какого-то удара. Он с трудом открыл глаза и понял, что лежит на полу купе. В голове все шумело, невероятно хотелось спать. По монотонному звуку колес и небольшим толчкам он решил, что поезд движется, но движется медленно-медленно, очевидно, набирая ход.

Глаза просто слипались. Сквозь оконное стекло он увидел кусочек светло-лилового неба. Подумал:

«Уж не сон ли это?»

Ермолай приложил немало физических усилий, чтобы подняться с пола. Взглянул в окно и увидел, что буквально в двух шагах виднелась иссиня-голубая водная гладь, на берегу наклоненная над водой строенная береза и рядом черный валун. По небу простиралась светло-лиловая дымка.

«Где это мы находимся? Что это за водоем?» — подумал удивленно и моментально ощутил невероятный голод.

Голод победил неопределенность. Ермолай быстро достал продукты и с аппетитом перекусил...

Железная дорога была какая-то неровная, они часто поворачивали, вагон трясло. В один из поворотов Ермолай увидел недалеко впереди серо-черный маневровый паровоз с дымящей трубой.

«Странно, — подумал озадаченно. — Получается, что наши «чумные» вагоны перецепили... и мы следуем впереди, а не сзади санитарного литерного состава...».

Он еще больше удивился, когда на очередном повороте за «чумным» вагоном не увидел никаких вагонов. Вскоре у насыпи показалась табличка, вроде дорожного указателя:

Олонецкое отделение железной дороги

Ермолай задумался. Прошлым летом он с Иринкой Лазо отдыхал на даче, вернее, в деревенском доме в старинном поселении Видлица на Ладожском озере. И тогда они проезжали этот небольшой городок.

«Как? Почему Олонецкое?» — воскликнул. —

Мы должны ехать на восток к Вологде, а Олонец — это дорога на север! А иссиня-голубая водная гладь — это, получается... Ладожское озеро?!».

Взглянул в окно: перед взором проплывал смешанный густой зеленый лес, вскоре показался покосившийся деревянный дом с постройками. Вот вынырнула из леса виляющая автомобильная дорога. Через мгновение появились клубы черного дыма, идущие от, очевидно, разбомбленной фашистскими самолетами красноармейской автоколонны. На обочине дороги торчали тлеющие и догорающие остовы грузовиков и легковушек, какая-то утварь, кругом виднелись воронки от бомб.

Ермолай напрягся:

«Гады фашисты! Сколько наших людей погибло в этой колонне!».

Тяжело было смотреть на это мертвое пепелище...

* * *

Ленинград, один из служебных офисов Главного разведывательного управления Генштаба Красной армии...

Майор Истомин получил из города Волхова обескураживающее известие — убит майор госбезопасности Мхитарян, отвечающий за практическую реализацию операции «Элегия». Еще каких-то шесть-семь часов назад они обсуждали с майором ход операции, еще раз прикидывали имеющиеся в распоряжении верные

силы и средства. В литерном составе это Мхитарян и лейтенант Островой (или на самом деле капитан разведуправления Ягодинок), плюс люди на каждой станции...

Причем, убил майора, судя по предоставленным уликам в военную комендатуру, следующий в литерном составе капитан Чивава?! Хотя он сам уверяет и божится, что это провокация?! Последовала незапланированная экстренная остановка литерного в Волхове. Пока начальник караула с четырьмя солдатами доставлял в комендатуру Чиваву и относил труп Мхитаряна, на станции возникла явно спровоцированная паника, были два взрыва и стрельба. Определенно, это работа группы фашистских диверсантов во главе с майором Абвера Мухелем. Они же наверняка убили находящегося на станции и наблюдавшего за прохождением литерного состава лейтенанта разведуправления Орлова. Оказались убиты и два охранника трех «чумных» вагонов. Но главное, пропали три спецвагона с золотом из литерного состава! Лейтенант Островой со своими солдатами отстал и остался на станции. Такой получился печальный расклад...

Майор доложил последние новости в Москву.

— Как вы могли потерять золотые вагоны? — громко воскликнул начальник управления комиссар Голиков. — Это же не иголка в стоге сена?! — кричал, тяжело дыша в трубку. — Немедленно отправляйтесь в Волхов, разберитесь на месте и доложите! Вы поняли?! Слышите, майор, постоянно меня информируйте!

— Понял, есть, — тихо вымолвил майор...

* * *

Сергеев вышел в коридор вагона, все было тихо и спокойно, за окном мелькали небольшие, утопающие в зелени какие-то домики. Он заметил невдалеке на полу красные капли. С удивлением подумал:

«Похоже на кровь», — и шагнул в сторону капель.

Нагнулся, рассмотрел внимательно, понюхал. Очень похоже, что это действительно были капли крови. Они вели в купе, где размещались солдаты караула. Ермолай подошел к двери купе и осторожно ее приоткрыл. На полу в луже крови лежал определенно мертвый солдат.

Сергеев ужаснулся и машинально закрыл дверь. Ведомый непонятным чувством, он шагнул к следующему купе. О... Там находились два мертвых бойца, в следующем купе оказался еще один труп... У Ермолая потемнело в глазах, в голове была полная неразбериха, его затрясло.

«Так, нельзя терять голову, — беря себя в руки, пытался он рассуждать логически. — С лейтенантом Островым ушло четверо солдат, еще четверо стояли на охране вагонов на станции в Волхове. И... Остальные четверо из состава караула мертвы в купе... Что это? Куда мы едем? Где Ципок? Где Островой с четверкой солдат?».

Ермолай заглянул в купе лейтенанта, там было пусто:

«Неужели, он отстал от поезда? Тогда... Получается, что у нас нет охраны? И вообще, куда мы едем?».

* * *

*Берлин, дом приемов министерства
иностраннных дел...*

Риббентроп являлся большим поклонником своего давнего предшественника, министра иностранных дел кайзеровской Германии Германа фон Тиле. Тиле находился на министерском посту всего год, но оставил после себя несколько интересных трудов, которые высоко ценил Риббентроп и постоянно перечитывал их. По случаю семидесятилетия вступления на пост министра фон Тиле, Риббентроп устроил небольшой вечер памяти. Были приглашены члены правительства, партийные функционеры, промышленники и другие представители гитлеровской элиты, кроме первого лица Рейха. Правда, пришли далеко не все приглашенные. Так, не пришли Гимлер, Геринг, Борман, лис Канарис и некоторые другие.

На торжественной части выступил, как всегда зажигательно и призывно, Геббельс, более ровно Риббентроп и совсем спокойно имперский министр Шахт.

Затем все, кто пожелал, перешли в фуршетный зал. Риббентроп непринужденно пообщался с несколькими приглашенными лицами. Подошел улыбающийся Вальтер Шеленберг, поблагодарил за приглашение, интересное выступление.

Затем тихо вымолвил:

— Примите мои сожаления по поводу кончины полковника Отто Шварца. Я его лично знал и всегда был о нем самого высокого мнения.

Риббентроп кивнул и подумал, что этот не по годам опытный разведчик и хитрый интриган наверняка пришел не только за этим.

— Уважаемый Иоахим, жаль, что мы с вами не успели поработать в рамках операции «Золото Северной Пальмиры», — широко улыбаясь, изрек Шеленберг. — Когда-то у нас неплохо получалось взаимодействие. Конечно, с кончиной бедняги Шварца, как я понимаю, операцию не получится закончить на позитивной ноте.

«Вот он зачем пришел! — нервно воскликнул Риббентроп. — Поерничать и поиздеваться надо мной!».

Риббентроп не удивился, что Шеленберг знал об операции «Золото Северной Пальмиры», ибо в его ведомстве совершенно точно были агенты СД. Министр лишь старался невозмутимо взирать на собеседника.

— Знайте, дорогой Иоахим, — продолжал Шеленберг, — я всегда готов к сотрудничеству с вами.

Изрядно раздосадованный Риббентроп ничего не ответил, лишь улыбнулся и снова слегка кивнул. Неожиданно пришла мысль: «А может, Шварц-Рэм переметнулся в СД, к этому сукину сыну Шеленбергу? И сейчас жив и здоров?».

* * *

Сергеев постучал в купе, в ответ тишина. Он осторожно приоткрыл дверь и увидел лежащую на полке в военной форме капитана Ципок. Женщина спала, при этом как-то тяжело дышала и что-то бормотала во сне.

На столике стояла на две трети пустая бутылка коньяка, два стакана, один из которых наполовину заполнен темной жидкостью, пачка печенья, конфеты, белые таблетки, что-то еще.

«Напилась и дрыхнет», — неприязненно подумал Ермолай.

Ощутил запах алкоголя и уже хотел было закрыть дверь.

Но в этот момент женщина повернулась на спину и что-то пробормотала. Причем вылетевшие несколько слов были произнесены по-немецки. В школе и техникуме Ермолай учил этот язык и поэтому понял выскочившие из уст Ципок немецкие, вроде бы, ругательства. Из голенища сапога капитана выпал на полку нож, вернее, даже целый кинжал, с серым, заточенным с двух сторон клинком и деревянной, резной ручкой.

«Черт! — рассматривая холодное оружие, воскликнул Ермолай. — Таким же, кажется, кинжалом, был убит майор Мхитарян? — внимательно присмотрелся. — Ну, точно, именно таким! Но... — вспомнил, — ведь его унес в военную комендатуру лейтенант Островой?».

Ермолай вмиг вспотел, сердце учащенно забилося, казалось, еще чуть-чуть, и оно выскочит...

* * *

Аэропорт вблизи города Сортавала...

Едва ступив на землю, барон фон Шоммер получил зашифрованное донесение: операция «Золотой трезубец» проходит успешно, вагоны с золотом двигались в сторону Сортавалы!

Широко улыбающийся и счастливый барон проследовал в кабинет. Незамедлительно по телефону он доложил адмиралу Канарису о ходе операции и получил от всегда сдержанного начальника горячую похвалу. После разговора совершенно счастливый барон уже начал прикидывать, как его наградят за успешную операцию «Золотой трезубец». Орденом германского креста? Железным крестом первой степени? Или... повышением по службе, переводом в Берлин? А может, и тем, и другим?

За обедом появилась Хильда, пышногрудая круглолицая блондинка-финка. На этот раз она показалась барону просто красавицей! Не стал он и рассуждать, на кого работала эта девица. Они очень мило и весьма приятно поговорили. Хильда снова спросила о цели приезда, барон ответил шуткой. На предложение блондинки прогуляться вдвоем, барон весело ответил:

— Непременно, дорогая Хильда, но немного позже...

После обеда барон решил еще раз обследовать приготовленную для золотого эшелона пятисотметровую штольню в скальном, приладожском грунте...

* * *

Женщина во сне прелестно улыбнулась. Затем медленно и грациозно потянулась всем своим стройным телом. При этом юбка поднялась, точеные ноги высоко оголились. Три, а может, и все пять-шесть секунд Ермолай с удовольствием рассматривал прелестное создание и особенно красивые женские ноги. Но, несмотря на прекрасные женские прелести, в голову Сергеева лезли далеко не восторженные мысли:

«Как это надо понимать? Непонятно куда едем и без охраны? Горы трупов в вагоне... Пьяная капитанша... Слова во сне по-немецки, кинжал в сапоге, которым был убит майор и который, как я видел, унес лейтенант Островой? Что делать мне сейчас? Будить капитаншу и уточнять маршрут?».

Он приоткрыл дверь шире, шагнул в купе, взгляд упал на кинжал.

«Весьма и весьма интересная вещь», — с интересом рассматривая его, решил Ермолай.

Безмятежно спящая Ципок неожиданно открыла глаза, красивое лицо исказила болезненная гримаса.

— Что с вами? Как вы себя чувствуете? — спросил Сергеев.

— Плохо мне, — тихо выдавила женщина. — Дай мне таблетку, — медленно подняла левую руку.

Сергеев шагнул к столу, взял таблетку и передал в женскую руку. Ципок быстро проглотила таблетку.

Не зная, что делать, Ермолай стоял и смотрел на женщину.

Ципок еле слышно выругалась, закрыла глаза, про-

стонала:

— О! Как мне плохо!

Ермолай стоял в нерешительности.

Вскоре женщина вяло изрекла:

— Плохо, плохо мне. Дай еще две и запивку дай в стакане.

Сергеев хотел спросить, не много ли будет? Но промолчал, вложил в женскую руку две таблетки и поднес наполовину заполненный темной жидкостью стакан.

Ципок быстро проглотила таблетки, жадно, вздохнула выпила содержимое стакана.

— Как вы себя чувствуете? — забирая стакан, спросил Сергеев.

— Глуповат ты, — тихо выдавила женщина. — Но вот, понимаешь, понравился ты мне с первой встречи, Ермоша, понравился. Ты так похож на моего любимого мужчину. Поэтому и не убила я тебя, не смогла, дала только снотворное. Хотя надо было по всему, как генерала, — закрыла глаза и замолчала.

Доносился размеренный стук колес.

В голове Сергеева все перевернулось:

«Глуповат... понравился... любимый мужчина... Не убила?! Снотворное... Как генерала? Что за таблетки она пила?».

Вдруг, Ципок дернулась всем телом, громко закашлялась. Попыталась рукой расстегнуть гимнастерку на груди, но вместо этого неожиданно с шумом упала на пол купе. Она лежала на спине без движений, изо рта пошла пена, из носа кровь. В целом на лице запечатлелась ужасная гримаса.

От таких молниеносных событий Ермолай просто оцепенел и стоял, как вкопанный, не зная, что делать и как помочь женщине.

— Разорви мне гимнастерку, — давясь и выплевывая пену изо рта, изрекла Ципок.

«Как?!» — удивленно воскликнул Сергеев.

Взгляд его упал на лежащий на полке кинжал. Он схватил кинжал за рукоять и стал аккуратно отрезать верхние пуговицы на гимнастерке.

Женщина задрожала всем телом, дернула коленями и, выпучив глаза, неприятно захрапела.

В это время раздался незнакомый мужской голос:

— Что ты с ней сделал?

Сергеев вздрогнул и повернул голову на голос. Он увидел стоящего в дверях купе крупного, с квадратным лицом светловолосого мужчину с бычьей накаченной шеей, жесткими чертами лица в черной железнодорожной форме. Руки он держал в карманах.

— Я... вот... помогал... — начал было, запинаясь, удивленный появлением незнакомца Ермолай, выпрямляясь в полный рост.

В кармане незнакомца что-то зашевелилось. Ермолай инстинктивно сжался и резко отшатнулся в сторону. Раздался тихий щелчок, пуля возможно в сантиметре просвистела от груди Сергеева. Светловолосый, очевидно, через свою форму выстрелил из пистолета. Ермолай автоматически выбросил руку с кинжалом в сторону железнодорожника. Кинжал угодил мужчине в живот. На секунду-другую оба замерли, рассматривая друг друга...

Железнодорожник удивленно расширил глаза, перевел взгляд на торчащую из живота деревянную рукоять кинжала. Его лицо внезапно исказила ужасная судорога. И всей своей массой мужчина с грохотом упал на Ципок...

* * *

*Ленинградская область,
военная комендатура города Волхова...*

В кабинете находились трое хмурых военных мужчин: майор, капитан и лейтенант. Только что капитан Чивава подробно рассказал о своем пребывании в литерном составе, от момента посадки, до момента его ареста и доставки в комендатуру.

— Ну а ты, — обратился майор Истомин к лейтенанту Островому, — ничего подозрительного не заметил?

— Нет, ничего особенно и тем более подозрительного я не заметил, — четко и быстро ответил лейтенант.

— Ты, Островой, не должен был ни при каких обстоятельствах покидать состав, — жестко изрек майор.

— Ну а как я не мог выполнить приказ Ципок в той ситуации? — воскликнул лейтенант и всплеснул руками. — Было все так неожиданно и напряженно. Капитанша просто зверски выглядела. Да она бы меня на месте расстреляла и была бы права.

На какое-то время в помещении повисла напряженная тишина.

— Подведем итоги, — спокойно вымолвил майор. —

Во время паники на станции, которую создала немецкая диверсионная группа, некий паровоз увел три «чумных» вагона в неизвестное направление. При этом были убиты три солдата-охранника. По рассказам очевидцев, на станции видели троих неизвестных лиц, один из них в форме железнодорожника майор Абвера Мухель. Он же убил нашего офицера лейтенанта Орлова.

— Так видимо и было, — печально изрек капитан.

— Ладно, капитан Чивава, — зло бросил майор, — лично с тобой будем разбираться потом. Сейчас, главное, найти пропавшие три вагона с золотом. Со станции Волхов они могли направиться в три направления: на запад, север и восток.

— Мы с военным комендантом перед вашим прибытием, — энергично вставил лейтенант, — отправили на ближайшие железнодорожные станции циркуляры о белых «чумных» вагонах.

— Вагоны можно быстро перекрасить, переставить местами и прицепить к любому составу, — уныло бросил капитан.

— Можно, в принципе, по-быстрому выгрузить золото в какой-нибудь придорожный склад или даже грузовые машины, — вымолвил лейтенант.

— Да и времени нами уже потрачено много впустую, — добавил капитан, поглядывая на свои ручные часы.

— Принимая во внимание, что и как организовала диверсионная группа майора Абвера Мухеля на станции Волхов, — хмуро вымолвил майор, — то нужно рассматривать все возможные и даже невозможные варианты. Нужно хорошо подумать...

* * *

Ермолай выскочил в коридор, в голове был полный бедлам.

«Я убил человека! Я убил! — вертелось. — Что теперь будет? — перед глазами встало судорожное лицо железнодорожника. — Это здоровяк при падении наверняка пришиб и капитана Ципок. Получается... Я убил и ее тоже!».

Руки и ноги подкосились, он опустился на корточки, руками обхватил голову...

Внезапный резкий поворот состава встряхнул Ермолая, вернул к действительности.

«Нельзя раскисать, — решил он, поднимаясь в полный рост. — Надо успокоиться и сосредоточиться, мне сейчас надо заниматься главным — золотом», — пытался настроить себя.

Между тем за окном показался лес, они неуклонно двигались дальше на север, к Финляндии.

«Что это за рыжий железнодорожник? — спросил себя Ермолай. — Как он оказался в нашем вагоне? Кстати, — воскликнул, — этот здоровяк-железнодорожник внешне, цветом волос и чертами лица, похож на меня. Уж не он ли и есть любовь Ципок?» — непрерывно вертелись в голове эти и другие вопросы.

Но главное, как понимал Ермолай, сейчас нужно было во что бы то ни стало остановить поезд!

* * *

Берлин, штаб-квартира Главного управления имперской безопасности (РСХА)...

Вальтер Шеленберг вовсе не хотел просто поерничать над своим хорошим знакомым, рейхсминистром Риббентропом и потешить свое самолюбие. Заместитель начальника VI управления РСХА (фактически начальник политической разведки Третьего рейха) от своих агентов узнал и об операции Абвера «Золотой трезубец», и об операции дипломатов «Золото Северной Пальмиры». От своих агентов Шеленберг также знал, что английская внешняя разведка МИ 6 пристально следит за переброской СССР части своего золотого запаса из Ленинграда на Урал. На министерском приеме Шеленберг надеялся, что, попав в сложную ситуацию, Риббентроп попросит помощи у него в реализации операции «Золото Северной Пальмиры». Но... Риббентроп, сжав зубы, промолчал. Что, несомненно, означало, что операция «Золото Северной Пальмиры» будет свернута.

Шеленберг уже несколько дней раздумывал, что ему делать в данной ситуации. Сорок пять тонн золота — очень лакомый кусочек! Вот только как бы им не подавиться?

Шеленберг подошел к окну и стал смотреть на улицу: по тротуару сновали люди, по проезжей части — автомобили. Шеленберг любил наблюдать за людьми со стороны, эта любовь возникла у него еще в глубоком детстве. Один человек идет медленно и прямо,

другой вразвалочку, оборачиваясь по сторонам, третий идет, быстро косясь по сторонам, а четвертый и вовсе бежит, ничего не замечая вокруг. Интересно, почему так? Позднее он стал анализировать поведение людей в разных ситуациях, искать внутренние и внешние причины их поведения. И гораздо позднее, уже в зрелом возрасте, стал прогнозировать поведение людей в той или иной ситуации...

Последний случай с Риббентропом оказался трудно прогнозируемым. Шеленберг хотел использовать операции Канариса и Риббентропа в своих интересах, дабы укрепить свое положение в иерархии Третьего рейха. И для него было вовсе неважно, как закончится операция по захвату золота: провалом или удачей. При любом раскладе Шеленберг хотел получить свои высокие дивиденды, которые, несомненно,годились бы в будущем...

* * *

Сергеев сбросил с себя халат, быстро прошел в тамбур и открыл боковую дверь. Цепляясь руками за выступы вагонов, осторожно перебрался на буферное приспособление для сцепления вагонов, осторожно перешел на впереди идущий вагон с золотом, взобрался на его крышу. Далее, осторожно ступая по крыше и маневрируя при движении и поворотах состава, а также от выходящего из трубы паровоза клубов дыма, перешел в начало вагона. Солдата-охранника на тормозной площадке вагона не было. Буквально в двух шагах впе-

реди находился паровоз, вернее, его задняя часть (тендер), где хранились запасы топлива.

«Получается, что мы без охраны движемся в сторону Финляндии?! — воскликнул Ермолай. — Как такое могло случиться? — озадачился. — Черт! Я проспал что-то очень важное!»

Осторожно через сцепляющее устройство перебрался на крышу тендера и медленно двинулся вперед к будке (кабине) паровоза. Вот, внизу в будке показался какой-то мужчина весь в черном. Он энергично бросал лопатой уголь в топку котла паровоза.

«Надо его срочно остановить», — решил Ермолай.

Стал медленно перебираться к кабине паровоза. В правой руке он держал приведенный в боевое положение револьвер. Кабина была уже рядом, мужчина продолжал энергично работать лопатой.

«Разбираться и вступать в переговоры с эти кочегаром некогда, — зло подумал Ермолай. — Совсем скоро линия фронта».

Несмотря на качку, прицелился и выстрелил мужчине в спину. Кочегар уронил лопату и упал на живот. Ермолай еще раз взглядом осмотрел будку паровоза. Не заметив никого и ничего подозрительного, осторожно пролез в кабину и шагнул к мужчине. В это время незнакомец повернулся, в его руке что-то блеснуло. Ермолай резко отшатнулся в сторону и одновременно выстрелил в мужчину. Незнакомец затих, из его руки безвольно выпал кинжал.

«И у этого кочегара кинжал!» — воскликнул Ермолай.

Шагнул в кабину, закрыл крышку котла и стал искать рычаг тормоза. Обнаружил три рычага, недолго думая, стал перемещать все подряд. Вот заскрипели тормозные колодки, паровоз стал терять скорость и вскоре остановился...

* * *

Окрестности города Сортавала...

В самом начале пятисотметровой штольни был накрыт праздничный стол, торжественно звучала победная оратория Рихарда Вагнера. Восседавший в центре его веселый барон фон Шоммер постоянно посматривал на ручные часы. Буквально с минуты на минуту должен показаться паровоз с вагонами, в которых находилось сорок пять тонн золота. Специальная группа Абвера из десяти человек во главе с капитаном Гроссом должна встретить состав еще на советской стороне перед линией фронта и сопроводить на финскую территорию, непосредственно в штольню. Дабы отвлечь внимание русских, в пятнадцати километрах финны организовали атаку на русские позиции, там сейчас шел бой местного значения.

«Какое томительное и приятное ожидание!» — весело воскликнул барон.

Не в силах больше просто сидеть и ждать, распираемый переполнявшими радостными эмоциями, барон налил себе вина. С удовольствием выпил и стал энергично закусывать. К нему с явным удовольствием

присоединилась сидящая напротив, изрядно и грубо на-маникюренная, благоухающая блондинка Хильда.

— В честь чего этот шикарный банкет? — кокетливо спросила улыбающаяся женщина.

«Опять она с расспросами!» — недовольно подумал барон и небрежно бросил:

— Я все непременно скажу, дорогая Хильда, но немного позже.

— И все же? — не отставала женщина.

— Скоро должен прибыть мой лучший друг, — отмахнулся барон.

— Откуда?

Барон кивнул в сторону России.

— Оттуда...

* * *

Сергеев взглянул в окно, невдалеке виднелись деревянные постройки. Виднелись и следы войны, воронка от снаряда, разбитая телега, разбросанные какие-то вещи. Невдалеке показалась водная иссиня-голубая гладь Ладожского озера, очертания деревянного дома, дома, определенно знакомого.

«Ба! Да это же поселение Видлица! А тот деревянный дом на окраине — дом Иринки Лазо! — воскликнул Ермолай, в памяти мелькнули прошлые воспоминания. — Только вот, — всматривался внимательно, — деревянной многоярусной семикупольной церкви на пригорке не видно... Кстати, отец Ирины — большой партийный начальник, и у них в доме был телефон! Да-да, точ-

но! Можно будет позвонить в Волхов и сообщить, где я нахожусь. Ведь один я с паровозом не справлюсь и в Волхов не доеду».

Осмотрел кабину паровоза, взгляд остановился на незнакомом мужчине. Подошел и осмотрел безжизненное тело. Рядом лежащий кинжал с деревянной ручкой.

«Может, пригодится», — подумал и сунул в голенище своего сапога.

Тут он заметил стоящий на полу серый металлический ящик с антенной. Ермолай шагнул к нему, наклонился и стал рассматривать.

«Похоже на переносную радиостанцию», — подумал и покрутил выступающие ручки.

Из ящика послышались голоса на иностранном языке. Вот четко и ясно послышались немецкие слова: ахтунг, ахтунг...

«Этот кочегар и, видимо, могучий железнодорожник — немецкие диверсанты, — прикинул Ермолай, сразу у него возник вопрос. — Тогда кто же Ципок?».

Думать, что она с ними заодно, совсем не хотелось. Хотя... было уже достаточно много странных фактов с участием Ципок. И самое главное, ведь еще недавно они двигались в сторону Финляндии и, значит, их союзников немцев?

«Надо идти к дому Иринки Лазо, надо срочно позвонить», — решил Ермолай и стал спускаться из кабины паровоза на землю.

Вспомнил неожиданно приснившийся сон и увиденные образы: ржаное поле с васильковым полем...

«Да ведь это Ирина с льняной косой и васильковыми глазами?! — весело воскликнул. — А иссиня-голубая водная гладь не что иное, как Ладожское озеро!».

Усмехнулся и подумал:

«А во сне я, кажется, уже предчувствовал встречу с Иринкой...».

* * *

*Москва, посольство Великобритании,
кабинет второго секретаря...*

Полстены кабинета занимала большая географическая карта СССР. Именно по этой карте Джулиан Карриган отслеживал движение «золотого» эшелона. По своим каналам он получил информацию, что эшелон покинул Ленинград, вскоре прибыл на станцию Волхов и... остановился.

«Зачем они там остановились? — рассматривая карту, недоумевал Карриган. — Немцы с юга рвутся к Ленинграду. Эшелону нужно как можно быстрее покинуть наиболее потенциально опасную, с точки зрения возможного захвата немцами, прилегающую к Ленинграду зону!».

По поступающим данным Карриган знал, что у русских много неразберихи и бардака в тылу. Есть и открытый саботаж, да и заброшенные немецкие диверсанты работали. Возможно, именно по этим причинам «золотой» эшелон застрял в Волхове.

Но поразмыслив и кое-что сопоставив, Карриган

решил, что остановка эта не что иное, как результат целенаправленной немецкой операции.

«Интересно-интересно, смогут немцы умыкнуть у русских золото или нет? — потягивая виски, весело размышлял Карриган. — Сможет ли в это дело активно вступить агент Рэм, он же Шварца, он же Титов, он же Форлан? И какую выгоду смогу получить лично я?».

В итоге долгих раздумий Карриган решил на всякий случай быть поближе к месту движения «золотого» эшелона и оформил срочный запрос в МИД СССР на поездку в Вологду. Благо, подвернулся и благовидный предлог, в военный госпиталь Вологды доставили двух английских моряков. В рамках программы ленд-лиза моряки участвовали в арктическом конвое, перевозке грузов в Архангельск. Уже в Архангельске моряки заболели непонятной болезнью, и их переправили на лечение в Вологду...

Глава 7

Вот он, знакомый деревянный дом-пятистенок с палисадником. Но сердце Ермолая почему-то не забилося учащенно. А когда-то он так ждал встречи с Иринкой...

Насколько помнил Ермолай, в доме постоянно жили бабушка и дед Иринки. Сама Иринка и ее родители приезжали летом, в отпуск и на каникулы.

Ермолай вошел во двор, осмотрелся. Все, вроде, было, как и год назад, но никаких явных признаков сегодняшней жизни.

«Может, все уже эвакуированы, и дом пуст?» — невесело подумал и направился в дом.

Он оказался не закрыт.

«Значит, дома кто-то есть!» — повеселев, решил Ермолай.

Постучал, в ответ тишина. Не спеша, вошел в сени и далее осторожно направился в кухню дома. Не успел переступить порог, как из-за спины послышался женский истеричный крик:

— Стоять, гад и бандит! Руки подними вверх! Иначе стреляю и разнесу твою башку!

* * *

*Ленинградская область,
военная комендатура города Волхова...*

В кабинете находились двое военных мужчин. Майор и капитан стояли возле висевшей на стене карты Ленинградской области и внимательно ее рассматривали. В помещение ворвался улыбающийся лейтенант Островой и выкрикнул:

— Товарищ майор, нашелся наш «чумной» состав. Позвонил дежурный по станции Олонец и сообщил, что двадцать минут назад три белых вагона и паровоз впереди проследовали к финской границе.

Выслушав лейтенанта, майор и капитан обратили свои взоры на карту.

— Да за это время они могли уже доехать до линии фронта! — воскликнул капитан Чивава.

— М-да, — задумчиво вымолвил майор Истомин.
— Сейчас мы отдадим соответствующие указания и немедленно отправляемся к Олонцу.

— Я уже узнал у начальника станции, свободных паровозов на станции Волхов нет, — уныло выдавил лейтенант.

— Пусть снимет паровоз с любого отправляющегося в тыл состава, — вставил капитан.

— Лейтенант Островой, — строго вымолвил майор, — передайте начальнику станции, если он в течение десяти минут не найдет паровоз с одним вагоном или хотя бы скоростную драгу, то пойдет под суд. И еще, возьмите у военного коменданта с десятков бойцов. Выполняйте.

— Есть, — отчеканил лейтенант и покинул помещение...

* * *

Пораженный Ермолай замер, не спеша поднял руки. Ему в спину уперлось дуло какого-то оружия, и раздавалась резкая команда:

— Три шага вперед и лечь лицом вниз на пол. И что-бы никаких резких движений.

«Попал в странную ситуацию, — подумал Ермолай. — И голос, вроде, знакомый и, вроде как, незнакомый», — медленно выполнил команду и спросил:

— Это дом Лазо?

— Лазо, Лазо. Поверни морду своего лица ко мне.

Ермолай повернул голову. Он увидел худенькую, ко-

ротко стриженую девушку с уставшими глазами, в темном платье-сарафане, темно-зеленой блузке и с охотничьим ружьем в руках. С большим трудом узнал в ней... Иринку. Сразу вспомнил ее прежнюю, хохотушку-пампушку с васильковыми глазами, льняной косой, ярко одевающуюся. Грустно подумал:

«Странно это все. Какая-то она вся чужая, незнакомая, напряженная худышка...».

— Кто ты, бандит? И что тебе надо? — зло выкрикнула девушка и неумело выругалась. — Ну, говори быстро? Иначе кончу тебя.

— Хорошо-хорошо. Я Сергеев Ермолай, пришел в дом своей хорошей знакомой Ирины Лазо. Пришел за помощью...

* * *

*Кабинет Первого секретаря
Ленинградского обкома ВКП (б)...*

Жданов узнал об остановке эшелона с золотыми вагонами на станции Волхов и затем о внезапном исчезновении вагонов.

— Как такое могло случиться?! — воскликнул большой партийный начальник и ужаснулся.

Естественно он подумал и о возможной реакции первого лица страны Сталина. Жданов срочно пригласил к себе всех ответственных за операцию «Элегия»...

За столом располагалось четверо суровых мужчин: хозяин кабинета, исполняющий обязанности началь-

ника ленинградского управления НКВД полковник милиции Шадрин, начальник территориального управления госбезопасности полковник Чхеидзе и только что прилетевший из Москвы комиссар Голиков, начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной армии.

— Я очень извиняюсь, что оторвал вас, товарищи, — обозревая всех присутствующих, начал Жданов, — от неотложных фронтовых дел и забот. Причина вызова — это беспокойство за ход государственно-важной операции «Элегия».

Присутствующие офицеры внимательно слушали. Жданов почтительно обратился к Голикову:

— Вы, товарищ комиссар, можете мне объяснить, что происходит с отправленным из города золотом страны?

— Да. За этим золотом охотятся многие силы, по нашим данным, немцы, англичане, плюс прочий наш доморощенный криминальный элемент.

— Это все понятно. Что с эшеломом? Но золото дойдет до места назначения?

— Разумеется, товарищ Жданов, несмотря ни на что...

* * *

— Ты Ермолай?! — громко воскликнула Ирина.

— Да, Ермолай.

На бледном, худощавом девичьем лице запечатлелась гамма противоречивых эмоций.

— Ты посмотри на себя, на свое лицо. Ну, бандит и бандит! — бросила Ирина.

Куда-то на секунду-другую она пропала. А, появившись, поднесла к лицу Ермолая маленькое зеркальце. Он взглянул в него и... не узнал свое лицо. Оно почти все было покрыто серыми и черными пятнами.

«Черт! — удивился. — Это, наверное, от клубов дыма паровоза, когда я передвигался по крышам вагонов», — и смущенно выдавил:

— Ирочка, я тебе все объясню.

— Надеюсь, Ермолайчик (когда они дружили, Иринка именно так его и называла).

— Кстати, ты тоже сильно изменилась, — выдавил Ермолай. — Где твоя льняная коса?

— Жизнь заставила измениться. Ладно, вставай, — убирая ружье, и уже явно миролюбиво, сказала девушка.

Вдруг буквально в миг на ее глазах появились слезы.

— Я тут одна сижу, вся испереживалась! — давась слезами, заголосила девушка. — Я тебя чуть не убила! — и стала колотить своими кулаками в его грудь.

— Успокойся-успокойся, — улыбаясь, весело изрек Ермолай. — Ведь не убила же.

Пытаясь успокоить, он обнял ее за трясущиеся плечи, притянул к себе, поцеловал в лоб.

Прошла, может, минута или две, прежде чем Ирина успокоилась, смахнула слезы и отстранилась от Ермолая.

— Не обращай внимания на мой нервный срыв, я вся разбитая последнее время, — уже серьезно вымолвила

девушка. — Иди для начала умойся, не могу я на тебя такого смотреть...

* * *

Окрестности города Сортавала...

Барон фон Шоммер выпил уже третью рюмку, когда к нему подошел лейтенант и что-то тихо сообщил на ухо.

Барон изменился в лице и также тихо прошипел в ответ офицеру:

— Приказываю группе ожидания капитана Гросса незамедлительно выдвигается навстречу составу. Радисты пусть непрерывно вызывают группу майора Мухеля.

Лейтенант кивнул головой и моментально исчез. А барон хмуро и напряженно задумался.

— Что-то случилось? — участливо спросила широко улыбающаяся, круглолицая Хильда.

— Все нормально, — нехотя выдавил барон. — А где же ваш гость? — веселилась женщина, повела своими пышными грудями.

— Скоро будет, — жестко и с явно нескрываемым недовольством бросил барон.

Через секунду он решительно поднялся из-за стола, что-то буркнул невнятное и быстро удалился...

* * *

Ермолай умылся, вытерся полотенцем.

— Ты, кстати, Ермолайчик, выглядишь далеко не молодцом, — рассматривая Сергеева, весело бросила Ирина.

— Да, последние дни и ночи были напряженными, — согласился Ермолай и стал осматривать помещение.

— Я думала, ты на фронте.

— Я пока все там же работаю, в банке, — сказал Ермолай, озираясь по сторонам.

— Ты что ищешь? — спросила Ирина.

— Телефонный аппарат, он раньше у вас тут где-то был.

— Э, вспомнил, — вяло бросила девушка. — Неделю назад немецкая авиация делала налет, бомбили все подряд, наша старинная деревянная церковь сгорела, некоторые дома, связь оказалась вся порушена. Я и аппарат убрала подальше. Говорят, что финские войска могут сюда прийти, они сейчас в десяти-пятнадцати километрах стоят.

На секунду-другую Ермолай задумался:

«Это плохо, что нет связи...», — и спросил:

— А почему ты здесь, а не в Москве?

— Я двадцатого июня сюда приехала на отдых, а тут война. Папа, он с начала войны стал дивизионным комиссаром (соответствует генерал-майору), должен был приехать за мной на машине, да вот что-то не едет.

«На машине, — подумал Ермолай.

Вдруг вспомнил разбомбленную фашистскими самолетами красноармейскую автоколонну в районе города

Олонец. — А может, в ней...», — но моментально отбросил эту страшную мысль и спросил:

— А где дед, бабушка?

Ирина тяжело вздохнула.

— Дед умер еще зимой. А бабушку... бабушку месяц назад убили бандиты. С началом войны тут много всяких странных личностей развелось.

«Надо же, сколько несчастий свалилось на Иринку!» — подумал Ермолай, тихо изрек:

— Прими мои соболезнования.

Ирина молча кивнула и спросила:

— Как ты здесь оказался?

— Обо мне потом. А почему ты так похудела?

— Война же! Страшная война! Люди гибнут! Кусок в горло не идет...

Ермолай вспомнил своего погибшего отца, уехавшую в эвакуацию маму, подумал:

«Идет второй месяц войны, а сколько всего ужасного уже случилось», — шагнул к девушке и обнял за плечи.

— Мне одной плохо, и я очень рада тебя видеть, Ермолайчик, — тихо вымолвила девушка.

— Я тоже рад, — автоматически ответил Ермолай...

* * *

Ленинградское управление НКВД...

Исполняющий обязанности начальника управления полковник Шадрин работал с документами. Их было,

как обычно в последнее время, предостаточно. За два месяца войны почти половина сотрудников управления была отправлена на фронт. Между тем ситуация в городе и области все более и более усложнялась...

Внезапно подал острый, неприятный звук крайний слева телефонный аппарат. Изменившись в лице, полковник резко вскочил, быстро схватил трубку и бросил:

— Я слушаю, товарищ министр...

— Что у вас там происходит, Шадрин? Комиссар Иванов мертв, руководитель операции «Элегия» Мхитарян убит, вагоны с золотом потеряны? А? — на секунду другую воцарилась тишина. — Вы отдаете себе отчет? Ваши куцые доклады никого не могут устроить! Что я должен докладывать товарищу Сталину?!

— По фактам смерти комиссара Иванова и майора Мхитаряна ведется расследование, — запинаясь и заикаясь, вымолвил побледневший Шадрин. — Вагоны с золотом найдены и в целостности будут доставлены к месту назначения.

— Вы отдаете отчет своим словам?!

— В полной мере, товарищ министр, — отчеканил полковник и смахнул рукой выступивший на лбу пот.

— Так... ну это уже что-то. А что по Иванову конкретно?

— В данный момент ждем экспертного заключения, товарищ Берия. Эксперты, говорят, очень сложный случай. По одной из их версий комиссар мог быть отравлен. Конечно, мы не сидим, сложа руки, товарищ министр. Мы работаем по всему комплексу вопросов, связанных со смертью комиссара.

На три-четыре секунды наступила тишина. Пот снова проступил на лбу полковника.

— Ну, ладно, Шадрин, — тихо выдавил Берия, — работайте там, работайте быстрее и энергичнее. Все разборки будут после доставки золота к месту назначения...

* * *

Внезапно с улицы стала доноситься веселая музыкальная мелодия. Ирина и Ермолай переглянулись и почти одновременно прильнули к окну. По двору шел кудрявый молодой человек в цветной рубашке и синих шароварах с немецкой гармошкой в губах. В руке он нес бутылку, наполненную сероватой жидкостью, на плече висел немецкий автомат «Шмайсер» без приклада.

— Это Витька Вьюгин, местный житель, — сказала Ирина. — В июне его призвали в армию, а в начале августа он объявился у нас. Люди говорят, он сбежал из армии. С ним тут ходят его трое дружков, пьянствуют, гуляют, к людям пристают, безобразничают. Ко мне вот Витька зачастил, сватается, сил моих нет.

Ермолай достал револьвер, привел в боевое положение, встал рядом с Ириной боком к входной двери.

Гость вошел в дом, на его небритом лице расплылась довольная улыбка. Увидев стоящих рядом Лазо и Сергеева, он встал, как вкопанный. Беззаботно-довольная улыбка вмиг слетела с лица. Рассматривая Ермолая, он выдавил простуженным голосом:

— Знакомая личность. А... да, вспомнил! Ты в прошлом году приезжал сюда вместе с Иришкой, — и рукой взялся за автомат.

— Стоять и не двигаться! — громко крикнул Ермолай и резко направил на гостя револьвер.

— Стою-стою, — явно испуганно выдавил парень, руки его затряслись, лицо побелело.

— Медленно и осторожно положи автомат на пол, — грозно крикнул Ермолай.

— А то? — тихо выдавил гость.

— А то выстрелю в башку и радикально поправлю твою прическу. Но если будешь меня слушать, останешься живым.

Гость поспешно кивнул и осторожно положил автомат на пол. Раздумывая, что делать с парнем, Сергеев продолжал на него грозно взирать.

Внезапно быстро гость встал на колени и пискляво заголосил:

— Не убивай, друг. Не убивай. Для тебя я все сделаю.

— Я просто так людей, даже дезертиров, не убиваю, — бросил Ермолай. — Встань!

— Я списан из армии по здоровью.

— Встань!

Медленно гость встал, на его жалостное, обреченное лицо было трудно смотреть.

— А теперь пошел вот, гнида! — зло крикнул Ермолай.

Впившись глазами в Сергеева, гость секунду-другую раздумывал. Затем, очевидно, осознав слова, закивал головой и стал пятиться к выходу. В дверях он развер-

нулся и пустился бегом.

— Здорово ты его, — бросила улыбающаяся Ирина. — Только он может привести своих друзей.

— Может, — подбирая «Шмайсер» и проверяя его магазин, вымолвил Ермолай. — Нам с тобой здесь оставаться никак нельзя. Быстро возьми все самое ценное и необходимое.

— И куда мы пойдем?

— Я знаю, куда.

— Я должна вот так просто оставить дом, хозяйство?

Ирина непонимающе смотрела в глаза Ермолая.

— Да, — ответил он твердо. — Потому что идет большая война, смертельная война. И потому, что судьба нас снова свела...

* * *

Участок железной дороги Волхов-Олонец...

Паровоз с прицепленным одним товарным вагоном неспешно двигался по виляющим среди зеленого леса железнодорожным рельсам. В будке паровоза находилось трое мужчин, в черной форме кочегар-машинист уже в возрасте и двое молодых офицеров. Военнослужащие, майор и капитан, явно нервничали, постоянно осматривались по сторонам, всматривались и вперед.

— Медленно, ох, медленно идем, — недовольно бросил майор и смачно выругался.

— Может, батя, угольку побольше подбросить? А? — нервно предложил капитан.

— На этом участке дороги быстрее идти никак нельзя, — степенно ответил кочегар. — И уголь здесь не при чем, товарищ капитан. Пути здесь старые, давно не обслуживались, сама по себе дорога сложная, постоянные повороты и уклоны. Если поедем быстрее, просто можем вылететь в кювет.

В отличие от военных он был спокоен и деловит. Изредка посматривал на приборы, гораздо чаще вперед, на дорогу. Вот, взглянув на часы, он весело вымолвил:

— Через пять минут покажется станция Олонец...

* * *

Ирина с небольшим чемоданом в руке и Ермолай вышли из леса и оказались у железнодорожного полотна. Невдалеке стоял паровоз и прицепленные к нему три белых вагона с угрожающими черными надписями по бокам. Ирина сделала глубокий вдох и замотала головой.

— Что ты делаешь? — спросил Ермолай.

— Ощущаю специфический запах железной дороги, запах просмоленных шпал.

Ермолай усмехнулся и хотел было пошутить. Но, увидев строгий взгляд знакомой, решил промолчать.

— Что это? — рассматривая состав, спросила удивленно девушка.

— С некоторых недавних пор, это мой родной дом, — улыбаясь, ответил Ермолай. — Кстати, ты учишься не на железнодорожника?

— Я учусь на педагога. А что?

— Ты понимаешь, я немного заблудился на этом паровозе и поехал на север, в сторону Финляндии, а надо было на восток, на Урал. Теперь вот надо ехать назад к Волхову, а я не знаю, как это сделать.

Ирина на секунду-другую задумалась. Затем присела на корточки и стала рассматривать железнодорожные пути. Ермолай с удивлением смотрел за ее действиями.

Вскоре девушка спросила:

— Поезд стоит на тормозе?

— Да.

— Надо убрать тормоз и состав сам по уклону покажется в сторону Волхова.

Эти слова и достаточно очевидное решение Ирины буквально ошеломили Ермолая.

«Черт! Как я сам не допер до этого?!» — воскликнул и весело бросил:

— Молодец, Иринка! Гениальное решение! Приглашаю тебя прокатиться в кабине или, как говорят железнодорожники, в будке-паровозе! Обещаю романтическое путешествие!

Улыбающаяся девушка изрекла:

— Похоже, Ермолайчик, выбора у меня нет...

* * *

*Вологда, запасные пути
товарной железнодорожной станции...*

В одном из отсеков старого, исковерканного ржа-

вого полувагона находилось трое оборванных пацанов. На импровизированном столе, табуретке, покрытой газетой, находилась непрехотливая пища и бутылка с водой. Ребята с удовольствием жевали пищу, запивали и обсуждали текущие события. Особенно усердствовал по части рассказов один из них, верткий такой, с зачухой верхней губой по прозвищу Шплинт.

Неожиданно появился заросший, с усами, прихрамывающий мужчина в возрасте. Одетый в пиджак, широкие брюки и сапоги в одной руке он держал пакет. В другой находилась коричневая палочка, на которую мужчина опирался при ходьбе.

— Мир вашему дому, — улыбаясь, изрек незнакомец. — От нашего дома вашему уважаемому дому, — и передал пакет ближайшему к нему веснушчатому парню.

— Ты кто же такой будешь? — сверкнув глазами, грозно спросил парень в танкистском шлеме.

— Гражданин Иван Иванович Титов, русский, раненый, комиссованный и в настоящее время бездомный, — улыбаясь, ответил незнакомец. — Могу показать документы.

— Не надо, мы не мильтоны, — бросил парень в танкистском шлеме.

Веснушчатый быстро достал из пакета буханку хлеба, две банки тушенки и бутылку водки. Парни переглянулись и, казалось, беззвучно обменялись мнениями.

— Присаживайся, дядя Иван, к нашему столу, — солидно изрек парень в танкистском шлеме.

Веснушчатый быстро встал, рукой показывая на свою табуретку.

— Спасибо, — изрек Титов, прошел и сел на предложенную табуретку.

Веснушчатый примостился на рядом стоящую картонную коробку и спросил:

— Куда и откуда путь держим?

— Для начала предлагаю выпить за встречу и знакомство, — обзревая парней, вымолвил мужчина.

— Давай, — бросил парень с заячьей верхней губой.
— Я Шплинт.

— А я Танкист, — бросил парень в танкистском шлеме.

— Почему Танкист? — спросил Титов.

— Мой дядя, он военный танкист, когда пошел на войну, подарил мне шлем танкиста. Я ему дал слово, что пока он всех фрицев не победит, я буду носить шлем. Вот после этого меня все и стали называть Танкистом...

* * *

Ирина поднялась в будку паровоза и громко крикнула:

— Здесь мертвый человек!

Поднявшийся следом Ермолай улыбнулся и весело вымолвил:

— Не бойся, он уже не причинит тебе зла.

— Как ты можешь быть таким спокойным и еще веселиться! — возмутилась Ирина.

— Понимаешь, — вмиг став серьезным, ответил Ермолай, — этот кочегар-машинист гнал состав со спец-

грузом в Финляндию. Поэтому мне пришлось его убить. А вообще он настоящий немецкий диверсант.

— Ты убил человека! — широко раскрыв глаза, воскликнула Ирина.

— Я убил врага, — жестко отрезал Ермолай. — Не забывай, что идет война, и это фашисты напали на нашу землю, они убивают наших людей, не щадя никого.

Ирина быстро стушевалась, потупила взгляд. Стоявшая на полу серая радиостанция постоянно издавала какие-то сигналы.

— Давай лучше определим, где здесь рычаг ручного тормоза, — сменив тон, предложил Ермолай.

— Я не знаю, — осматривая рычаги управления, тихо вымолвила Ирина.

Через переднее окно их взгляды почти одновременно устремились на показавшуюся впереди на рельсах дрезину с людьми.

— Это наши? — спросила Ирина.

— Не знаю, — в раздумье ответил Ермолай. — Но знаю точно, что они едут со стороны Финляндии.

— Форма у них военная, вроде, наша, — всматриваясь в приближающуюся дрезину, сказала Ирина.

Ермолай вспомнил бугая-железнодорожника, капитана Ципок, наконец, кочегара-машиниста паровоза, тоже вроде бы внешне наших.

«Уточнять, кто они, я сейчас не могу. Мне нужно думать о сохранности груза, и неизвестные люди сейчас вовсе не нужны», — решил Ермолай и жестко бросил:

— Это еще ни о чем не говорит. Возможно, они едут забрать наш состав, — и стал перемещать рычаги

управления паровозом.

— Кстати, а что там в составе, в этих белых вагонах?
— спросила Ирина.

— Я же сказал, спецгруз, большего тебе знать не надо, — недовольно бросил Ермолай.

Вот дрезина почти вплотную приблизилась к паровозу и остановилась. На ней находилось с десятков одетых в военную форму мужчин с немецкими автоматами. Очевидно, старший из них давал какие-то указания. До Ирины и Ермолая донеслись отрывки фраз, фраз определенно не русских.

— Они говорят по-немецки! — воскликнула Ирина и с ужасом взглянула на Ермолая.

— Да, — приводя в боевое положение автомат, ответил Ермолай. — Кстати, мы, кажется, начали движение на юг, к Волхову.

Действительно, их паровоз вместе с составом медленно стал двигаться. Заметили это, очевидно, и прибывшие солдаты, двое из них побежали к будке паровоза.

— Пригнись, — крикнул Ермолай.

Он высунулся в боковое окно, прицелился и выстрелил очередью по бегущим. Оба солдата упали. С дрезины послышались крики, находящиеся на тележке солдаты стали стрелять из автоматов по паровозной будке.

Посыпались осколки разбитого переднего стекла, пули рикошетили от металлических частей будки паровоза.

— Смотри, Ермолай! — крикнула Ирина. — Двое

солдат забрались на переднюю часть паровоза и двигаются к нам.

— Не высовывайся! — бросил Ермолай. — Я вижу гадов, — прицеливаясь в одного из них.

Автоматная очередь прошила пробирающегося к будке солдата. Он, взмахнув руками, упал на землю, его напарник лег на живот и затих. В это время бежавший с правого бока от паровоза солдат пытался бросить под парные колеса паровоза какую-то металлическую болванку. Ермолай выстрелил, солдат вскрикнул, присел на корточки, болванка выпала из рук.

— Слева бегут трое солдат! — крикнула Ирина.

Ермолай переместился на левую сторону и выпустил автоматную очередь. На будку посыпался целый град пуль...

* * *

Участок железной дороги Олонец-Сортавала...

В трех метрах от полотна в зеленых кустах лежал с закрытыми глазами мужчина в черной железнодорожной одежде. Можно было предположить, что он спал или находился в бессознательном состоянии, или даже был просто мертв...

По путям проехал паровоз с одним прицепным товарным вагоном. То ли от звука паровоза, то ли по другой причине, но лежащий мужчина открыл глаза. Первым делом он увидел гряду свинцовых облаков в небе...

Осмотревшись, мужчина попытался приподняться на локтях. Это ему удалось. Уже сидя, он стал осматривать себя: потрогал руки, ноги, черноволосую голову. Все вроде было на месте, правда, побаливала голова, при падении он ударился ею. Мужчина обратил внимание на мокрое пятно на груди. Словно вспомнив что-то смешное, усмехнулся. Затем расстегнул гимнастерку и достал из внутреннего кармана сплюсненную алюминиевую фляжку. В ее корпусе сидела расплюсненная пуля.

— Ну и сволочь же ты, майор Рихард Мухель, — тихо и зло выдавил мужчина и выругался. — Сначала сам предложил подзаработать. Я поверил, а он уже потом после выгрузки?! — снова выругался. — Не захотел делиться со мною золотом, шестьсот килограммов на тринадцать миллионов долларов. Ведь я просил всего один миллион перевести на счет в швейцарский банк! — возмущению не было предела. — Мы знаем друг друга пятнадцать лет! Считались друзьями! Хорошая наука будет тебе, обер-лейтенант Карл Ригель! Спасибо фляжке со шнапсом, спасла меня, да и скорость поезда была небольшой, хоть не зашибся насмерть при падении...

* * *

Поезд определенно с чем-то столкнулся и замер. Лежащие на полу будки паровоза Ирина и Ермолай переглянулись.

«Все же они остановили поезд, — зло подумал о на-

падавших Ермолай. — Теперь они нас достанут... Черт, — грязно выругался, — зря я втянул в это дело Иришку».

Отсоединил магазин от автомата, посчитал оставшиеся патроны. Их оказалось всего три.

— Что это значит? — оглядываясь по сторонам, нервно спросила Ирина. — Почему мы остановились?

— Пока не знаю, что это означает, — не глядя на нее, тихо выдавил Ермолай.

Высказать свои худшие предположения он не решился.

В это время со стороны белых, «чумных» вагонов неожиданно послышались одиночные выстрелы.

Ирина и Ермолай снова удивленно переглянулись.

«Наши!» — мелькнула в мозгу Ермолая спасительная мысль.

То, что состав с золотом искали, он ни на минуту не сомневался. Осторожно высунул голову из будки и посмотрел в сторону «чумных» вагонов. В метрах сорока-сорока пяти по железнодорожной насыпи пробирались красноармейцы с винтовками и с ними... капитан Чивава, а рядом, кажется, лейтенант Островой.

Грозно застрочил пулемет со стороны паровоза, красноармейцы залегли. Ермолай повернул голову и увидел засевшего за паровозом пулеметчика.

«Хорошо устроился, гад!» — воскликнул Ермолай, взял автомат и отправил последние пули в пулеметчика.

Он затих, а красноармейцы во главе с Чивавой продолжали движение вперед.

— Дрезина уходит с двумя бандитами! — крикнула Ирина. — Ура!

Она стояла в полный рост и смотрела в разбитое переднее окно. Ермолай вскочил, шагнул к девушке и буквально уложил на пол. В это время по будке посыпался град пуль.

— Еще рано радоваться, — хмуро вымолвил Ермолай.

— Ты меня чуть не пришиб, — капризно изрекла Ирина.

— Я тебя спас! — нервно крикнул Ермолай, сдерживаясь, чтобы не выругаться.

Как-то внезапно наступила тишина, никто нигде не стрелял. Ермолай был несказанно рад подмоге, появлению Чивавы и Острового.

«Получается, разобрались с Чивавой, и он не убивал майора Мхитаряна?!» — воскликнул Ермолай.

— Есть кто живой в будке? — неожиданно раздался грозный мужской голос.

— Есть, — крикнула Ирина, выбираясь из объятий Ермолая.

Через секунду в будку заскочил капитан Чивава. Увидев лежащих на полу Ермолая и Ирину, он весело изрек:

— Ба! Никак Сергеев Ермолай? — громко рассмеялся. — Хорошо ты устроился!

— А где эти? — кивая в сторону дрезины, спросила Ирина.

— Двое немецких диверсантов ретировались, — помогая подняться девушке, ответил Чивава. — На грани-

це их задержат.

За Ириной поднялся и Ермолай.

— Молодец, что не сдал фашистам состав, — обнимая его за плечи, вымолвил Чивава.

В будку поднялся незнакомый майор и, обозревая Ермолая и Ирину, бросил:

— Я майор Истомин. От командования Красной армии выражаю вам свою благодарность.

— Служу трудовому народу, — слегка смутившись, тихо выдал Ермолай.

— Молодец-молодец, Сергеев! — весело вымолвил майор. — Ты убил шестерых диверсантов, ну и мы двоих еще. К сожалению, потери есть и с нашей стороны. Ты остановил состав, идущий к границе?

Ермолай кивнул.

— Потом, попозже, Сергеев, подробно все изложишь в рапорте, расскажешь...

* * *

Окрестности города Сортавала...

Адъютант доложил барону фон Шоммеру о неудачной попытке захвата поезда группой капитана Гросса. Барон буквально взбесился и разразился грязной бранью на Гросса.

— Капитан сообщил, что состав стоял в двенадцати километрах от линии фронта. Был неравный бой с русскими, он получил ранение средней тяжести, — вставил адъютант.

Барон закончил извергать ругательства.

— При обратном переходе границы их ждали русские, был также бой, — добавил адъютант.

Барон окончательно успокоился, отпустил адъютанта и глубоко задумался. Он так надеялся на агента Оракула и друга майора Мухеля! И все, вроде, отменно шло! Что у них могло случиться? Еще совсем недавно казалось, что состав вот-вот окажется в подготовленной финской штольне. И вот провал! Провал буквально за пять минут до успеха?! Конечно, есть другие варианты захвата состава. Но этот, основной, оказался бездарно провален. Теперь... шеф Канарис вполне может отстранить его от операции...

С тяжелым сердцем барон доложил адмиралу Канарису о ходе операции «Золотой трезубец». Шеф спокойно выслушал. У Шоммера даже мелькнула мысль, что адмирал уже все знал.

Канарис тихо спросил:

— Что с агентом Оракулом и группой майора Мухеля?

— По косвенным данным, они мертвы, — хмуро ответил барон. — Но мы это будем проверять.

— Операция еще не закончена, я не понимаю вашего упаднического тона, — зловеще тихо вымолвил адмирал. — Вы не устали, барон?

— Никак нет, господин адмирал, — поспешно отчетканил Шоммер. — Готов к выполнению любых заданий.

Повисла напряженная тишина.

— Хорошо, — наконец изрек адмирал. — Я жду от вас

подробного письменного рапорта. Операция «Золотой трезубец» продолжается. Вы слышите, барон, продолжается.

— Так точно, слышу, господин адмирал. Разрешите начать реализацию варианта два?

— Разрешаю поднять по тревоге всю агентурную сеть по трассе движения интересующего нас состава и задействовать в интересах операции. Но без меня ничего не предпринимать.

«И на том спасибо», — выдохнул барон.

— Далее, — неспешно вымолвил адмирал. — Э... я решил изменить ход операции и предложить свой вариант. Считаю необходимым в создавшейся ситуации обратиться к хорошо знакомому командующему группой «Север» генерал-фельдмаршалу Риттеру фон Леебу...

Глава 8

Майор Истомин командовал уверенно и четко. Он и лейтенант Островой с бойцами отправились обследовать и освобождать от трупов купейный вагон. Капитан Чивава и Сергеев проверили два вагона с золотом. Внешне они оказались целыми, пломбы — не поврежденными.

Паровоз медленно набирал скорость, вагон слегка раскачивало из стороны в сторону. Все разместились по купе. Ермолай оказался в своем старом купе, вместе с ним была Ирина. Майор Истомин, как сообщил Чивава Сергееву, новый руководитель операции по до-

ставке золота, разместился в купе майора Мхитаряка, капитан Чивава — в купе капитана Ципок, лейтенант Островой в своем, бойцы заняли купе, приспособленные для охраны.

После приема пищи Ермолай принялся за написание рапорта, Ирина легла отдохнуть...

Ермолай вошел в купе майора Истомина и представил рапорт.

— Присядь, пожалуйста, Сергеев, — предложил майор и сразу внимательно принялся читать рапорт.

Ермолай присел на полку и моментально почувствовал ужасную усталость всего организма: ныла спина, рук и ног он почти не чувствовал, голова казалась просто чугунно-тяжелой...

Быстро прочитав исписанные два листа, майор взглянул в глаза Сергеева и вымолвил:

— Судя по тому, что написано, действовал ты правильно. Одно мне непонятно, почему Ципок не убила тебя? Ведь она хладнокровно убила комиссара Иванова, майора Мхитаряна и еще четверых бойцов в поезде.

От прямого взгляда Ермолай немного поежился и медленно, подбирая слова, ответил:

— Я написал в рапорте, что, как она сказала, понравился я ей, ведь она меня почти силой уложила в постель. И еще, я был похож на ее любовника, этого здорового бугая-железнодорожника. Ну, видимо, чертами лица, цветом волос, может, ростом, еще чем-то.

— Этот железнодорожник майор Абвера Мухель,

опытнейший разведчик. Он участвовал в разведывательных акциях по всей Европе, награжден Железным крестом первой и второй степеней. Он убил на станции Волхов нашего оперативника и троих бойцов охраны состава.

— Как жаль, сколько смертей, — тихо вымолвил Ермолай и покачал головой.

— Возможно, смерти будут и еще, пока мы доведем золото до места назначения. Во что бы ни стало мы должны выполнить приказ, — строго изрек майор. — Еще один вопрос, кто для тебя Ирина?

— Знакомая, знакомая еще по довоенному Ленинграду.

Майор неопределенно кивнул и изрек:

— Еще одна печальная новость. У вашей знакомой фамилия Лазо, и ее отец дивизионный комиссар?

— Да.

— Два дня назад он погиб во время бомбежки на шоссе в районе города

Олонца. Это видели очевидцы, от его тела ничего не осталось.

«Он ехал за Ириной в село Видлицу и был в той разбитой колонне, которую я видел из окна поезда, — печально подумал Ермолай. — Бедная-бедная Иринка! Сколько бед на нее свалилось...»

— Ты, Ермолай, скажи ей как-то помягче об этом, — продолжал майор. — Мы, кстати, должны будем ее посадить в Волхове.

— Как в Волхове? — осознав последние слова, воскликнул Ермолай. — Ей надо в Москву, к маме. Давайте

довезем ее до Вологды, там она пересядет на московский поезд.

— Мы выполняем государственно-важную задачу...

— Я все понимаю, — эмоционально и с мольбой в глазах решительно продолжал Ермолай. — Ну, в виде исключения, товарищ майор? А? Как она сама доберется сейчас в таком состоянии?

Несколько секунд Истомин раздумывал, продолжая изучающе рассматривать Сергеева. Затем кивнул, улыбнулся и бросил:

— Хорошо, под твою ответственность, младший лейтенант.

Ермолай вскочил с полки и весело бросил:

— Есть, товарищ майор.

— Еще один маленький вопрос, — строго изрек майор и положил на стол две печати. — Этими печатями опечатаны два вагона с золотом, они оказались в кармане мертвого майора Мухеля. Как, по-твоему, они там могли оказаться?

Ермолай вспомнил, как в Ленинграде вагоны с золотом поочередно опечатывали Ципок и Мхитарян, и ответил:

— Ципок наверняка взяла печать у мертвого Мхитаряна. А поскольку она была в одной команде с этим Мухелем, то, вполне очевидно, передала печати ему.

— Очевидно, — медленно вымолвил майор. — Еще один вопрос. В Ленинграде на конспиративной квартире немецких разведчиков был найден слиток золота из вашего хранилища. Сей факт подтвердил товарищ Коваль. Не скажешь, как он там оказался?

Ермолая бросило в пот, в горле застрял комок. В свете последних, бурных событий он уже совсем и забыл про этот злосчастный слиток. Ноги буквально подкосились, в голове все зашумело. Через силу, слегка заикаясь, он тихо выдавил:

— Скажу. Когда шла погрузка золота в вагоны, ко мне подошла капитан Ципок и приказала выдать один слиток. Как она сказала, для экспертизы в лаборатории управления внутренних дел. Она обещала до отправки его вернуть. Я выдал слиток, а она его обратно не вернула. Я был вынужден в один из ящиков положить вместо слитка металлическую болванку.

— Ты не оформил, как положено, передачу слитка и не сообщил управляющему?

— Так приказала сделать и затем, под страхом смерти, молчать капитан Ципок.

Некоторое время майор внимательно смотрел на Ермолая. Затем вымолвил:

— Свободен, Сергеев.

Эмоции бурлили и просто захлестывали Ермолая:

«Что теперь будет? Что теперь будет? Меня арестуют и посадят?».

Как можно осторожно он зашел в свое купе, посмотрел на мирно спящую Ирину и, не раздеваясь, завалился на свою полку...

* * *

Пост охраны товарной станции Волхов...

На границе станции (там, где все станционные пути сходились в один следующий на Вологду)несли службу два охранника: высокий, худой болезненного вида мужчина и небольшого роста, полная женщина. Они были одеты в черные комбинезоны, на плече у каждого висела какая-то старинная-старинная винтовка. Охранники, посматривая на железнодорожные пути, неспешно ходили вперед и назад и о чем-то весело разговаривали. Вот неспешно проследовал в сторону Вологды санитарный состав из десяти вагонов и сразу в обратную — товарный состав...

Невдалеке от полотна в зеленом кустарнике раздался хлопок, похожий на выстрел. Мужчина снял винтовку с плеча и хриплым голосом выдавил:

— Я схожу посмотрю, что там.

— Петрович, я с тобой, — также снимая винтовку с плеча, вымолвила женщина.

— Ладно, — махнул рукой мужчина. — Только иди в метрах пяти за мной и не забывай посматривать назад.

Они гуськом направились в сторону кустов, откуда раздался хлопок.

Когда охранники отошли метров на пять, с противоположной стороны полотна из кустов осторожно стал пробираться мужчина в серой одежде. Охранники полностью скрылись в кустах. Мужчина в сером быстро приблизился к полотну, посмотрел направо и налево.

Убедившись, что поблизости нет идущего состава, стал ножом энергично делать подкоп под один рельс.

— Стой, гад! — крикнула появившаяся из кустов женщина-охранник.

Мужчина в сером поднялся и стремглав бросился бежать. Охранница прицелилась в беглеца и нажала на спусковой крючок. Последовал тихий щелчок.

— Тьфу ты, осечка, — выругалась женщина.

Она передернула затвор и снова прицелилась. Мужчина в сером уже исчез в кустах, но женщина выстрелила ему вслед.

— Что там, Марфа? — выходя из кустов, крикнул мужчина-охранник.

— Да какой-то мужик выскочил на пути, копошился у рельса, — вешая винтовку на плечо, ответила женщина. — И быстро так утек, ну просто как кошка ускользнула, стрельнула я, конечно, для острастки.

Мужчина-охранник прошел к месту, где работал ножом незнакомый мужчина. Наклонился, посмотрел и изрек:

— Подкоп хотел сделать, да заложить взрывчатку. Сукин сын, диверсант!

Надо было прихлопнуть его. Ну да ладно, главное не сделал он, что замышлял, — присыпал ямку, распрямился. — Пойду посмотрю в кусты, вдруг ты его зацепила. А ты, Марфа, не ослабляй бдительность, — и направился к кустам, где исчез незнакомец в сером.

Через несколько секунд он вышел и вяло бросил:

— Утек сукин сын...

* * *

Ермолай проснулся от громкого стука в дверь купе. Открыв глаза, он увидел сидящую на своей полке Ирину.

Дверь отворилась, и показался майор Истомин.

«Он пришел арестовывать меня?!» — мелькнуло в мозгу Ермолая.

— Прошу прощения, товарищи, — слегка улыбнувшись, вымолвил майор. — Сейчас будет небольшая остановка на станции Волхов. У меня к вам будет просьба, из вагона не выходить.

— Хорошо, товарищ майор, — поднимаясь с полки, вяло пробормотал Ермолай.

— Прошу не забывать, жизнь продолжается, и поставленные перед нами задачи никто не отменял, — весело бросил Истомин, подмигнул Сергееву и закрыл дверь.

«Надо взять себя в руки, — подумал Ермолай. — Они во всем разберутся. Я ни в чем не виноват, просто выполнил приказ Ципок, никто не будет меня арестовывать за слиток. Надо жить дальше», — и, глядя на Ирину, весело спросил:

— Как настроение?

Девушка неопределенно кивнула.

«Тянуть с известием о смерти ее отца нельзя», — решил Ермолай.

Трагическое сообщение Ирина восприняла внешне спокойно, бросив при этом:

— Я так и думала, что с ним случится что-то страшное.

— Почему?

— Накануне ко мне в дом в Видлице приходил обалдуй Витька Вьюгин. Он и сказал, что на ленинградской дороге была разбомблена большая наша автоколонна. Так что у меня уже два дня было плохое предчувствие, я уже много слез выплакала...

* * *

Железнодорожный вокзал станции «Волхов-1»...

Из кабинета начальника станции по телефону майор Истомин доложил начальнику Главного разведывательного управления Генштаба комиссару Голикову о сложившейся ситуации по операции «Элегия».

— Спасибо за хорошие новости, — ответил генерал. — Будьте предельно бдительны, думаю, немцы будут продолжать искать пути к вашему грузу. Да, чуть не забыл, в ваших вагонах все нормально? Чисто физически они в норме?

Они дойдут до конечной цели?

— Да, товарищ генерал, с вагонами все нормально, они опломбированы. Правда, не работает радиостанция. Убив Мхитаряна, Ципок вывела из строя и радиостанцию.

— Ну, в Волхове мы уже не сможем организовать новую, а в Вологде тебе поставят новую радиостанцию. Счастливого пути тебе, майор.

— Спасибо, товарищ генерал.

— Желаю удачи. Да... Подожди-ка, подожди, майор,

секунду, мне принесли срочное донесение.

— Есть подождать, — бросил Истомин, замер в ожидании, при этом в окно наблюдая за перроном.

Через некоторое время генерал громко произнес:

— Немцы прорвали фронт в районе населенных пунктов Кириши-Шапки, что в шестидесяти километрах южнее от Волхова. Их бронированная десантная группа уже прошла село Глажево и устремилась к Волхову. Немедленно покидайте город. Слышите...

В это время где-то рядом разорвался снаряд, из окон вылетели стекла. Связь моментально оборвалась, майор Истомин положил трубку и выскочил из кабинета...

* * *

Ермолай стоял в коридоре и смотрел в окно на перрон вокзала. Повсюду сновали люди: военные и гражданские, взрослые и дети. Кто-то ехал на фронт, кто-то наоборот, стремился в тыл. Охранявшие «чумные» вагоны бойцы с винтовками отгоняли зевак и желающих уехать из города. По перрону прохаживался с папиросой в руке лейтенант Островой.

Неожиданно где-то рядом что-то взорвалось, послышалась стрельба. На перроне началось настоящее столпотворение: кто-то с криком бежал, кто-то стоял, кто-то упал...

Лежавшая на полке в купе Ирина поднялась и вышла в коридор.

— Что это?

Ее вопрос повис в воздухе. Вместе с Ермолаем они

с удивлением смотрели в окно и пытались понять, что происходит.

— Очевидно, немцы бомбят город, — неуверенно вымолвил Ермолай. — Хотя..., самолетов не видно. Линия фронта, как говорил майор Истомин, проходит в семидесяти-восьмидесяти километрах...

В коридор вбежал взъерошенный лейтенант Островой и громко крикнул:

— Тревога! Всем подъем!

Тот час из купе бойцов выскочили трое военных с винтовками.

— На охрану вагонов бегом марш! — крикнул лейтенант и вместе с бойцами покинул вагон.

Снова где-то рядом разорвался снаряд, в районе вокзала и на перроне была настоящая суматоха и неразбериха. Ермолай увидел, как на перроне упал один из бойцов охраны. Островой начал стрелять из пистолета в убежавшего мужчину в черной одежде.

— Ира, иди в купе и приляг, пожалуйста, на полку, — доставая из кармана пиджака пистолет, бросил Ермолай.

Ирина молча удалилась в купе.

На перроне появился сосредоточенный майор Истомин с каким-то железнодорожником. Они о чем-то громко разговаривали. К ним подошел капитан Чивава. Вскоре он с железнодорожником быстрым шагом направился в голову состава.

Бойцы охраны, Островой и Истомин отгоняли от «чумных» вагонов бегущих в разные стороны испуганных людей. Внезапно вагон дернулся, как это обычно

бывает при отсоединении или присоединении к составу паровоза. Прошло еще несколько секунд, и их вагон тронулся с места, медленно-медленно двинулся в сторону Вологды. В вагон заскочили бойцы охраны, и офицеры Истомин, Островой и последним Чивава.

Майор Истомин подошел к стоявшему у окна взволнованному Сергееву и тихо вымолвил:

— Фашисты неожиданно прорвали фронт и устремились к Волхову. Волхов — очень важный железнодорожный узел для снабжения Ленинграда, поэтому фашисты и решили его захватить. Наша задача в данный момент как можно быстрее и дальше уехать от этих мест. Нужно быть в полной готовности, немецкие диверсанты не дремлют и здесь в нашем тылу. Один из них пытался отсоединить наши вагоны от паровоза, другой убил часового.

Ермолай внимательно слушал.

— Поэтому повторяю, надо быть бдительным, — добавил майор и кивнул в сторону окна.

Ермолай взглянул, от взрывов и пожаров над городом стелился дым и копоть. Истомин направился в свое купе, Ермолай — в свое.

— Сколько километров до Вологды? — встретила его вопросом Ирина.

— Я думаю, пятьсот, может, и шестьсот километров. А что?

— Ну, там-то уж точно нет ни немцев, ни бомбежек.

Уже ни в чем неуверенный Ермолай ничего не ответил. На него навалилась какая-то усталость. Он медленно сел на полку и взглянул в окно. За стеклом

проплывали небольшие деревянные, очевидно, пригородные, домики. Стало темнеть...

* * *

Железнодорожный вокзал станции «Волхов-1»...

На практически безлюдный вокзальный перрон въехали два серо-зеленых колесных бронированных автомобиля с немецкими крестами на боках. Увидев грозную немецкую технику, бросилась врассыпную кучка стоящих невдалеке гражданских лиц. Стоявшие у здания и курившие двое военных моментально скрылись.

Из одного бронника вышел майор в полевой форме, следом высыпало с десятков солдат с автоматами. Из второй бронемшины вышел лейтенант с солдатами.

Майор взглянул на одноэтажное здание вокзала без окон, затем перевел взгляд на стоящие на путях в основном товарные, железнодорожные вагоны. К нему подошел лейтенант.

— Здесь нас должны были встречать люди Абвера, — по-немецки лениво вымолвил майор.

— А зачем мы сюда вообще притазились? — недовольно изрек лейтенант. — Дорогой потеряли две машины, — выругался.

— Наша цель — три санитарных белых вагона, но я их в упор не наблюдаю, — спокойно ответил майор. — В зависимости от результатов нашего рейда сюда должна подойти еще одна наша группа.

— Эти спецоперации только мешают ведению нормальных военных действий, — снова недовольно изрек лейтенант.

В это время из здания вокзала вышел мужчина в серой одежде и кепкой на голове. Он быстрым шагом направился к капитану. Солдаты с автоматами на перевес преградили ему путь, взяв на мушку.

— Пропустите, — бросил майор.

Солдаты расступились, мужчина в кепке подошел к майору, показал какую-то бумажку и тихо вымолвил по-немецки:

— Господин майор, нашей группе не удалось задержать интересующий нас состав, он очень сильно охранялся, у нас потери. Состав ушел со станции двадцать минут назад.

— Очень плохо, господин капитан, — недовольно выдавил майор. — Мы прошли десять километров от передовой и потеряли половину техники и людей. А вы даже не смогли подорвать пути, — закончил уже на высокой ноте с широко раскрытыми глазами.

— У нас было мало времени, буквально несколько часов. Здесь на станции в дневное время не смогли, — по-прежнему тихо и спокойно продолжал мужчина в кепке, — кругом были люди НКВД. Но мы подорвали рельсы в двадцати километрах отсюда на восточном, предполагаемом направлении движения интересующего состава.

— Вы, господин диверсант, предлагаете нам совершить еще один марш-бросок по тылам противника и положить при этом всех своих людей? — грозно и громко

воскликнул майор.

— Я вам не вправе что-либо предлагать, господин майор, я вам изложил диспозицию, — тихо, но жестко отрезал собеседник. — Также хочу сообщить, что здесь нет регулярных войск русских, нет артиллерии, есть только милицейские охранники.

— Не забывайте, — вскрикнул майор, — что здесь почти нет дорог, кругом болотина да реки.

Мужчины впились друг в друга грозными взглядами.

Через три-четыре секунды майор отвел взгляд и на кое-то время задумался. Затем, уже спокойно, вымолвил:

— Я должен доложить своему командиру, — развернулся и направился к бронемашине.

Он вернулся через минуту и, обращаясь к мужчине в кепке, изрек:

— Я получил приказ не искать более приключений и возвращаться на исходный рубеж, — отдал рукой честь, бросил. — Честь имею, господин диверсант, — и направился к бронемашине.

Его примеру последовали лейтенант и солдаты.

— Господин майор, мы так просто и уедем, — на ходу обратился лейтенант. — Может, до отъезда разнесем всю эту станцию к чертовой матери?

— Приказа не было, лейтенант, — на ходу, не обращившись, бросил майор. — Да и при обратном маневре скорее всего нам самим потребуются боеприпасы. А станция и так скоро будет нашей, наверняка пригодятся и железнодорожные пути.

Вскоре бронемшины развернулись и удалились. Куда-то внезапно удалился и явно недовольный мужчина в кепке...

* * *

Поезд стал тормозить и вскоре вовсе остановился. Ирина и Ермолай удивленно переглянулись. Дверь купе отворилась, показался серьезный Истомин.

— Внимание! — строго произнес майор. — Всем быть в полной готовности. Сейчас выясним причину остановки.

Не закрыв дверь, он также внезапно, как и появился, исчез. В коридоре послышались многочисленные шаги и движение. Ермолай поднялся с полки, намереваясь выйти в коридор.

— Побудь, пожалуйста, со мной, — жалостливо вымолвила Ирина.

«Ей сейчас ох как не просто», — подумал Ермолай, улыбнулся, кивнул и снова сел.

В окно он увидел, как вдоль полотна бегают какие-то военные, а также гражданские люди.

— Смотри, какой багровый закат, — мечтательно вымолвила Ирина.

— Да, — с интересом рассматривая чудный закат и мелькавшие на его фоне восхитительные сполохи, согласился Ермолай.

Вскоре в дверях появился веселый капитан Чивава.

— Не грустите, друзья, — весело бросил. — Скоро поедем.

— А почему стоим? — спросил Ермолай.

— Немецкие диверсанты взорвали рельсы на протяжении десяти метров. Сейчас путейцы их ускоренно меняют...

Поезд тронулся примерно через полчаса. За окном уже стемнело, Ермолай и Ирина молча поужинали.

Ермолай в рубашке и брюках лег на свою полку, сняв обувь, расположилась на своей полке и Ирина. Вагон покачивало, поезд двигался с небольшой скоростью.

— Как мы медленно едем, — вымолвила девушка.

— Очевидно, техническое состояние дороги не позволяет ехать быстрее, — ответил Ермолай. — Ведь ее часто бомбят немецкие летчики, путейцы быстро по временной схеме все ремонтируют.

Под монотонный стук колес он быстро заснул...

* * *

*Кабинет Первого секретаря
Ленинградского обкома ВКП (б)...*

Жданову сообщили о неожиданном ударе немцев в районе Кириши-Шапки и их ускоренном продвижении в сторону города Волхова.

«Как?!» — воскликнул ленинградский партийный руководитель, вспомнив, что в этом районе должен находиться состав с сорока пятью тоннами золота.

— Пусть на меня срочно выйдет начальник областного управления НКВД, — приказал Жданов секретарю...

— Товарищ Жданов, на линии полковник Шадрин, — сообщил секретарь.

Жданов отложил документ, с которым работал, поднял телефонную трубку и энергично вымолвил:

— Товарищ полковник, доложите ситуацию по операции «Элегия».

— Все идет в плановом режиме.

— Какой плановый режим, когда немцы возможно именно сейчас уже в Волхове! Полковник?! — взорвался партийный лидер. — За кого вы меня держите!

— Я в курсе, что немцы предприняли рейд в направлении Волхова. Их передовые части были остановлены в десяти километрах от города. Мне также известно, что один фашистский отряд достиг Волхова и железнодорожной станции. Но я вас уверяю, что состав покинул город еще до появления отряда немцев.

— Это точно? — сбавив тон, изрек Жданов. — Состав не разбомбили и не захватили? Вы не водите меня за нос? Что я должен докладывать товарищу Сталину? Вы же мне и ранее говорили, что все в порядке, а на самом деле состав чуть не угнали в Финляндию?

— Успокойтесь, товарищ Жданов, состав цел и невредим и следует своим основным курсом. Об этом я доложил товарищу Берии.

Жданов кивнул головой и уже совсем спокойно выдал:

— Спасибо, хорошо, — и положил трубку...

* * *

Ермолай внезапно проснулся и сразу почувствовал некую обеспокоенность. Взглянул на соседнюю полку, Ирина мирно спала, слегка посапывая и причмокивая губами.

Он осторожно приподнялся с полки и взглянул в окно. Поезд двигался медленно, за ночным окном проплывали темные, порой причудливые контуры деревьев и кустов.

«И что это я вдруг проснулся?» — недовольно подумал Ермолай и ощутил головную боль.

Так и не поняв, почему проснулся, через минуту снова лег. Немного поворочавшись, уснул...

* * *

Окрестности города Сортавала...

Несмотря на поздний час, настенные часы показывали без четверти двенадцать, барон фон Шоммер находился в служебном кабинете. Он получил сообщение, что состав с золотом покинул станцию Волхов и устремился к Вологде. Подтвердился и факт смерти агента Оракула, а также майора Мухеля и еще троих человек его группы. Ничего не было известно только о обер-лейтенанте Карле Ригеле. Первая стадия операции «Золотой трезубец» была с треском и большими потерями провалена...

Настроение было ужасным. Барон решительно опрокинул очередную рюмку коньяка.

Подал сигнал телефонный аппарат. Барон нехотя снял трубку, хмуро бросил:

— Алло.

— Приветствую полуночников.

Этот твердый, уверенный мужской голос барон узнает всегда, везде и в любом состоянии.

— Доброй ночи, господин адмирал.

— Вам уже известны последние новости из района Волхова?

— Да, я в курсе, что пехотный майор послал нас к черту.

— Вы пьяны, барон!

— Нет, извините, господин адмирал, я немного пошутил.

— Извинения приняты, шутки нет.

Барон напрягся, а адмирал спокойно продолжал.

— Русские говорят, коней на переправе не меняют. Несмотря на ваш пессимистический настрой, я оставляю вас руководителем операции «Золотой трезубец».

— Спасибо за доверие. А может, просто авиацией разбомбить этот состав и дело с концом.

— Это мы всегда успеем. Я, кстати, дабы задержать состав и нам лучше подготовиться, уже попросил командующего первым воздушным флотом генерал-полковника Келлера проутюжить один из участков железной дороги.

На две-три секунды повисла тишина.

— Барон, — строго изрек адмирал, — я жду от вас эффективных действий в рамках операции. Да, и хотя бы часика три поспите...

* * *

Ермолай проснулся и сразу определил, что вагон стоит. Приподнялся с полки, взглянул в темное окно, просматривались контуры какого-то небольшого здания, кое-где виднелись огни. Ирина мирно спала. Ермолай ощутил какой-то непонятный запах, смахивающий, пожалуй, на запах краски.

Он тихо оделся и осторожно вышел в слабоосвещенный коридор. Невдалеке стоял и смотрел в окно майор Истомин.

— А сколько сейчас времени? — тихо спросил Ермолай.

— Начало третьего ночи.

— Где мы сейчас находимся?

— Станция Пикалево, это где-то в девяноста километрах от Волхова и около ста шестидесяти от Ленинграда, — ответил майор и, видя непонимание на лице Ермолая, продолжил. — Мы так спешили покинуть Волхов, что нас прицепили к единственно свободному маневровому небольшому маломощному паровозу. Поэтому мы медленно и шли. На станции нас перецепят к нормальному паровозу, и мы пойдём в составе полностью товарного поезда.

Ермолай кивнул и снова ощутил странный запах.

— А чем это пахнет?

— Немцы уже знают, что золото везут в белых вагонах. И немецким летчикам хорошо нас различать. Поэтому нас сейчас перекрасят в коричневый цвет. Придется немного потерпеть, но когда поедём, неприятный запах быстро улетучится.

«Интересный ход», — усмехнулся Ермолай.

— Зайди ко мне, — тихо вымолвил майор. — Есть разговор.

У Ермолая почему-то екнуло сердце...

* * *

Пригород Сортавалы...

Обер-лейтенант Карл Ригель без особых приключений сумел пересечь русско-финскую линию фронта. Теперь ему предстояло решить, что делать дальше. Пробираясь к линии фронта вдоль железнодорожной ветки он видел, как состав с тремя белыми чумными вагонами проследовал на юг. Это означало, что угнать состав в Финляндию майору Мухелю и Оракулу не удалось.

Сейчас, в первую очередь, Ригелю предстояло узнать, жив ли Мухель. Если майор жив, то он мог сообщить командованию Абвера, что Ригель мертв. Или, скажем, что Ригель сбежал к русским и..., даже что он завалил всю операцию! А это означало для Ригеля три-бу-нал! После того, как майор стрелял в него из-за миллиона долларов, от майора следовало ожидать всего... Было бы лучше, если бы майор оказался мертв... А вот если майор мертв, то Ригелю надо легализоваться, заявить командованию, что он был легко ранен и контужен. Скажем, выпал из поезда, а когда оклемался, пошел к линии фронта. И уже потом, когда все утрясется, спокойно забрать золото на тринадцать

миллионов долларов со дна Ладожского озера. Ригель знал человека, который ему может помочь в этом деле...

* * *

В купе Истомин пригласил Сергея присесть. Внимательно всматриваясь в его лицо, майор вымолвил:

— Расскажи мне все, что ты знаешь, про Ципок. Начиная с момента первой встречи, поверь, мне это очень важно знать.

Ермолай задумался на некоторое время. Вспомнил первую встречу с капитаншей, ее красивые серо-зеленые, но холодные глаза, некоторые следующие встречи, незабываемый секс с ней и, конечно же, последнюю страшную встречу. Представил ее в подогнанной по фигуре военной форме, в пикантных кружевных трусиках и бюстгальтере, прекрасной совершенно нагой... Затем медленно начал рассказывать...

Когда Ермолай сказал, что порой удивлялся неиссякаемой энергии Ципок, майор улыбнулся и бросил:

— В вещах Ципок и у нее дома нашли таблетки первитина, это стимулирующий наркотического действия препарат.

Ермолай вспомнил, как сам по предложению Ципок принимал белую таблетку.

«Действительно, — подумал, — тогда у меня быстро появился прилив сил и желаний, — напрягся. — И при последней нашей встрече она пила эти таблетки, я ей их давал... — вспомнил ее ужасное лицо, кровь

из носа, в роту... — Может, от них она и умерла?!».

После того, как Ермолай закончил свое повествование, Истомин задал пару вопросов. Выслушав ответы, вымолвил:

— Ты, Сергеев, являешься офицером, поэтому я тебе по секрету, не для передачи третьим лицам, сообщу. Ципок была завербована немецким Абвером в 1939 году, она тогда жила на Западной Украине. С приличной легендой она была внедрена в органы НКВД и направлена в Ленинград. Ловко сумела втереться в доверие генерала Иванова, стала его любовницей, получила досрочно звание капитана. Благодаря этому, много разнообразной информации передала своим немецким хозяевам. В последнее время активно участвовала в операции по подготовке ну и, разумеется, захвату нашего золота.

Ермолай с большим интересом и внутренним волнением выслушал майора.

«Вот это да!» — воскликнул.

Выжатый, как лимон, он прошел в свое купе, Ирина по-прежнему мирно спала. Ермолай завалился на свою полку. Перед глазами стояла Ципок: красивая и нагая, неудержимая и ненасытная в сексе, порой с холодными, а порой с горящими глазами... Ему было трудно представить ее в качестве коварного, немецкого разведчика-убийцы.

Он долго ворочался, отгонял разного рода мысли, пока, наконец, не заснул...

* * *

Берлин, помпезное здание имперской оперы...

Мартин Борман проводил скучное партийное мероприятие. Как водится, первые лица Рейха отсутствовали. Большинство приглашенных лиц второго и третьего эшелона власти не стали, вернее, побоялись, игнорировать приглашение.

В перерыве в фойе к адмиралу Канарису подошел Шеленберг и, расплываясь в улыбке, громко произнес:

— Разрешите поприветствовать многоуважаемого и мудрого мэтра разведки, господина адмирала.

Канарис не любил молодых, да ранних выскочек. Сколько этот выскочка разных доносов и пасквилей написал на адмирала?! Но в последнее время Шеленберг набирал силу и вес, выполнял некоторые необычные поручения руководителей Рейха. Еще с полгода назад Канарис и разговаривать бы с ним не стал, но сейчас приходилось считаться и даже быть корректным.

— Взаимно рад приветствовать молодую поросль и надежду Германии, — полуулыбнувшись, тихо изрек Канарис.

— Слышал, вы пустились в поиски русского золота? — вскинув брови, весело изрек Шеленберг. — Так интересно! Не проинформируйте меня, хотя бы в общих чертах?

«Уже пронюхал про операцию «Золотой трезубец»! — недовольно воскликнул адмирал, выругался про себя и также весело ответил:

— Золота! Ха-ха! Слухи, сплетни, козни недругов

и завистников, не более того.

— Наверное, господин адмирал. Да и к странной операции генерал-фельдмаршала Риттера фон Лееба по захвату русского городишки Волхова вы не имеете отношения.

«Отслеживает. Уже знает и о неудачах. Прохвост! — зло подумал адмирал. — Возможно, он уже кому-то из верхних бонз и доложил», — с трудом сдерживая себя в руках, выдал:

— Разумеется, нет. Хотя город Волхов имеет важное стратегическое значение, и его захват нам бы помог при овладении Ленинградом. Как вам, мой юный друг, выступление партайгеноссе Бормана?

Шеленберг расплылся в улыбке.

— Впечатляет.

— Меня тоже. Всех вам благ мой юный друг, — бросил адмирал, развернулся и направился в буфет.

Дабы успокоиться, он выпил рюмку водки. На продолжение партийного мероприятия идти уже вовсе не хотелось. В скверном настроении адмирал отправился домой...

Глава 9

Ермолай проснулся и по монотонному звуку колес и легкой качке определил, что они едут.

— Ну, ты и соня! Времени уже 9 часов утра, я страшно есть хочу! — раздался веселый девичий голос.

Ирина сидела на своей полке и, широко улыбаясь, смотрела на Сергеева.

— С добрым утром, — быстро поднимаясь и потягиваясь, в тон бросил Ермолай.

— С добрым. Ты, наверное, всю ночь колобродил.

Ермолай вспомнил, как дважды просыпался, общался с Истоминым, весело изрек:

— Нет, конечно же, я спал, как убитый, — и, видя недоверчивый взгляд Ирины, добавил. — Сейчас я схожу ополоснусь, и мы приступим к завтраку. Кстати, пока я хожу, ты накрывай стол, где продукты находятся, ты знаешь, — и быстро выскочил в коридор...

Не успели Ирина и Ермолай позавтракать, как поезд стал тормозить и вскоре вовсе встал.

— Пойду узнаю, где мы находимся и почему стоим, — бросил Ермолай, поднялся и вышел из купе.

В окно он увидел какой-то железнодорожный полустанок. На облупившейся табличке нельзя невозможно было прочесть название станции. На гравийном станционном перроне уже находился майор Истомин, капитан Чивава и двое бойцов охраны.

Из своего купе вышел заспанный лейтенант Островой. Взглянув на Сергеева, бросил:

— Привет, — и стал усиленно зевать.

Ермолай ответил на приветствие и недовольно изрек:

— Опять остановились, непонятно, почему.

— А ты ночью ничего не слышал?

— Нет.

— Молодец, имеешь здоровый сон. Ночью над нами летали немецкие бомбардировщики, определенно что-то бомбили на востоке от нас, возможно, пострадала

и железная дорога.

Через некоторое время в вагон поднялся капитан Чивава и объявил:

— Ночью немцы бомбили село Заборье, это где-то в десяти километрах на восток от нас. Сильно пострадало железнодорожное полотно, ремонтники его сейчас усиленно восстанавливают. Пять-шесть часов мы здесь будем точно загорать.

Ермолай вернулся в купе и сообщил новости Ирине. Она улыбнулась и вымолвила:

— Это хорошо.

Ермолай не понял и спросил:

— Что хорошо?

— Исходя из того, что со мной произошло в последнее время, я имею в виду потери родственников, я, если честно, боюсь возвращаться в Москву.

«Бедная-бедная Иринка! Она боится новых неприятностей и, конечно, новых потерь», — подумал Ермолай и решил поддержать девушку, весело бросив:

— Скоро мы немцев разобьем, и все будет хорошо.

— Да. Но погибших людей вернуть невозможно, — тихо вымолвила Ирина...

* * *

Вологда, гостиница «Центральная»...

Джулиан Карриган снял в самой лучшей гостинице города самый шикарный номер. Направленный им заранее в город тайный агент должен был изучить обста-

новку. Судя по только что произнесенному пятиминутному докладу, он это неплохо сделал. Агент получил новые указания и быстро убыл (Карриган поселил его в соседнем номере). А сам Карриган глубоко задумался. Но... Долгая, утомительная, почти пятисоткилометровая поездка поездом давала себя знать, мысли как-то путались в явно несвежей голове. Карриган решил отдохнуть. Он закрыл дверь номера, разделся и лег в постель...

Карриган проснулся, но по старой и натренированной привычке не стал сразу открывать глаза. Прошла секунда-другая, и он почувствовал на себе взгляд. Рука его осторожно потянулась к подушке, где лежал верный и проверенный, готовый к бою кольт.

— Уважаемый Джулиан, не надо нервничать, — раздался знакомый мужской голос. — Я ваш старый и добрый друг.

Карриган открыл глаза, в двух метрах от него в кресле располагался улыбающийся Рэм, или Отто Шварц.

Улыбающийся гость встал, весело изрек:

— С приездом на древнюю вологодскую землю. У нас есть серьезный разговор. А пока вы будете одеваться, я, с вашего позволения, Джулиан, побуду в гостинной и приготовлю нам что-нибудь выпить.

— Я думал, что вы уже где-то далеко-далеко, — зевая, беспечно бросил Карриган.

— Не будем играть и лукавить друг другу, Джулиан. Вы прекрасно знаете причину моего нахождения в здешнем русском захолустье. Впрочем, как и я — ва-

шего.

— Хорошо. Вы полагаете, нам есть, о чем поговорить?

— Уверен, есть, — улыбаясь, изрек Рэм и быстро покинул спальную комнату...

* * *

Загорать на заброшенном полустанке пришлось восемь с лишним часов. Ирина и Ермолай дважды выходили на улицу, не спеша, погуляли, подышали свежим воздухом. Их белые «чумные» три вагона преобразились в обычные темно-коричневые вагоны. На их купированном вагоне красовалась черная, грозная надпись:

Диспетчерская. Посторонним вход категорически запрещен!

На других двух типично товарных, неприметных вагонах были также черные надписи:

Ядовитые удобрения. Опасно для жини!
Близко не подходить!

Опасный груз! Близко
не подходить!

Задумчивая и неразговорчивая Ирина ничего не заметила или сделала вид, что не заметила перемен. Ермолай подивился изобретательности майора Истомина. Их три вагона находились где-то в центре товарного состава из полутора десятков примерно одинаковых, неприметных вагонов.

Ермолай обратил внимание на то, что впереди их товарного состава стояло еще два состава, а за ними, кажется, и того больше, три или четыре. Успел он проверить пломбы на вагонах с грузом.

И вот состав медленно-медленно тронулся.

Через некоторое время они неспешно миновали полуразрушенное от ночной бомбардировки, местами еще тлеющее село Заборье и двинулись дальше на восток, на Вологду...

* * *

*Кабинет Первого секретаря
Ленинградского обкома ВКП (б)...*

— Товарищ Жданов, — обратился секретарь по внутренней линии связи, — с вами хочет переговорить полковник милиции Шадрин. Соединить?

В это время хозяин кабинета стоял у карты ленинградской области и рассматривал ежедневно меняющуюся, и далеко не в лучшую сторону, линию фронта. Оторвавшись от карты, Жданов, не спеша, прошел к рабочему столу, взял телефонную трубку и бросил:

— Соедините.

Через две-три секунды раздался твердый голос полковника.

— Я поздравляю вас, товарищ Жданов! Первый этап операции «Элегия» прошел успешно, состав благополучно покинул пределы ленинградской области.

— Отлично! Я вас, полковник, тоже поздравляю. Вы доложили уже товарищу Берии?

— Да.

— Хорошо. Я сейчас доложу товарищу Сталину. До свидания, товарищ Шадрин.

— До свидания.

Жданов нажал на клавишу аппарата и вымолвил:

— Немедленно соединитесь с приемной товарища Сталина и узнайте, сможет ли он со мной переговорить.

Через десять секунд секретарь ответила, что товарищ Сталин в данный момент очень занят...

* * *

— Ты знаешь, я очень сильно переживала, когда папа запретил встречаться с тобой, — тихо вымолвила Ирина. — Он сказал тогда, что главное для меня это учеба, а встречи с мальчиками подождут.

Они сидели напротив друг друга. Всматриваясь в напряженные девичьи глаза, Ермолай подумал:

«Не время, да и не место сейчас выяснять отношения, — вспомнил, как без какого-либо волнения и трепета увидел Ирину в Видлице. — Да и перегорело все у меня давно», — почему-то внезапно вспомнил капита-

на Ципок с горящими глазами.

Улыбнулся и вымолвил:

— Очень может быть, что он был тогда прав.

— Ты это честно говоришь? — удивленно изрекла девушка. — Ты действительно не обижаешься ни на папу, ни на меня?

Ермолай стал серьезным.

— Честно, не обижаюсь.

Какое-то время она внимательно смотрела в его глаза. Затем тихо вымолвила:

— Ты сильно изменился, стал другим, спокойным, уверенным. Одним словом, повзрослел...

Почему-то этот разговор был неприятен Ермолаю. Он решил промолчать и не детализировать, каким это «другим» он стал. Ирина замолчала и отвела взгляд...

* * *

*Участок железнодорожного пути
между станциями Торопово-Бабаево
(примерно в 240 километрах от Вологды)...*

В густом кустарнике, примерно в двадцати метрах от насыпи лежал располагался мужчина в зеленой, военной форме. На голове у него были наушники, в руке микрофон, рядом стояла серо-зеленая радиостанция. Мужчина внимательно смотрел на проходящие составы и периодически, по мере прохождения железнодорожных составов, делал голосовые сообщения в микрофон.

— ...грузовой товарный состав из примерно пятнадцати темных, закрытых вагонов, — пауза. — Состав с разбитой военной техникой на полувагонах, — пауза. — Санитарный серо-зеленый состав из десяти вагонов, — пауза. — Товарные полувагоны с песком и щебнем, — пауза. — Состав с цистернами...

Но вот мужчина резко напрягся, напряженно всматриваясь в очередной приближающийся товарный состав. Широко улыбнулся и весело сделал очередное сообщение:

— Есть белые три вагона! Они прицеплены в конце товарного состава из десяти вагонов...

Тремя километрами дальше на восток...

У неохраняемого железнодорожного переезда в ожидании стояло два мощных пустых грузовика «Студебеккер». Примерно в километре, за сосновым лесом, на поляне располагались два серых транспортных самолета без опознавательных знаков.

В районе переезда железная дорога делала крутой поворот, поэтому проезжающие мимо поезда снижали скорость. Вот у переезда показался очередной состав, на этот раз товарный. В конце состава вагоны были белыми. Неожиданно где-то за переездом раздался небольшой взрыв. Состав стал резко тормозить и как раз у переезда остановились три вагона белого цвета. Внезапно из придорожных кутов грозно застрочил пулемет. В среднем (из трех белых) плацкартном

вагоне посыпались стеклянные окна, пулеметные очереди, казалось, безжалостно прошивали его буквально насквозь.

Стрельба внезапно, так же как и началась, закончилась. Из грузовиков выскочили четверо мужчин в военной форме, двое подбежали к первому белому вагону, еще двое — к третьему. Мужчины сбили пломбы и с помощью топоров и ломов быстро вскрыли вагоны. Оба вагона на удивление мужчин оказались... пустыми...

* * *

Ирина и Ермолай рано, почти молча поужинали. Правда, задумчивая девушка кушала автоматически, без аппетита и мало. И смотрела она куда-то в сторону от Ермолая.

На улице уже стало заметно темнеть, на дальнем горизонте появилась луна. Ирина и Ермолай молча легли отдыхать на свои полки. Он понимал непростое состояние девушки и не приставал с разными разговорами, расспросами...

* * *

*Рига, особняк в старой части города,
штаб-квартира регионального центра Абвер...*

Адмирал Канарис находился в кабинете начальника центра. Только что барон фон Шоммер, находящийся в Сортавале, доложил о провальной попытке захвата сорока пяти тонн золота. Казалось, все было продума-

но до мелочей, в точку захвата скрытно доставлено две диверсионные группы, грузовики и два транспортных самолета. И вот провал! Русская контрразведка переиграла просто и эффективно! Ночью они перекрасили вагоны!

Адмирал напряженно раздумывал, что предпринять дальше. Или продолжить попытки захвата золота? Или направить на состав бомбардировщики и все разбомбить? Тем самым в огне стереть, расплавить и уничтожить русское золото...

Беспокоил Канариса и Шоммер. По докладам внутренней службы безопасности после неудачи группы майора Мухеля барон стал часто прикладываться к бутылке, охладел и к работе. Барон хорошо проявил себя в европейских операциях 1936—1940 годов. Но вот встретил серьезное сопротивление в России, и даже провалы, резко сдал. Списывать его еще рано, но и расслабляться сильно нельзя давать.

После долгих раздумий Канарис приказал барону продолжать операцию «Золотой трезубец».

— Главное сейчас — найти вагоны с золотом, — строго вымолвил адмирал. — Нацельте на эту задачу всех наших агентов...

* * *

Ермолай вышел в коридор вагона. За окном виднелись небольшие деревянные домики.

— Где это мы? — вымолвил Ермолай.

— Заштатный городишко Бабаево в Вологодской об-

ласти, — ответил стоявший невдалеке капитан Чивава и тихо добавил. — Не желаешь испить моего напитка?

Сергеев вспомнил крепкую чачу, подумал о грустной Ирине и отрицательно покачал головой.

Поезд стал тормозить. Из своего купе вышел сосредоточенный майор Истомин.

— Капитан, — обратился он к Чиваве, — пойдете со мной в тамбур, будете меня страховать.

Майор и капитан направились к выходу. Поезд шел все медленнее и медленнее.

Вот поезд оказался на вокзальном перроне. В окно Ермолай видел, как стоявший на перроне военный что-то передал майору Истомину.

Истомин и Чивава вошли в тамбур, прошли к Сергееву и остановились. В руке майора оказалась тощая папка. Он поспешно открыл ее и стал читать какой-то листок. Поезд между тем снова стал набирать скорость.

Внимательно прочитав и обведя взглядом Чиваву и Сергеева, майор строго вымолвил:

— Так вот, товарищи офицеры. Час тому назад на одном перегоне, который мы совсем недавно миновали, фашисты предприняли попытку захвата трех белых вагонов.

— Каким образом? — спросил Чивава.

— Провели диверсионную операцию по всем правилам, — продолжал майор. — Подорвали рельс перед паровозом, затем расстреляли из пулеметов плацкартный, средний вагон, затем вскрыли два товарных вагона. К вагонам подогнали два грузовика, в полутора километрах на поляне находились два транспортных са-

молета, — широко улыбнулся. — Правда, золота в тех вагонах не оказалось.

— Ха-ха! Здорово мы их накололи с перекраской вагонов! — воскликнул Чивава.

— Эта информация между нами, товарищи, — став серьезным, тихо изрек майор. — И ни в коем случае нельзя терять бдительность. Думаю, наши враги не успокоятся, — и направился в свое купе.

Чивава и Сергеев еще немного поговорили и разошлись по своим местам...

* * *

*Вологда, запасные пути
товарной железнодорожной станции...*

В отсеке старого, исковерканного ржавого полувагона находилось двое пацанов и мужчина в возрасте. На импровизированном столе, двух табуретках, покрытых газетой, находился хлеб, две банки тушенки, рыбные консервы, а также бутылка водки и бутылка с водой. Только что по предложению заросшего, усатого мужчины троица выпила. Ребята с удовольствием принялись закусывать, мужчина потянулся к воде. Испив, он обратился к парню с заячьей верхней губой:

— Шплинт, я слышал, ты сможешь попасть в любой вагон?

— А то! — усиленно и смачно жуя тушенку с хлебом, бравадно бросил парень.

Мужчина усмехнулся, взял в руку кусок хлеба, по-

нюхал и вымолвил:

— Вот, скажем, капитальный, деревянный товарный вагон, он охраняется вооруженными солдатами со всех сторон. Как ты туда попадешь?

— Да запросто, дядя Иван. Дождусь, конечно, ночи. Ну, потом черной кошкой проберусь под вагон, аккуратно полотном и ножом сделаю отверстие в полу, протиснусь, как мышка. И вагон мой!

— Отменно-отменно! — весело изрек мужчина, покачал головой из стороны в сторону. — По этому поводу, то есть за мастера золотые руки надо выпить. Танкист, давай банкуй.

Парень в танкистском шлеме быстро разлил водку по алюминиевым кружкам, явно довольно и широко улыбаясь, бросил:

— Ну, точно, Титов, Шплинт запросто возьмет любой вагон, сам неоднократно убеждался.

Мужчина явно довольно улыбался...

* * *

— Когда мы прибудем в Вологду? — спросила Ирина.

Поджав ноги под себя, она сидела на своей полке с грустным выражением лица. Ермолай в это время лежал на своей полке и прикидывал, как скоро они доедут до Урала.

— Если не будет непредвиденных остановок, то утром должны быть в Вологде, — ответил он.

— Интересно, ходят ли сейчас, во время этой ужас-

ной войны, пассажирские поезда? Я слышала, фрицы и Москву бомбят.

— Должны, ведь жизнь же не останавливается. Надо перевозить людей, грузы всякие, — уверенно ответил Ермолай, хотя сам в этом вовсе не был уверен. — Я, кстати, попрошу майора Истомина, чтобы он взял тебе хороший билет прямо до Москвы.

— Да я и сама куплю, деньги у меня есть. Вот только если пассажирские сейчас не ходят...

— Ирочка, решим этот вопрос, — заверил Ермолай.

Он хотел сказать что-то теплое, поддержать девушку. Но вот как назло никак не мог найти нужных и теплых для этого слов. Хотя раньше он за словом в карман не лез. Грустно подумал: «Действительно, я стал другим...».

* * *

*Рига, особняк в старой части города,
штаб-квартира регионального центра Абвер...*

Адмирал Канарис вызвал в кабинет своего адъютанта и строго вымолвил:

— Позвоните в штаб-квартиру командующего первым воздушным флотом генерал-полковнику Келлеру. Я хочу с ним срочно поговорить по неотложному делу.

Адъютант изрек:

— Есть, — щелкнул каблуками, четко развернулся и быстро покинул кабинет...

Спустя 5 минут...

— Приветствую лучшего военно-воздушного аса Германии! — весело вымолвил в телефонную трубку адмирал.

— Приветствую лучшего военного разведчика Германии! — в тон ответил генерал-полковник.

— Дружище, у меня к тебе будет просьба. Нужно срочно и как следует доблестному и непобедимому Люфтваффе проутюжить железнодорожный вокзал города Вологды.

— Уважаемый адмирал, русские неожиданно недавно перебросили под Вологду истребительный полк. В результате налет на село Заборье, который мы проводили по вашей просьбе, дорого нам обошелся. Мы потеряли трех истребителей и пять бомбардировщиков, погибли тринадцать наших отменных и заслуженных летчиков. Свои неудовольствия по этому вылету мне высказал лично фельдмаршал Геринг.

— То, что русские внезапно перебросили авиационный полк, говорит о важности проводимой нами операции.

— Не буду спорить. Но без санкции Геринга я не могу провести массированную атаку на Вологду.

— Я договорюсь с командующим группой «Север» генерал-фельдмаршалом Риттером фон Леебу.

— Я уважаю вас, адмирал, и, конечно же, генерал-фельдмаршала Риттера фон Леебу. Но...

— Мы можем потерять время и сорвать операцию.

— Но вы поймите и меня и не делайте, пожалуйста,

заложником взаимоотношений больших людей...

* * *

Ермолай внезапно проснулся. В тусклом свете увидел сидящую на своей полке озабоченную Ирину.

— Ты почему не спишь? — спросил он сонно.

— Не могу уснуть, — тихо ответила девушка. — Понимаешь, все какие-то дурацкие мысли не покидают меня.

— Какие? — автоматически спросил Ермолай.

— Да вот думаю, что мы можем уже никогда с тобой не увидеться.

— Ерунда, — окончательно просыпаясь, бросил Ермолай. — Вот фрицев разобьем и встретимся.

— Конечно, разобьем. Вот только будем ли мы живы и здоровы? А если живы, то куда нас забросит судьба?

Эти вопросы поставили в тупик Сергеева.

Ирина поднялась, шагнула и села на его скамейку. Улыбнувшись, тихо спросила:

— Я тебе сейчас хоть немного нравлюсь?

— Конечно.

— Поцелуй меня.

Ермолай немного приподнялся и быстро чмокнул девушку в щеку.

— Когда-то ты меня целовал по-другому, — широко и призывно улыбаясь, вымолвила Ирина.

За секунду-другую в девичьих открытых, доверчивых глазах Ермолай прочитал очень многое. А он совер-

шенно не к месту и, не зная, почему стал сравнивать ее с капитаном Ципок. И сравнение это складывалось явно не в пользу девушки...

— Ирочка, — смутившись, замялся Ермолай, подбирая, как ему казалось, нужные слова. — Но сейчас все по-другому... ведь война идет... кругом такое горе, смерти, несчастья разные, — запнулся и продолжил. — Другие и мы стали... Вот потом...

— У тебя есть девушка?

— Нет, — резко ответил он.

— Есть. Во сне ты называл ее имя.

Удивленный Ермолай замолчал и задумался.

Ирина разительно переменялась в лице, перешла на свою полку и легла лицом вниз.

«Другая девушка! Бред! — недовольно воскликнул Ермолай. — Но... Может, зря я оттолкнул ее? — мелькнул в голове вопрос, опять внезапно возникла перед глазами улыбающаяся Ципок. — Надо выбросить капитаншу из головы! — зло воскликнул. — Она нехорошая! Да! Она немецкий диверсант, убийца, наркоманка, шлюха... И вообще, — зло выругался. — Надо спать, ночь на дворе...», — резко отвернулся к стене, закрыл глаза...

* * *

Вологда...

Официальная цель поездки Джулиана Карригана была выполнена, в военном госпитале он посетил двух

английских моряков. Условия в госпитале оказались вполне сносными. Карриган оказал морякам моральную поддержку — поблагодарил от Правительства страны, выдал незначительную материальную помощь на мелкие расходы по 300 рублей. Также забрал у моряков письма на родину.

Вместе с тем, отправляться в Москву английский посланник вовсе не спешил...

В номере гостиницы «Центральная»...

Карриган и Рэм (он же Отто Шварц, он же в настоящее время товарищ Титов) расположились в креслах за небольшим столиком. Мужчины вели неспешный, тихий разговор и потягивали из стаканов привезенный англичанином из Москвы виски. Из приемника, очевидно, в целях конспирации, лилась какая-то классическая мелодия.

По только одним ведомым ему каналам Карриган получал оперативную информацию. Он только что поделился с собеседником информацией о провале захвата Абвером русского золота на одном из перегонов трассы Ленинград-Вологда.

— Так что, дорогой друг, имейте в виду, белые вагоны вас не должны интересовать, — весело продолжал Карриган. — А какие должны, — развел руками, — решайте сами.

— Я точно знаю, какие нам нужны вагоны, — широко улыбаясь, твердо бросил Рэм.

— Интересно, и какие же?

— Самые, самые охраняемые, — ответил Рэм и рас-
смеялся.

Карриган усмехнулся, медленно выдавил:

— Оригинальное и не лишнее смысла решение. А как вы думаете завладеть вагонами? Ведь они будут находиться в городе совсем недолго и при этом тща-
тельно охраняться.

Собеседник сделал глоток из своего стакана и вы-
молвил:

— Я не буду проводить полномасштабной операции в стиле Канариса и захватывать вагоны. Мне доста-
точно, скажем... и некоторое количество слитков. Да, если я вам предложу несколько, вы, Джулиан, надеюсь, не откажитесь?

Карриган встрепенулся, сверкнул глазами.

— Смотря, на каких условиях и сколько слитков. Но вы же понимаете, Отто, я как лицо официальное сильно рискую. Я должен действовать предельно остро-
рожно и в рамках дозволенного. Хоть мы с русскими и союзники, но я не исключаю надзора за собой.

— Понимаю и вас не подведу. Уверяю, сто слитков я вам не предложу. Скажем, один слиток будет вам подарком от меня за все, что вы для меня сделали. А деньги от второго слитка я бы хотел, чтобы вы пере-
вели на мой счет в Аргентине.

Карриган отпил из своего стакана, улыбнулся и вы-
давил:

— Не скрою, вы, Отто, меня заинтриговали...

Пятью минутами позже...

Худощавый мужчина среднего роста и среднего возраста, одетый в темную одежду, постучал в дверь номера и через секунду вошел в него. Прошел

в гостиную.

— Ты видел Рэма? — спросил Карриган.

— Да, сэр, — ответил мужчина.

— Или сегодня, или завтра он придет ко мне с тяжелой поклажей. После того, как он выйдет от меня, я полагаю, уже налегке, его надо ликвидировать. Предупреждаю, он профессионал высокой пробы.

— Есть, сэр...

* * *

В Вологду прибыли в начале восьмого утра. Почти все пути станции были плотно уставлены различными составами. Их состав поставили на запасные пути недалеко от железнодорожного депо, за которым простиралась зеленая зона из кустарника и густого леса. На охрану вагонов сразу выскочили вооруженные бойцы во главе с лейтенантом Островым.

У Ермолая вертелся в голове какой-то вопрос, вспомнить его он никак не мог. Кроме этого, он раздумывал, как можно быстрее, без задержки отправить в Москву Ирину?

Набравшись смелости, Ермолай попросил майора Истомина помочь с билетом на Москву для Ирины Лазо.

Майор улыбнулся и ответил:

— Москва сейчас — режимный город. Но я, конечно, сделаю все и помогу твоей подруге. Я как раз сейчас собираюсь на станцию. Скажи ей, что мы выходим через пять минут.

— Спасибо.

— А ты сам, — уже строго продолжал майор, — вместе с капитаном Чивава и лейтенантом Островым никуда не отходите от вагонов. И помните, враг не дремлет.

Прощание Ирины и Ермолая получилось каким-то скомканным, совсем не теплым. Почему-то они были скованы, многое так и не сказали друг другу. Сосредоточенная девушка сунула хмурому Ермолаю в руку бумажку с московским адресом. Он твердо обещал написать письмо, Ирина формально поцеловала-чмокнула его в щеку.

Вдруг Ермолай вспомнил вертевшийся в голове с утра вопрос.

— Скажи, пожалуйста, какое имя я называл во сне?

— Какое-то странное: то ли Ципленок, то ли Цветок, — хмуро ответила Ирина и с чемоданом в руке быстро направилась на улицу.

Ермолай озадаченно задумался:

«Какие-то странные имена... Откуда они могли взяться в моей памяти? Не было у меня такой знакомой девчонки!» — недоумевал...

* * *

*Рига, особняк в старой части города,
штаб-квартира регионального центра Абвер...*

Раздосадованный от разговора с командующим первым воздушным

флотом генерал-полковником Келлером, адмирал Канарис вызвал в кабинет своего адъютанта и, с трудом сдерживая эмоции, вымолвил:

— Водки.

Адъютант кивнул и щелкнул каблуками. Через несколько секунд он появился с подносом в руке. Адмирал взял с подноса рюмку, быстро выпил и бросил:

— Срочно соедините меня с командующим группой «Север» генерал-фельдмаршалом Риттером фон Леебу.

Адъютант изрек:

— Есть, — щелкнул каблуками, четко развернулся и быстро покинул кабинет...

Спустя 5-7 минут...

— Приветствую вас, уважаемый генерал-фельдмаршал, — весело вымолвил в телефонную трубку адмирал.

— Взаимно приветствую, уважаемый адмирал. Чем обязан в столь ранний час?

— Келлер срывает мне важнейшую операцию. Я попросил его срочно и как следует проутюжить железнодорожный вокзал города Вологды, а он отправил меня

к Герингу. А на согласование с этим занудой уйдет неделя! Мы провалим операцию!

— Успокойтесь, уважаемый адмирал, но такие вот в Люфтваффе стали порядки.

— Вы можете оказать мне содействие?

— Постараюсь, уважаемый адмирал. Но, как вы понимаете, точно обещать не могу...

Глава 10

— Пойдем на улицу, друг, хоть подышим свежим воздухом, — весело бросил капитан Чивава.

Сердитый на себя и весь мир Сергеев в это время стоял в коридоре вагона у окна. Он грустно смотрел, как майор Истомин с чемоданом в руке и Ирина Лазо быстро удаляются в сторону вокзала.

Вдруг его осенило:

«Наверное, я говорил во сне Ципок? — выругался. — Точно! Ну, никак я ее не могу забыть!»

— Понимаю, переживаешь. Кстати, кто она тебе, эта дивчина? — также взглянув в окно, спросил капитан.

Ирина исчезла из вида. Ермолай переключился на вопрос Чивава, не спеша, ответил:

— Хорошая ленинградская знакомая. Пойдем, подышим.

Капитан широко улыбнулся, весело сверкнул глазами, повертел головой, неопределенно хмыкнул. Наблюдавший за всеми этими действиями капитана

Ермолай решил промолчать.

Выйдя на улицу, они стали прогуливаться возле сво-

их трех коричневых вагонов. Рядом находились и бойцы охраны. Ермолай обратил внимание, что пломбы на вагонах целы.

— Долго мы здесь будем торчать? — спросил он.

— Ну... — медленно вымолвил капитан, — Истомин сейчас получит указания... Потом нам вроде должны поставить новую рацию в купе майора. Да и покатим. А что?

— Казалось бы, совсем недавно мы сели в эти вагоны, — ответил Ермолай, — а я что-то уже порядком устал.

Капитан усмехнулся.

— Крепись, брат. От Вологды до Урала мы поедем побыстрее, и, вот увидишь, жизнь наладится.

— Хорошо бы, — невесело изрек Ермолай...

* * *

Линейное отделение НКВД станции Вологда...

Из кабинета начальника отделения майор Истомин позвонил в Москву своему шефу и доложил о положении дел. Комиссар Голиков спокойно выслушал и вымолвил:

— Это хорошо, что пока все у вас хорошо. О ситуации в районе нахождения вас, майор, проинформирует начальник отделения майор Сизых. Он же организует установку в составе новой радиостанции. Я жду новых указаний от министра, на самом верху решается некий важный вопрос, который может непосредственно касаться и операции «Элегия». Так что вам придется

немного задержаться на станции. Вам все ясно?

Секунду-другую майор раздумывал.

— Все, кроме задержки. Сколько нам ждать?

— Может быть, три-четыре часа, а может, и сутки.

— Что мы будем делать здесь? — удивленно спросил майор.

— Отдыхайте, но не расслабляйтесь там сильно. Пусть люди помоются, поспят. Ясно, майор?

— Ясно, товарищ генерал, что ничего не ясно.

— Выше нос, майор! Как будут новости, я сразу без задержки сообщу. Все, до связи...

* * *

К стоящим возле вагона Чиваве и Сергееву подошел хмурый майор Истомина и бросил:

— Товарищи офицеры, мы пока стоим и курим. Можете сходить в депо и принять душ.

— А что стоим, ждем, пока фашистская авиация нас раздолбает? — недовольно выдавил Чивава.

— Приказы не обсуждают, а выполняют, товарищ капитан, — с нажимом изрек майор.

— Есть отдохнуть и курить, — четко ответил Чивава.

— Товарищ майор, а как там Ирина Лазо? — спросил Ермолай.

Истомин улыбнулся, взглянул на ручные часы и вымолвил:

— Через пять минут твоя подруга выезжает на поезде в столицу нашей Родины.

— Спасибо, — также улыбнувшись, ответил Ермолай

и мысленно пожелал Иринке счастливой дороги.

— Не за что, — бросил майор и, обращаясь к Чиваве, добавил. — Капитан, скажите Островому, что после вас с Сергеевым мыться будет его караул. Но по четкому графику, чтобы караульная служба не пострадала, — и направился в вагон.

Сергеев и Чивава проводили взглядом майора.

— По приказу начальства будем ловить прелести тыловой жизни, — обращаясь к Сергееву, весело изрек Чивава. — Давай иди, друг, собирайся в душ, а я заскочу к Островому.

Сергеев и Чивава чудненько и вволю поплескались в душевых кабинах.

По дороге к своему вагону раскрасневшийся капитан весело предложил:

— Отдыхать так отдыхать! А? Давай сейчас сообразим обед с моей мандариновой чачей, а потом выпьемся как следует. Идет?

— Идет, — согласился умиротворенный и расслабленный от водных процедур Ермолай...

Мужчины замечательно посидели в купе капитана, плотно покушали, выпили чачи, поговорили о жизни. Затем Ермолай прошел в свое купе и как убитый свалился в постель...

Ермолай проснулся от стука в дверь купе. Дверь широко отворилась, и появился улыбающийся капитан Чивава.

— Ну, ты и спать горазд, Сергеев! — воскликнул ка-

питан.

Ермолай принял вертикальное положение и сразу почувствовал головную боль.

— Ты знаешь, сколько сейчас времени? — веселился капитан.

— Нет, — выдавил Ермолай, просыпаясь и трясая головой.

— Восемь часов вечера! Ты проспал почти 12 часов! Твоя худышка уже, наверное, к Москве подъезжает! — весело вымолвил капитан. — Одним словом, пора ужинать! А перед ужином не грех и выпить, — и извлек из-за спины наполненный, очевидно, чачей стакан.

Он присел к столу и разлил напиток в две кружки. Ермолай не сразу осознал слова капитана. Снова слегка потряс своей головой и выдавил:

— Что-то голова побаливает.

— Я и говорю, поправить надо перед ужином, — веселился капитан. — Между прочим, пока ты спал, дождичек хороший прошел, — разливая воду в кружки.

— Голова-головушка моя, — невесело вымолвил Ермолай, выглянул в окно. — Мы еще стоим?

— Стоим. И непонятно, сколько еще будем стоять. Истомин разработал ночной график офицерского дежурства. Я заступаю в двенадцать часов ночи, ты за мной в три часа ночи, тебя в шесть утра будет менять Островой.

— Что за дежурство? — окончательно просыпаясь, спросил Ермолай.

— Вместе с бойцами охранять три наших вагона.

— А-а...

— Ну, давай выпьем за все хорошее, — весело предложил капитан. — И чтобы голова не болела. Потом сходим, подышим на волю, хорошо покушаем и снова спать завалимся до своего дежурства. Вот житуха-то у нас! Просто класс! Где-то война идет, а мы отдыхаем по приказу...

* * *

Линейное отделение НКВД станции Вологда...

В кабинете начальника отделения майора Сизых находился майор Истомин. Офицеры ужинали и вели неспешные разговоры.

— ...Кажется, Вологда — глухой, далекий тыл, до линии фронта около шестисот километров, — рассуждал Сизых. — На самом деле тут, как на вулкане: немецкие бомбежки, диверсанты встречаются, разные дезертиры, уголовники всех мастей, беспризорники и прочий-прочий сброд. Уж про тысячи беженцев я не говорю, — разлил по стаканам водку.

Мужчины выпили, стали закусывать.

— А как там Питер? — спросил Сизых.

— Держится, — бросил Истомин.

— Тут недавно по радио выступал товарищ Жданов, — вставил Сизых, — твердо заверил, что город Ленина выдержит все испытания.

— Воодушевляет. Здесь на станции у тебя как?

— В общем, тихо, — ответил Сизых. — Крупная рыба, уголовники не суются, знают, что мы с ними

не церемонимся. Иногда, правда, беспризорники лазают по вагонам.

— Как обстоят дела с фашистскими лазутчиками? Диверсии на станции и путях бывают? — спросил Истомин.

— С начала войны задержали одного засланного фрицами диверсанта, другой гад утек. Один раз кто-то подорвал полотно перед идущим составом. Дважды мы сумели предупредить взрывы полотна...

* * *

После ужина Ермолай лег на свою полку и моментально уснул...

Внезапно проснулся и понял, что его кто-то трясет за плечо.

— Просыпайся, соня, тебе пора на дежурство, — раздался веселый мужской голос.

Сергеев недовольно открыл глаза и увидел Чиваву.

— Поднимайся, жду тебя на улице, — строго бросил капитан и вышел из купе.

«Черт, капитан! — медленно поднимаясь, невесело проворчал Ермолай. — Не дал толком поспать...».

Слабо освещаемые ночные железнодорожные пути. Сергеев вот уже второй час, не смыкая глаз, прохаживался вдоль стоящих отдельно от других составов своих трех вагонов. С ним за компанию с двух сторон также маршируют два бойца с винтовками...

Вот один боец заметил какое-то движение под ваго-

ном. Он скинул винтовку с плеча, крикнул:

— Стой! Стрелять буду! — и передернул затвор.

— Дяденька, не стреляй, — раздался слабенький полудетский голосок.

В это время Ермолай находился с другой стороны вагона. Услышав голоса, он побежал на них, огибая вагон. Внезапно и громко в ночной тиши прогремел выстрел.

Доставая на ходу пистолет, Ермолай подбежал к лежащему на земле с закрытыми глазами пареньку.

— Я не стрелял, — лепетал стоящий рядом боец с винтовкой. — Это не я, это не я...

— А кто стрелял? — проверяя пульс у парня, спросил Ермолай.

— Кто-то из кустов, — выдавил боец.

Прошло несколько секунд, подбежали майор Истомин, лейтенант Островой и два бойца.

— Что случилось? — спросил майор.

— Он под вагоном был, — показывая рукой на парня, ответил боец, — я его окрикнул. Он вылез из-под вагона, я подошел к нему. В это время из кустов кто-то выстрелил, парень упал.

— Он мертв, — поднимаясь, изрек Ермолай. — Пуля попала прямо в голову, меткий выстрел.

— Островой, с бойцами обследуйте зеленку, — командовал майор. — Пойдем, Сергеев, посмотрим, что этот парень делал под вагонами.

Майор и Ермолай, согнувшись, полезли под вагон. В руке майора оказался фонарь, вскоре луч высветил проем в днище вагона.

— Вот гад-беспризорник, — бросил майор, — выпи-

лил проем, — и громко выругался.

Истомин и Сергеев стали осматривать проем. Сквозь него четко просматривались контуры ящика со слитками.

— Да он, гад, мог и слиток вытащить! — воскликнул майор.

В это время подошел боец и вымолвил:

— Товарищ майор, в вашем купе какие-то сигналы.

— Это телефон, — устало бросил Истомин, — начальство вызывает. Давай, Сергеев, все тут просмотри внимательно, а я пойду к телефону...

* * *

Вологда, гостиница «Центральная»...

В полутемной комнате на большой кровати мужчина и женщина занимаются сексом. По комнате раздается призывный женский стон.

Внезапно дверь открывается и появляется заросший мужчина в возрасте. Улыбаясь, изрекает:

— Я извиняюсь, но у меня к вам, Джулиан, срочное дело.

Парочка резко прерывает свои занятия. Судя по выражению лица, явно недовольная женщина натягивает на себя одеяло. Любовник-мужчина смачно выругался и зло бросил:

— Вы не могли ни раньше, ни позже прийти!

— Еще раз извиняюсь, но никак не мог, — лилейным голосом изрекает-издевается гость. — Я вас, Джулиан,

подожду в гостиной, — и удаляется из комнаты...

Одетый в длинный халат Карриган вышел чернее ночи.

— Как вы не вовремя, — изрек он с укором.

Гость поставил на стол портфель и вымолвил:

— Я уже удаляюсь.

— Что там? — кивая на портфель, спросил Карриган.

— К сожалению, удалось взять только один слиток, — тихо вымолвил незнакомец. — Исходя из этого, расклад будет такой. Он тянет на двести пятьдесят тысяч долларов, сто пятьдесят — вам и сто — мне. Мою долю переведите в Аргентинский банк. Всего доброго, господин Карриган, — развернулся и направился к выходу.

— Вы на меня никого и ничего не навели?

— Обижаете, Джулиан, — уже из дверей изрекает гость.

— Ладно, всего, — бросил вслед ему хозяин номера...

Выйдя из номера, мужчина прошел к запасному (или аварийному) выходу. Прежде чем зайти в проход и на лестницу, мужчина достал из голенища сапога большой нож...

В полутемной комнате на большой кровати под шумные вопли мужчина и женщина занимаются сексом.

Дверь тихо открывается и появляется заросший мужчина в возрасте с большим ножом в руке. Занятая своим делом, шумная парочка его не замечает. Гость быстро оказался возле кровати и нанес ножом резкий удар в спину находящемуся наверху мужчине. При этом он изрек:

— Не надо было, Джулиан, так поступать со мной. А теперь отправляйся в ад вслед за своим неудачником-агентом.

Гость выдернул нож из спины обмякшего мужчины. В мгновение ока гость быстро и умело перерезал горло ничего не понимающей женщине с выпученными глазами...

* * *

У себя в купе майор Истомин проводил совещание с офицерами. Стоящая на столе радиостанция тихо издавала сигналы.

— Я получил приказ, — обзревая Чиваву, Острового и Сергеева, вымолвил майор, — от Вологды мы поедем не на восток, на Урал, а на север, в морской беломорский порт города Молотовска (в настоящее время город Северодвинск).

Чивава тихо присвистнул, Островой удивленно вскинул глаза. А Сергеев стал вспоминать географию: Молотовск от Вологды ближе, чем Урал, или дальше?

Майор строго взглянул на капитана Чивава и продолжал:

— Сейчас под крышу депо поставят новейший вагон грузоподъемностью в пятьдесят пять тонн. Затем загонят в депо два наших вагона с грузом. С помощью наших солдат мы перегрузим груз в вагон. К вагону прицепят теплушку, то есть грузовой вагон, переоборудованный под перевозку людей, в котором поедем мы и бойцы охраны. Расстояние до конечной точки,

примерно в шестьсот пятьдесят километров, если все пойдет хорошо, мы вполне преодолеем за полтора или двое суток. Эту северную железную дорогу немцы пока не бомбят. Вопросы?

— Товарищ майор, — обратился Сергеев, — я обследовал проем под вагоном. Этот беспризорник точно украл один слиток.

— При перегрузке и проверим, — ответил майор.

— Но если слитка не хватит...

— Решим этот вопрос, — строго перебил майор.

— А зачем перегружать груз, время терять? — спросил Островой. — Почему нельзя двинуть прямо так?

— А разве не понятно, — бросил майор. — В целях конспирации, разумеется. Эти три вагона, и белые, и коричневые, уже порядком засветились. Кстати, перед нашим прибытием органы НКВД задержали двоих немецких диверсантов, они, например, знали о наших трех вагонах. Опять же, ночной инцидент с беспризорником. Уверен, будет проведено расследование с целью установления, кто направил на наши вагоны беспризорников. Я не исключаю, что это было сделано сознательно нашими врагами.

— Кругом одни заговоры и враги, — тихо изрек Чивава. — Вроде на своей территории находимся.

— Да, товарищи офицеры, идет война и на фронте, и в тылу. И нам никак нельзя терять бдительность, — строго сказал Истомин, обвел взглядом всех. — Еще вопросы есть?

— Можно спросить, — вставил Островой, — зачем заштатному Молотовску наш специфический груз?

— Наша страна получает по ленд-лизу различные американские товары, продовольствие, военную технику и другие. По решению руководства нашей страны золото будет использовано в качестве оплаты за союзнические поставки. В Молотовске стоит американский корабль и ждет наш груз.

— Я вот думаю, один вагон выдержит наш груз и с ним нечего не случится в пути? — задумчиво вымолвил Ермолай.

— Как сказал мой начальник комиссар Голиков, в Госбанке страны заверили, что все должно быть нормально, — ответил майор. — Этот вагон не простой, а специальный, с усиленной рессорной базой...

* * *

Окрестности города Сортавала...

Барону фон Шоммеру уже порядком надоело сидеть в этом финском захолустье. Порядком достала своим вниманием и всевозможными расспросами пышногрудая блондинка, круглолицая недалекая Хильда, наверняка, подосланная хитрым финном Маннергеймом. Но шеф, адмирал Канарис, считал, что руководить операцией барон должен был именно из этой глуши, скорее, в отместку за неудачу с первым вариантом...

Новости по операции «Золотой трезубец» были ужасными, с треском провалены первый и второй варианты операции. В Вологде была нейтрализована недавно заброшенная диверсионная группа. Взамен была на-

спех сформирована и переброшена новая группа. Между тем, старый, законсервированный агент в Вологде никак не выйдет на связь. Поставленная адмиралом задача найти вагоны с золотом не исполнена. Одним словом, все было плохо...

В расстроенных чувствах барон решительно опрокинул очередную рюмку коньяка...

* * *

Новый вагон и два старых, в которых находились слитки, поставили в депо, рядом друг с другом. Депо оцепил взвод вооруженных солдат.

Сергеев обследовал новый, темно-коричневого цвета, вагон, предназначенный для перевозки золота. Снаружи он казался крепким и таким солидно-важным. Вагон оказался длиннее на полтора метра и немного шире тех вагонов, в которых находились слитки в данный момент. Внутри вагона стены, потолок и пол производили основательное, капитальное впечатление. Вагон был совершенно новым, от него исходил запах заводской краски.

Ермолай взял бумагу, карандаш и стал планировать размещение ящиков со слитками по вагону и их крепеж.

— Ну как, Ермолай, получается размещение груза в вагоне? — спросил майор Истомин.

— Получается, — ответил Сергеев. — Сам вагон хорош, весь груз должен войти. Надеюсь, деформации ящиков при движении не произойдет. Можно вас спросить?

— Давай.

— А как вы будете возмещать недостающие слитки? Ну, тот, который у меня взяла Ципок, и тот, что украл беспризорник? Ведь передавать придется все сорок пять тонн, грамм в грамм.

— Это точно, передавать педантам-американцам придется грамм в грамм, — вымолвил капитан. — Украденный Ципком слиток лежит у меня в купе. Украденный беспризорником, если это подтвердится, я закажу в Москве. Его самолетом доставят в конечный пункт назначения. На меня за утрату слитка будет наложено серьезное взыскание.

«Значит, недостающий слиток возьмут из московского хранилища Госбанка», — решил Ермолай.

Он хотел спросить, что будет лично ему за недостачу слитка, но не решился...

Первым делом Истомин и Сергеев проверили печати на обоих вагонах с золотом. Они оказались целыми и неповрежденными. Затем вскрыли первый вагон, визуально в нем оказалось все в порядке. Ермолай посчитал количество рядов, затем помножил на количество ящиков в ряду, получилось триста восемьдесят ящиков.

— Именно столько мы и загрузили в вагон, — доложил уверенно Сергеев Истомину.

Ермолай достал из одного ящика металлическую болванку и, обращаясь к майору Истомину, тихо изрек:

— Я положил эту болванку взамен слитка, взятого Ципок.

— Я сейчас принесу тот слиток, — спокойно вымолвил майор, — ты положишь его на место, и мы начнем перегрузку.

Много переживший волнений из-за этого слитка Ермолай облегченно выдохнул.

Переносом ящиков занимались одновременно шесть солдат, Ермолай расставлял ящики в вагоне и крепил. Чтобы поддержать высокий темп работы, солдаты менялись через тридцать-сорок минут. В результате через шесть часов все триста восемьдесят ящиков из первого вагона были перегружены в новый вагон. Майор Истомина поблагодарил всех за ударный труд, объявил перерыв: час на обед и два часа на отдых...

Изрядно уставший Сергеев плотно пообедал, выпил предложенную Чивавой чарку чачи и завалился отдыхать. Вместе с тем в голове продолжал неотступно вертеться вопрос:

«Что будет мне за то, что передал слиток Ципок и что во время моего дежурства ночью украли еще один слиток?».

В конце концов, он уснул...

* * *

Линейное отделение НКВД станции Вологда...

На оперативном совещании в кабинете присутствовали трое военных строгих мужчин: начальник отделения майор Сизых, заместитель начальника управления НКВД по Вологодской области, подполковник Капуста

и майор Истомин. Первым взял слово хозяин кабинета.

— Беспризорник, убитый под колесами вагона, оказался Шплинтом. Никто его подлинного имени и фамилии не знает, только известно прозвище. В ста метрах от вагона, в зеленой зоне, был найден с перерезанным горлом еще один беспризорник по прозвищу Танкист. Шплинт и Танкист были друзьями. Со слов других беспризорников, в последнее время они общались со взрослым, заросшим, прихрамывающим мужчиной с палочкой по фамилии Титов. Этого Титова найти нам пока не удалось.

— Этот Шплинт недавно орудовал в Ленинграде, — вставил майор Истомин. — И там им тоже была предпринята попытка проникновения в вагон с нашим грузом и точно таким же способом. После этой попытки его выслали из города, и он осел, получается, в Вологде.

— Но почему он полез в строго охраняемый вагон? — спросил майор Сизых. — На станции достаточно других вовсе не охраняемых вагонов.

Вопрос повис в воздухе.

Далее выступил подполковник Капуста. Он сообщил об убийстве в гостинице «Центральная» второго секретаря английского посольства Карригана и его любовницы в постели с ним. А также еще одного постояльца гостиницы на черной лестнице. Этот постоялец был знаком с Карриганом и часто с ним общался. Все трое были убиты, предварительно, одним ножом, примерно в одно время и, очевидно, одним и тем же лицом. Подполковник сообщил, что к Карригану несколько раз

приходил мужчина, по внешнему описанию похожий на Титова...

* * *

Ермолаю снился необычный сон:

...бледно-голубое прозрачное небо, иссиня-голубое спокойное море и между ними... желтая лодка. В лодке мужчина и женщина, они о чем-то весело разговаривают. Глаза у женщины красивые и... знакомые глаза! Невдалеке виднеется утопающий в зелени берег, лодка неуклонно движется к берегу... Вот женщина грациозно подняла руку и что-то уронила в воду. Мужчина мгновенно нагнулся, чтобы посмотреть, что же уронила женщина. На белом песчаном дне он увидел... целую россыпь золотых слитков!

* * *

Купе майора Истомина...

По радиосвязи майор доложил своему шефу в Москву о результатах оперативного совещания у начальника линейного отделения НКВД по станции Вологда.

После некоторого раздумья генерал Голиков быстро спросил:

— А что ты сам думаешь, контрразведчик Истомин? Есть ли у тебя какие-либо версии?

Майор усмехнулся.

— Есть версия, товарищ генерал. Фашистский разведчик с мнимой фамилии Титов знал о движении

нашего состава. Он заранее прибыл в Вологду, навел контакты с беспризорниками на товарной станции. Каким-то образом установил наши вагоны и направил этого Шплинта. Один слиток тот достал, передал Титову и отправился за вторым. Тут Шплинта заметил боец. Дабы Шплинт не попал к нам в руки и все не рассказал, Титов его убивает. Заодно и убивает друга Шплинта и свидетеля против него, беспризорника Танкиста. Слиток Титов предлагает Карригану, но они не договариваются в цене. Титов убивает Карригана, заодно свидетельницу-любовницу, а также бывшего в курсе человека Карригана.

— Неплохая версия, но есть шероховатости. Тот факт, что разведчик и Карриган одновременно были в Вологде в определенное, нужное время свидетельствует об их предварительной договоренности. Опять же, если этот разведчик английский, то все ясно. А если немецкий?..

— А если это Рэм?! — воскликнул Истомин. — Мы его потеряли в Москве. А если он переметнулся к англичанам и отсиживался все это время у Карригана?!

— Интересный ход, — медленно вымолвил генерал. — Если Рэм переметнулся к англичанам, то его наверняка ищут свои, то есть люди Риббентропа. Но зачем Рэму убивать своего благодетеля Карригана?

— А если Рэм решил покинуть поле боя и залечь в тихой, нейтральной гавани. Скажем, Карриган обещал ему помочь, а не помог.

— Или запросил за помощь слишком много денег, а Рэм сумел достать только один слиток.

— Точно. Только вот теперь этого Титова-Рэма, а может и еще как, достать нам будет трудно. Как опытный разведчик он с другим паспортом мог уйти куда угодно.

— Да, — тихо вымолвил генерал. — А из-за смерти Карригана будет международный скандал, стопроцентно доказать его деятельность против нашей страны без показаний Рэма мы не сможем. Нашим дипломатам придется извиняться перед англичанами.

— А я все думаю про этого Титова.

— Давай поделись.

— Нужно на Титова с имеющимися внешними данными направить циркуляр во все управления, отделы и отделения внутренних дел. После убийства дипломата он будет заметать следы.

— Логично. Сделаем...

* * *

Ермолай проснулся от громкого стука в дверь своего купе. Тот час дверь с шумом приотворилась, показалась голова майора Истомина.

— Пора на перегрузку, Сергеев, — громко бросил майор и моментально закрыл дверь.

Ермолай нехотя поднялся. Почувствовалась усталость всего организма, да и настроения не было никакого. Неожиданно перед глазами явственно проскочил только что приснившийся сон. Он сразу вспомнил и в какой-то мере пророческий сон, приснившийся ему перед встречей с Ириной Лазо.

«К чему бы сон приснился на сей раз?» — подумал

невесело и стал собираться...

Истомин и Сергеев вскрыли второй вагон. Ермолай осмотрел вагон, ему сразу показалось, что ящиков не хватает.

— Что-то не так? — очевидно заметив настороженное выражение лица Сергеева, спросил майор.

— Странно. Но мне кажется, что здесь не хватает ящиков, — ответил Ермолай и быстро принялся считать ряды, а также количество в них ящиков.

— Должно быть триста семьдесят ящиков, именно столько мы загрузили, — обращаясь к майору и все просчитав, сказал Ермолай. — А сейчас триста шестьдесят ящиков. Не достаёт десять ящиков, это пятьдесят слитков на шестьсот килограммов золота.

Майор скрипнул зубами и тихо выдавил:

— Если это так, нам с тобой не миновать расстрела. Пока никому ни слова, приступаем к перегрузке.

Переносом ящиков также занимались одновременно шестеро солдат, они менялись через тридцать-сорок минут. Обескураженный недостатком, Ермолай как обычно расставлял и крепил ящики. В его голове неотступно вертелся вопрос: «Каким образом могли пропасть ящики? Ведь пломбы на вагоне были целы...».

Поскольку солдаты уже были изрядно вымотанными после первого вагона, выгрузка трехсот шестидесяти ящиков затянулась на семь часов. Была также обнаружена пропажа одного слитка (это постарался ночью беспризорник). Майор Истомин поблагодарил всех за ударный труд, объявил отбой. Они с Сергеевым опечатали вагон. Майор сказал:

— Пошли в твое купе.

Когда они вошли и сели на полки, майор, всматриваясь в глаза Ермолая, вымолвил:

— Ведь ты, Сергеев, постоянно был с вагонами. Как могли исчезнуть десять ящиков?

— Ума не приложу, — тихо выдавил Ермолай.

— Даю тебе на все воспоминания два часа, — строго изрек майор. — После этого ты мне подробно излагаешь свое мнение. Затем я докладываю начальству, и мы ждем их решения. Полагаю, решения сурового, по законам военного времени, — поднялся с лавки. — А сейчас дай мне свой пистолет, купе я закрою на замок.

Ермолай передал револьвер, обхватил голову руками и завалился на кушетку...

* * *

*Восточная Пруссия, вилла в Штейнорте,
резиденция рейхсминистра Риббентропа...*

В небольшой деревянной беседке располагалось кресло-качалка. На нем расположился солидный мужчина в белоснежной рубашке и зеленых военных галифе. Он тихо раскачивался и что-то определенно обдумывал. Из стоявшего невдалеке радиоприемника доносилась энергичная музыка Вагнера.

Риббентроп не любил шумный и помпезный Берлин и при каждой возможности отправлялся на тихую виллу в Штейнорте. Рейхсминистр только что прочи-

тал подробное донесение о смерти в России, в глубоко провинциальной Вологде, английского разведчика Карригана (официально второго секретаря посольства Великобритании в СССР). После того, как операция его ведомства «Золото Северной Пальмиры», по сути, так и не начавшись, была свернута, Риббентроп, тем не менее, интересовался перевозкой сорока пяти тонн русского золота. И он знал о неудачных попытках Абвера захватить золото. По имеющимся у Риббентропа данным, вагоны с золотом сейчас должны быть именно в Вологде. И если его бывший агент Рэм переметнулся к англичанам, именно так и думал рейхсминистр, то Рэм должен находиться именно в этом городе... Очень даже может быть, что Рэм и Карриган разыгрывали какую-то свою партию по русскому золоту. Также возможно, что что-то у них не пошло, как планировалось..., и изворотливый и коварный Рэм оказался более везучим, нежели Карриган... В пользу такой версии говорило и оружие убийства (кинжал, одно из любимых орудий для убийства всех немецких спецслужб), и безжалостная ликвидация двух свидетелей, включая женщину-проститутку. В принципе, рассуждал Риббентроп, убить опытного английского разведчика могли или русские спецслужбы, или агент другой страны. Опять же, зачем русским убирать посланника союзной страны, пусть даже и по совместительству разведчика? Ведь он работал у них на виду. Остается другой агент, в данном случае определенно Рэм...

В сухом остатке получалось: смерть в СССР второго секретаря посольства Великобритании. Большой скан-

дал между союзниками антигитлеровской коалиции!

Как опытный дипломат Риббентрон сразу стал прикидывать, какую пользу из этого может извлечь Германия и, непосредственно, возглавляемое им ведомство. Для начала он решил проинформировать Геббельса, рейхсминистра народного просвещения и пропаганды Германии...

Глава 11

В голове Ермолая постоянно вертелся и забивал все другие мысли вопрос:

«Когда и каким образом пропали ящики со слитками?..»

Ведь он сам все время был в составе, а состав охранялся вооруженными бойцами.

«Так-так, надо взять себя в руки, — приказал Ермолай себе, — и думать-думать. Ведь ящики действительно исчезли из вагона? Итак, я был постоянно в составе... — пытался рассуждать логически. — Хотя... я ведь... спал, — вспомнил, как крепко уснул после чаи, — и в то время не знал, что творилось в составе», — вспомнил, что и состав не охранялся бойцами, например, в тот момент, когда он лез по крыше вагонов к паровозу...

Очевидно, от волнения и от умственного напряжения во рту у него все пересохло. Ермолай встал, выпил воды, посмотрел в окно и снова завалился на полку.

Вдруг в мозгу проскочил недавно приснившийся сон

и... целая россыпь золотых слитков на белом песчаном морском дне...

«Стоп! — воскликнул. — Слитки на морском дне? То есть, в нашем случае на дне Ладожского озера! Но когда и как они там оказались? — стал руками тормошить свою голову. — Когда, когда?! — и вдруг вспомнил, как проснулся от сильного толчка, и тогда их вагоны были на самом берегу озера. — Именно тогда их и выгрузили! Так-так, надо все подробно вспомнить! — напряг память. — Я подписал протокол, составленный Ципок, что Чивава убил майора Мхитаряна... Потом она предложила мне выпить коньяку, и меня сразу потянуло в сон... Да, точно, еще Ципок, неприятно улыбаясь, пожелала мне приятных снов... А потом уже, когда она, полуразбитая, в крови лежала на полу, она сожалела, что не подмешала мне как генералу отравы! Значит, я долго спал под воздействием снотворного, а вагоны в это время сделали крюк от Волхова до Олонца... В это время Ципок и ее здоровенный мужик-любовник вполне могли остановить состав, открыть вагон, выгрузить десять ящиков, снова закрыть вагон и опечатать его. А? Ну конечно, так все и было! Они хотели часть золота утаить от своих начальников и спрятали его в воду! Ведь золоту в воде ничего не будет! А потом, очевидно, забрать слитки, но уже для себя...».

Радостный Ермолай вскочил на ноги и принялся колотить в дверь и при этом кричать:

— Майор Истомин! Майор Истомин! Можно вас на минуту? Я вспомнил! Вспомнил!

* * *

Москва,

Лубянская площадь, штаб-квартира НКВД...

По Москве поползли всевозможные слухи об убийстве в Вологде второго секретаря посольства Великобритании в СССР Карригана. Иностранные радиоголо-са и пресса также на все лады комментировали смерть высокопоставленного посланника. На одном из своих выступлений Геббельс в свойственной ему демагогической манере позлорадствовал на эту тему. В своих измышлениях и фантазиях он договорился до того, что смерть посланника будет катализатором развала антигитлеровской коалиции!

Для формулирования официальной позиции СССР Нарком иностранных дел требовал разъяснений от Берии, Наркома внутренних дел. В этой щекотливой ситуации как опытный службист и осторожный человек Берия решил подстраховаться. Он обратился в Ставку Верховного Командования с просьбой о представлении контрразведчиками, неподчиненными ему, всех сведений об убийстве второго секретаря посольства Великобритании в СССР Карригана.

С документами к Берии прибыл начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной армии комиссар Голиков. Сосредоточенный Берия в очках находился за своим рабочим столом, напротив, через стол, расположился Голиков. Только что он представил папку с документами хозяину кабинета.

Берия стал внимательно рассматривать и читать документы.

Прошло минут десять, возможно больше. Берия оторвал взгляд от бумаг, строго взглянул на Голикова и спросил:

— Вы уверены, что Карригана убил немецкий агент Рэм?

— Мы уверены в этом, — не отводя своего взгляда от взгляда хозяина кабинета, ответил Голиков.

— Вы его поймаете?

— Приложим все силы, товарищ Берия. У нас есть информация, что он в районе Перми, ждет вагоны с золотом. Мы отправили туда опергруппу.

Берия кивнул:

— Мы вам поможем, — нажал на клавишу настольного телефонного аппарата и вымолвил:

— Срочно соедините меня с Наркомом иностранных дел товарищем Молотовым.

На три-четыре секунды возникла тишина. Затем раздался скрипучий мужской голос:

— Слушаю вас, Лаврентий Павлович.

— Дорогой Вячеслав Михайлович. Я тебе отправлю материалы по смерти английского посланника в Вологде. Ты с этими хитро мудрыми англичанами разговаривай поостроже. Этот Карриган — профессиональный, опытный разведчик. В данном случае он хотел погреть руки на нашем народном добре, поэтому и погиб от руки немецкого матерого агента, тоже, разумеется, нечистого на руку.

— Я непременно внимательно ознакомлюсь с вашими материалами, Лаврентий Павлович.

— Хорошо, успехов тебе, Вячеслав Михайлович, — изрек Берия и положил телефонную трубку.

Внимательно всматриваясь в лицо Голикова, он вымолвил:

— Спасибо за хорошую работу. У меня будет к вам, Филипп Иванович, личная просьба, пожалуйста, сформируйте меня о важных этапах операции «Элегия».

Голиков прекрасно понимал, что по линии своего ведомства Берия получает информацию об операции, и что его информация может в чем-то расходиться с ней. Он также понимал, что личная просьба Берии означала даже больше, чем приказ. Было также неясно, как отнесется к этому сотрудничеству прямое начальство Голикова.

Взвесив за три-четыре секунды все доводы «за» и «против», Голиков вымолвил:

— Хорошо, Лаврентий Павлович...

* * *

— Не ломай дверь, Сергеев, отойди и отдышись, — слышался из коридора вагона недовольный голос капитана Чивавы. — Всех на уши поставил! Майор сейчас придет.

Ермолай перестал колотить дверь, немного успокоился, за окном уже стемнело. Немного похаживав взад-вперед по купе, завалился на полку. Но спокойно лежать он не мог, в его голове происходили бурные процессы. Снова поднялся и, дабы отвлечься от дум о золоте, стал делать физические упражнения...

Сосредоточенный Истомин пришел минут через десять. Сильно волнуясь и запинаясь, Сергеев эмоционально изложил свое видение пропажи десяти ящиков со слитками.

Невозмутимый майор задал несколько уточняющих вопросов.

Какое-то время он раздумывал, затем медленно вымолвил:

— Ну что же, очень и очень может быть. Да и других вариантов у нас с тобой нет. Одну минуту, — и вышел из купе.

Майор вернулся с офицерской сумкой-планшеткой в руке. Достал из нее карту, разложил на столе и вымолвил:

— Покажи это место на карте.

Ермолай несколько секунд разглядывал и изучал карту, нашел Ладожское озеро, село Видлицу. Затем показал и место предполагаемого, с его точки зрения, нахождения слитков. Майор сделал какие-то прикидки в уме и не спеша вымолвил:

— Даже если спрятавшие слитки и уже мертвые Ципок и майор Мухель не имели сообщников, на золото могли наткнуться случайные люди.

«Возможно», — согласился Ермолай, кивнул и загрустил.

— Но мы со своей стороны, — уверенно продолжал майор, — должны использовать хоть малейшую возможность найти государственные ценности, столь необходимые в военное время.

«Молодец, майор!» — радостно воскликнул Ермолай

и воодушевленно поддержал:

— Совершенно верно, надо использовать.

— Я все обдумаю, доложу начальству, — убирая карту, хмуро вымолвил майор. — Ну а тебя, Сергеев, я пока оставляю под арестом, — поднялся и вышел из купе.

Ермолай снова завалился на скамейку и тяжело задумался:

«Поверит Истомин и его начальники в мою версию пропажи слитков или нет?».

Не смотря на то, что внутри Ермолая все бурлило и кипело, он быстро уснул...

В дверь кто-то настойчиво постучал, Ермолай проснулся и открыл глаза. Через пару секунд дверь купе отворилась, и появился улыбающийся лейтенант Островой.

— Хватит отдыхать и спать, — бросил весело. — Поднимайся, пойдем на разговор к Истомину.

Сергеев протер глаза, поднялся и последовал за лейтенантом.

— Садитесь, товарищи офицеры, — бросил Истомин появившимся Островому и Сергееву.

Всматриваясь в лицо Ермолая, майор вымолвил:

— Нам предоставлен шанс найти пропавшее золото. Будет создана поисковая группа, куда войдете и вы.

Сергеев вскочил и выкрикнул:

— Ура! Спасибо за доверие.

— Сядь и слушай, — недовольно изрек майор.

Ермолай сел на лавку и сосредоточился.

— Я даю вам в помощь двоих бойцов, — строго продолжал майор. — План будет такой: вы поездом

добираетесь до города Тихвин, это где-то триста километров, примерно шесть-семь часов по времени. Затем уже на машине до Ладожского озера, это порядка двухсот километров, еще пять-шесть часов и ищите золото. Если находите, то отправляетесь в Архангельскую область. А именно, добираетесь на машине до станции Няндомы, это порядка четырехсот километров или примерно одиннадцать-двенадцать часов пути. Грузите золото на поезд и везете его в Молотовск. Ясно?

— Ясно, — дружно ответили Островой и Сергеев.

— Помните, что задание это не официальное, нужно вам действовать тихо, скрытно, в дороге ни во что не ввязываться. Документами необходимыми будете снабжены.

Островой и Сергеев кивнули.

— Если не находите золото, — скрипнув зубами, продолжал майор, — то через двое суток возвращаетесь в Тихвин и ждете приказа. Старшим группы назначается, — взглянул на Острового, — капитан Ягодинок.

Островой встал и бросил:

— Есть старшим.

Ермолай удивленно взглянул на Острового, затем на Истомина.

— Лейтенант Островой на самом деле является капитаном контрразведки и его настоящая фамилия Ягодинок, — ответил на его немой вопрос майор. — В операции по перевозке золота по легенде Островой выполнял роль начальника караула, простого такого лейтенанта. Сейчас все легенды отброшены, реально нужно найти золотые слитки. А Ягодинок неплохо зна-

ет те места, как-никак воевал там в финскую войну.

Майор взглянул на часы и бросил:

— Даю вам на подготовку полчаса, через сорок пять минут отправляется ваш поезд на Тихвин. Все указания в Тихвин и на станцию Няндомы я сейчас отдам. И будьте, пожалуйста, посерьезней и ответственнее, ребята, я вас чисто по-человечески прошу. Соблюдайте осторожность, про золото никому ни слова. Даже ваши бойцы ничего не должны знать, по крайней мере, до того, как вы его не обнаружите. И зарубите себе на носу, не найдете золото, не сносить нам всем головы. Все, свободны.

Ягодинок и Сергеев поднялись.

— Ермолай, не забудь свое личное оружие, — передавая пистолет, вымолвил Истомин.

— Не забуду, — беря в руку свой револьвер, весело бросил довольный Ермолай...

Очевидно, благодаря стараниям майора Истомина, Ягодинок, Сергеев и двое молодых бойцов, рядовые Кузнецов и Широких, разместились в отдельном купе. Едва разместившись, дружно перекусили. Ермолай обратил внимание на новые красные капитанские петлицы на гимнастерке Ягодинока с одной серебряной шпалой. Лениво тронувшись, поезд набрал неплохую скорость, они быстро миновали пригороды Вологды и устремились в окружающие пути лесные дали.

После позднего ужина бойцы залезли на вторые полки и быстро уснули. Вскоре последовали их примеру и Ягодинок с Сергеевым. Из приоткрытого окна доно-

сился неприятный гул самолетов.

«Наверное, фрицы летят бомбить Вологду», — решил Ермолай, сразу подумал о вагоне с золотом. Спросил озабоченно:

— Товарищ капитан, а состав с известным нам вагоном покинул Вологду?

— Отдыхай спокойно, маллей (армейский жаргон, сокращенно от младшего лейтенанта), они покинули город еще раньше нас, — весело ответил Ягодинок.

Но Ермолай никак не мог заснуть, в голове бурлили мысли о предстоящих поисках слитков:

«Найду ли я то самое место? Если найду, а вдруг там нет никакого золота? Может, его уже забрали сообщники Ципок и майора Мухеля? Что тогда будет с нами?».

* * *

Вологда...

Словно стая голодных стервятников, на город налетела немецкая авиация и обрушила свой смертоносный удар. Особенно много досталось городскому железнодорожному вокзалу и восточным пригородам...

Черное небо прорезали блуждающие лучи прожекторов, истошно и порой взхлеб работали зенитки. Но что они могли, по большому счету, сделать в ночи против армады из пятидесяти самолетов-стервятников? Во многих частях по большей части деревянного города бушевали пожары, гибли люди...

* * *

До небольшого, утопающего в зелени города Тихвина со множеством церквей и деревянных резных домов состав дошел без приключений и достаточно быстро. В дороге все члены группы спали. Несмотря на одолевавшие его мысли о поисках слитков, организм взял свое, и Ермолай, в конце концов, уснул...

За десять минут до нужной станции группу разбудила проводница. Проснувшись, Ермолай понял, что вовсе не выспался...

* * *

*Рига, штаб командующего
1-м воздушным флотом Германии...*

Командующий авиацией группы «Север» генерал-полковник Келлер получил оперативное донесение об удачной бомбардировке Люфтваффе русского тылового города Вологды и его восточных пригородов. Потери ночного налета оказались минимальными. Довольный генерал приказал адъютанту соединить его с адмиралом Канарисом...

— Доброе утро, уважаемый адмирал.

— Доброе утро, уважаемый генерал-полковник.

— Сообщаю, ваша просьба о бомбовом ударе по Вологде выполнена. На сей раз мы основательно подготовились и провели операцию без значительных потерь. Я представляю отличившихся асов к награде.

— Поздравляю. Но ваша операция опоздала как ми-

нимум на сутки, искомый нами груз до налета покинул город.

— Но мы, как вы и просили, нанесли в том числе и удар по железнодорожной ветке на восток от города на расстоянии до ста километров! — воскликнул Келлер.

— По нашим данным, только на сорок километров, — тихо ответил адмирал. — Но, как я уже сказал, вы опоздали. К тому же, во время бомбардировки в Вологде погиб наш агент.

Келлер удивленно вскинул брови.

— Вам, уважаемый адмирал, очень трудно потрафить...

* * *

В пять утра группа сошла на практически пустой перрон тихвинской станции и направилась в линейное отделение НКВД. Ягодинок и Сергеев зашли в кабинет начальника отделения. Их встретил и крепко пожал руки небольшого роста, плотно сбитый, чернявый, сонный капитан. Ягодинок и Сергеев представили свои документы.

— О вашей группе я получил указания, — возвращая документы, вымолвил капитан.

Взял телефонную трубку, набрал номер и через секунду изрек:

— Это капитан Никулеску. Пусть срочно выезжают ко мне легковушка и грузовик, о которых мы с тобой договаривались, — и положил трубку.

Взглянув на офицеров, сказал:

— Через минут десять-пятнадцать подъедут два автомобиля для вас. Водители — ребята надежные, дороги местные знают, запас бензина будет, пара матрасов, накидки из брезента на всякий случай.

— Спасибо, — бросил Ягодинок.

— Не за что, я же на службе, — ответил капитан, достал из-под стола вещевого мешок. — А это продукты для вас. Почаевничаете со мной?

— Спасибо. Мы подождем на улице вместе с бойцами, — ответил Ягодинок и кивнул Сергееву.

Ермолай прошел к столу капитана, взял вещевого мешок.

— Заодно и спецпропуска на машины заберите, — доставая из стола картонные пропуска с красной чертой, вымолвил капитан.

Ермолай взял и пропуска.

— Слышали последние новости с фронта? — спросил капитан.

Ягодинок отрицательно кивнул головой.

— Фашисты ведут ожесточенные бои у станции Мга, железная дорога на участке Ленинград-Волхов во многих местах разрушена. Питер, по сути, оказался в железнодорожной и автомобильной блокаде. Дальнобойная артиллерия фашистов сильно обстреляла и основательно разрушила Волхов, — тихо вымолвил капитан.

«Как же теперь я попаду в Ленинград?! — воскликнул Ермолай. — Как там наш банк? Сотрудники? Управляющий старик Коваль? Ох, как вовремя мы вывезли золото...».

После таких страшных новостей хмурые Ягодинок и Сергеев вышли на улицу...

* * *

*Кабинет Первого секретаря
Ленинградского обкома ВКП (б)...*

Жданову доложили о массированной атаке фашистской авиации на город Вологду и его пригороды. Именно через Вологду шли в Ленинград основные поставки продовольствия, топлива и всех других товаров и техники, столь необходимых полуосажденному городу. Шли через Вологду и обратные потоки, уже из Ленинграда, эвакуированных людей и заводов, больных и раненых...

«Сколько теперь потребуется сил, средств и времени наладить работу железнодорожного узла Вологды? — воскликнул партийный лидер. — И как это отразится на жизни Ленинграда?» — горестно призадумался...

Вдруг Жданов вспомнил, что где-то именно во время бомбардировки в Вологде должен был находиться состав с вагонами золота. А немцы ведь знали о вывозе золота!

«Возможно, именно из-за вагонов с золотом фашисты предприняли эту ужасную акцию!» — воскликнул Жданов и попросил секретаря соединить с полковником Шадриным...

Через некоторое время раздался твердый голос полковника.

— Слушаю вас, товарищ Жданов.

- Вы слушали о бомбардировке Вологды?
- Конечно.
- Я подумал...
- Вы хотели сказать о реализации операции «Элегия»?
- Да, именно это.
- Докладываю, груз убыл из города до того, как Люфтваффе начали безжалостно бомбить мирный город. Разумеется, зенитные системы и наша авиация тоже не спали, но действительно городу нанесен ощутимый урон, много погибших мирных жителей.
- Мда, как это все печально и скверно.
- Война есть война.
- Да. Спасибо за информацию, до свидания...

* * *

Вскоре подкатили два ГАЗона. Один легковой джип с брезентовым верхом, второй грузовик-полупортка. Оба они были зеленого цвета и внешне выглядели, как новые. Водителями оказались два брата, худые и болезненные на лицо Иван и Серафим Косолаповы. Им было по внешнему виду не более тридцати пяти лет. На вопрос Ягодинока «почему вы не на фронте?», старший Иван грубым голосом выдавил:

- Бронь у нас, мы на военном заводе работаем.
- Техника на ходу? — спросил Ягодинока.
- Самые лучшие и самые новые товарищ капитан, что были у нас на заводе, — пробасил Иван.
- Техника отлажена и отрегулирована, резина но-

вяк, баки залиты под завязку, — полудетским голосом бодро добавил Серафим.

— Оружие есть? — спросил Ягодинок.

Братся отрицательно закачали головами.

— Нам сказали, что нас командируют с военными на задание по перевозке груза. И что едем мы не на фронт, — выдавил старший.

— Не на фронт, — подтвердил Ермолай.

— А вы кто по званию будете? — осматривая его с головы до ног, спросил младший из братьев.

— Младший лейтенант.

Ягодинок и Сергеев не спеша обошли машины и остались довольны автомобилями.

Ягодинок сел на легковушку-джип к водителю Ивану, Ермолай — в кабину к Серафиму на грузовик. Рядовые Кузнецов и Широких забрались в кузов и расположились на матрасах. Обе машины легко завелись, первым тронулся джип, следом машина с Сергеевым...

* * *

Пермь, железнодорожный вокзал...

На перрон из Вологды прибыл пассажирский поезд, люди стали выходить из вагонов.

Вот, из одного вагона спустился пожилой, заросший мужчина с палочкой в одной руке и котомкой в другой. Прихрамывая и опираясь правой рукой на палочку, не спеша лавируя в потоке людей, он направился к зданию вокзала. К нему подошел милицейский патруль.

— Одну минуту, гражданин, — обратился уже в возрасте, с поцарапанным (вероятно, следы ранения) лицом старший лейтенант. — Предъявите ваши документы.

Заросший мужчина остановился, взглянул на хмурого старшего лейтенанта и двух рядовых-женщин с винтовками на плечах. Затем медленно переложил палочку в левую руку и достал из внутреннего кармана пиджака документы.

Взяв документы в руки, старший лейтенант принялся их придирчиво рассматривать.

— Так, — изрек медленно служивый, — значит, вы гражданин Титов.

— Да. А в чем дело?

— А что у вас в сумке? — вопросом на вопрос ответил офицер. — Что-то вы ее тяжело, с усилием несете.

— Так, ерунда всякая несерьезная, товарищ военный, — небрежно бросил заросший мужчина.

— Откройте-откройте, — грозно сказал офицер.

— Хорошо, начальник, — улыбнувшись, изрек заросший мужчина.

Он немного наклонился, опустил правую руку к сапогу. Дальше события развивались стремительно. В руке заросшего мужчины что-то блеснуло, возможно, нож. Он быстро махнул рукой по горлу старшего лейтенанта, вырвал из его рук документы и бросился в толпу людей. Из горла старшего лейтенанта фонтаном хлынула кровь, обе женщины-милиционера, выпучив глаза, истошно закричали. Еще через пару секунд старший лейтенант, обхватив горло руками, опустился на коле-

ни. Напуганные женщины-милиционерши продолжали голосить, а заросший мужчина исчез в вокзальной людской толчее...

* * *

Выехав из города, обе машины набрали хороший ход. Уже рассвело, на голубом небе не было ни тучки, погода вполне благоприятствовала дальней поездке. Серафим, рядом с которым располагался Ермолай, уверенно вел машину. Дорога была грунтовой, в целом ровной, правда постоянно виляла, от впереди идущего джипа порой поднимался столб пыли. По бокам тянулся смешанный лес и кустарник, кое-где виднелся заболоченный просвет, встречались небольшие речушки. Изредка им попадались встречные машины, чаще различные повозки, запряженные лошадьми. Ермолай раздумывал о предстоящих поисках слитков...

Примерно через час показалась деревня Ганьково, одиноко стоящая посреди леса и какая-то безлюдная, тихая, сонная. Машины быстро миновали деревню, при этом они с трудом объехали на узкой дороге три груженные снопами сена телеги и двинулись дальше на север. Ермолай незаметно задремал...

Проснулся от пронзительного воя самолета. Прямо над ними на небольшой высоте с ужасным гулом барражировали два немецких истребителя.

Водитель Серафим заматерился:

— Объявились с...

Послышалась пулеметная очередь, рядом просви-

стели пули. Ермолай убрал голову и инстинктивно сжался.

Но как-то неожиданно гул исчез, самолеты куда-то пропали.

— Где они? — высунув голову в раскрытое окно и, озираясь вокруг, спросил Ермолай.

— Сейчас зайдут в пике. Выскочат против нас по ходу и будут в упор расстреливать, один... джип, другой — нашу полуторку, — зло бросил водитель, озираясь по сторонам.

— А что нам делать, ждать, пока они нас прикончат? — риторически и громко бросил, явно растерявшийся Ермолай.

Внезапно оба самолета показались в метрах трехстах впереди машин. Они шли в боевом порядке на группу. Напряженно всматриваясь в них, Ермолаю показалось, что он увидел лицо одного летчика в шлеме и очках! По спине побежали мурашки, сердце лихорадочно стучало, в горле моментально пересохло...

— Держитесь крепче! — крикнул Серафим.

Ермолай едва успел ухватиться за ручку на передней панели, как машина вильнула сначала влево, затем вправо. Послышалась пулеметная очередь. Машина резко вывернула влево, подпрыгнула на придорожном рве и въехала в густой сосняк. Самолеты как-то резко и неожиданно исчезли из вида, пропал и их неприятный гул.

— Фу! Пока, кажется, пронесло! — изрек вспотевший водитель и беззлобно выругался.

— Почему пока? — задал вопрос Ермолай, рассмат-

ривая небо.

— Потому, что если фрицевская пара шла на задание, то она на него и полетит. Не будут они тратить время на нас. А если они находились в свободном полете, то непременно вернуться и добьют нас.

— Ты уже был под такими ударами?

— Приходилось, — ответил водитель и снова уже грубо выругался.

Фашистские стервятники не вернулись. Джип с Ягодиноком тоже выполнил удачный маневр и не пострадал от обстрела самолетов. И группа продолжила свой путь...

Примерно через два часа, как они миновали деревню Ганьково, возле небольшого озера джип Ягодинока остановился. Затормозила рядом и полуторка с Сергеевым. Ягодинок вышел из машины, потянулся, вышел и Сергеев.

— Привал. Полчаса на перекур и прием пищи, — бросил капитан, обозревая округу.

Все дружно и с аппетитом поели, поделились впечатлениями от налета. Ягодинок объявил благодарность братьям-водителям.

После приема пищи двинулись дальше. Небо как-то быстро заволокло темно-синими тучами. Вскоре пошел косой мелкий дождь, взялся и неприятный ветерок...

При въезде в город Лодейное поле машины остановил военный патруль. Ягодинок вышел из джипа, общался с патрульным пожилым лейтенантом, предъявил документы. Вдвоем они обошли обе машины и за-

тем подошли к патрульной будке. Чем-то недовольный лейтенант стал куда-то звонить. После звонка лейтенант и Ягодинок еще с минуту беседовали, в том числе и на повышенных тонах.

Наконец, группа двинулась дальше. Миновали сильно разрушенный немецкими бомбардировками, но живущий нормальной жизнью город, большой деревянный мост через реку Свирь. Дождик закончился, стали развеиваться и грозные тучи. Дорога стала более разбитой, с большими выбоинами и порой воронками от авиационных бомб. Стоящий стеной по бокам лес местами выгорел, голые черные стволы производили неприятное впечатление. Встречные машины и повозки стали встречаться гораздо реже. Справа от шоссе виднелась, при этом то появляясь, то исчезая, железная дорога...

Примерно через полтора часа показались пригороды города Олонец, места, уже частично знакомые Ермолаю. Быстро миновав слегка пострадавший от бомбардировок и практически пустой город, машины направились в сторону Ладожского озера...

* * *

Окрестности города Сокол Вологодской области...

Отъехав от Вологды сорок километров, состав, в котором находился вагон с золотом и теплушка сопровождения, остановился. Причина оказалась банальной, следующий часом ранее поезд столкнулся на неохра-

няемом переезде с грузовиком, груженым бревнами. В результате паровоз сошел с рельсов и утянул за собой пять вагонов. Оказались серьезно повреждены более ста пятидесяти метров железнодорожного пути, водитель грузовика погиб ...

Майор Истомина по радиации связался с комиссаром Голиковым и эмоционально доложил о создавшемся положении.

Генерал в сердцах выругался.

— Ох уж это наше русское разгильдяйство! Из-за одного р...я на пять-шесть часов перекрывается важнейшая магистраль страны?!

Когда они оба немного успокоились, генерал сообщил:

— В Перми засветился знакомый нам Титов, он же, как мы полагаем, агент Рэм. Его попытался задержать на железнодорожном вокзале патруль, но безуспешно. Разведчик зарезал начальника патруля и скрылся в неизвестном направлении.

— Раз Рэм объявился в Перми, то... — вымолвил в раздумье майор, — это значит, что он будет ждать нас именно там. Немцы не знают маршрута нашего настоящего передвижения.

— Да, — подтвердил генерал. — Но нельзя исключать и варианта просто бегства Рэма из Вологды. Куда он смог быстро удрать после своего преступления, туда он и удрал.

— Пожалуй. Чем занимается Абвер?

— Обычной своей работой...

* * *

После одного поворота шоссе неожиданно полностью перегородил полосатый шлагбаум. На дороге стояли пять или шесть солдат с винтовками во главе с капитаном внутренних дел. Капитан рукой приказал остановиться. Машины группы встали, Ягодинок и Сергеев вышли из машин и направились к капитану.

— Капитан Нечаев, — представился начальник патруля. — Попрошу предъявить документы.

Ягодинок, а затем и Сергеев передали документы. Внимательно рассмотрев их, капитан, заикаясь, выдал:

— Так... Капитан контрразведки Красной армии и младший лейтенант внутренних войск. Куда же это вы так дружно направляетесь? Неужели на финский фронт?

— В документах все указано, в данный момент мы находимся на спецзадании, — спокойно ответил Ягодинок.

— Тут у нас прифронтовая зона, всяких диверсантов, дезертиров, липовых партизан много бродит, вот поэтому мы и проверяем абсолютно всех, — изрек, сильно заикаясь, капитан.

— У нас разве документы не в порядке? — спросил Ягодинок.

— Вроде в порядке. Так, значит, вы утром из Тихвина выехали и куда следуете?

— На этот вопрос я вам не могу ответить, — грозно отчеканил Ягодинок.

— Не можешь, так не можешь. Придется мне маши-

ны ваши проверить и людей.

— Машины проверке не подлежат, — резко изрек Ягодинок.

— Так... Людей проверю твоих, капитан, — бросил капитан и направился к машинам.

Неспешная проверка продолжалась еще минут пятнадцать. И без того взвинченные Ягодинок и Сергеев стали изрядно и открыто нервничать, им хотелось до темноты добраться до места назначения и приступить к обследованию берега.

Ягодинок и капитан начальник патруля стали разговаривать на повышенных тонах.

— Вы мне срываете важнейшее задание, — возмутился Ягодинок. — Вы пойдете под трибунал!

— Это вас я... сейчас отправлю в комендатуру... — парировал, сильно заикаясь, капитан. — Вы, мне тут, понимаете ли, мешаете исполнять свои обязанности!

— Вы уже и так все проверили, а нам дорога каждая минута, — наседал Ягодинок.

В конце концов, после недолгих препирательств, группа тронулась дальше.

Чем ближе приближались к Ладогe, тем все более и более у Сергеева возрастало некое внутреннее беспокойство и напряжение.

«Найдем ли мы золото?» — спрашивал он себя уже в который раз.

В положительном исходе экспедиции он вовсе не был уверен.

Вот, наконец, дождались! Вдали на горизонте показалась долгожданная спокойная иссиня-голубая вод-

ная гладь и легкая, полупрозрачная белесая дымка над ней...

* * *

Окрестности города Сортавала...

Барон фон Шоммер получил по телефону нагоняй, если не сказать полный разнос, от шефа, адмирала Канариса.

— Что за расслабленность у вас, барон, — возмутился адмирал. — Вы до сих пор не знаете, где вагоны с русским золотом. Из Вологды они ушли, это очевидно, и под нашу массивированную бомбежку не попали. Так?

— По сообщению нашего агента из Вологды, так.

— Зафиксировали момент. Идем далее. В каких вагонах сейчас находится золото? Куда эти вагоны пошли, в каком направлении? Что сообщает ваша агентурная сеть?

Поскольку агентурная сеть не давала точных ответов на эти вопросы, то молчал и барон.

— Что вы молчите? — наседал адмирал.

— По нашим предположениям, три белых вагона закамуфлированы под темные товарные, — выдавил барон. — В ста километрах от Вологды на восток в городе Буй указанные вагоны не обнаружены.

— По предположениям, указанные вагоны!.. Это не язык разведчика! Позор! — продолжал возмущаться адмирал. — Я этого от вас не ожидал! Операция «Золотой трезубец» на грани позорного провала. А вы пьете

и не занимаетесь по-настоящему делами!

Еще никогда адмирал не позволял себе так разговаривать с бароном.

После разговора в ужасном настроении барон решительно опрокинул очередную рюмку коньяка...

* * *

Джип Ягодинока затормозил, остановилась рядом и полуторка с Сергеевым. Капитан вышел из машины, прошел немного вперед, осмотрелся. Достал из сумки планшетку карту и положил ее на капот машины.

Вышел из машины и Ермолай, в груди его все клокотало и бушевало.

«Надо успокоиться и собраться с мыслями, — приказал он себе. — Наступил, возможно, самый важный момент в моей еще... достаточно короткой жизни. Как говорится, или пан, или пропал...».

Взглядом окинул местность: спокойная водная гладь без единого судна на всем обозримом горизонте, немного изрезанная береговая линия была метрах в тридцати, примерно в десяти метрах от берега шла колея железной дороги, еще выше, где-то в пятнадцатидвадцати метрах проходило шоссе, на котором они и находились. Сушу покрывала растительность, деревья: ельники, сосны, липы, изредка березы, кустарники, да слегка пожухлая трава и зеленый мох. Кое-где растительность спускалась до самого берега. Виднелись гряды серых и коричневых камней, да одинокие темные валуны. Над головой было чистое, безветрен-

ное небо.

Ермолай подошел к капитану, вместе они стали рассматривать карту местности.

— Вот смотри, маллей, — показывая карандашом на точку на карте, вымолвил капитан, — здесь мы сейчас находимся. Железная дорога идет вдоль берега до села Видлица, это почти пятнадцать километров. Получается, на всем этом участке мы и должны искать. Так?

— Я думаю, искать надо от места, где мы находимся сейчас, на протяжении пяти-семи километров, — рассматривая карту, ответил Ермолай.

В это время солдаты и водители вышли из машины и направились в кусты.

— Далеко не отходить! — громко крикнул в их сторону Ягодинок. — Перекур пятнадцать минут, — и уже обращаясь к Сергееву, тихо спросил. — Расскажи, как у тебя тогда дело было?

Ермолай кивнул.

— На станции Волхов, когда вы с солдатами, а также Чивавой и трупом Мхитаряна ушли в комендатуру, ко мне подошла Ципок. У меня тогда голова шла кругом от всего, что происходило. Она сказала, что дорога до Вологды займет примерно десять часов, и что я могу спокойно покушать и поспать. Налила мне полстакана коньяку, я выпил, ну чем-то закусил и почти сразу полностью отрубился.

— Ты говорил, что она подмешала тебе снотворное?

— Ну конечно подмешала, я спал, как труп, и проспал бы до самой Финляндии.

Ягодинок усмехнулся.

— Ципок вместе с золотом хотела представить своим шефам-командирам и его хранителя, чтобы ты подтвердил, откуда это золото и что оно настоящее. Потом тебя как ненужного свидетеля, разумеется, убрали бы.

О таком печальном для себя варианте Ермолай ранее вовсе не думал. Он-то сам решил, что просто понравился капитанше, и поэтому она сохранила ему жизнь.

Не показывая своего замешательства, Ермолай продолжил:

— И проснулся я только потому, что грохнулся с полки на пол. Это случилось, когда после выгрузки ящиков поезд снова резко так тронулся с места. Мы еще какое-то время проехали, — вспомнил пьяную Ципок, как убил майора Мухеля, как пробирался по крыше вагонов, как убил машиниста и остановился состав. — Возможно, километров пять, пока не показались окраины Видлицы.

— Теперь мне кое-что ясно, — бросил капитан. — Место ты это хорошо запомнил?

— Конечно, — решительно изрек Ермолай. — Когда я поднялся с пола и выглянул в окно, то увидел наклоненную над водой большую стройную березу, рядом черный валун...

Глава 12

*Лондон, штаб-квартира королевской
службы английской разведки...*

После интенсивных поисков МИ 6 нашла замену погибшему Джулиану Карригану в России. Им оказался майор Гор, аналитик из исследовательского восточного отдела ведомства, почти в совершенстве знавший русский язык. Он имел за своей спиной богатый послужной список разведчика. Министерство иностранных дел Королевства отнеслось к кандидатуре разведчиков безразлично, автоматически включив его в свой посольский штат в Москве.

Пол Гор весьма активно включился в работу: проштудировал имеющийся материал по российскому направлению, пообщался с коллегами по управлению, поднял и дипломатический материал.

Перед отправкой в Россию на встрече с шефом британской внешней разведки Гор спросил, следует ли искать настоящих убийц Карригана? Будучи политиком, шеф ответил пространно и весьма уклончиво, фактически предоставив Гору полную свободу действий...

* * *

Ягодинок взглянул на небо, потом на свои наручные часы, что-то прикинул в уме. Внимательно всматриваясь в лицо Сергеева, в раздумье вымолвил:

— Часа два до темноты у нас есть, можно будет

полазить по берегу. Диспозиция будет такая: машины с одним бойцом, для охраны, проедут вперед на километр-полтора и встанут. Мы с тобой пойдем по берегу в сторону Видлицы и будем искать золото. Один боец будет находиться недалеко от нас и наблюдать за обстановкой. Согласен?

— Да, — ответил Ермолай.

Ягодинок выдал подробные указания водителям и бойцам, особо обратив внимание на бдительность.

После этого Ягодинок и Сергеевым двинулись к берегу озера...

* * *

*Северное побережье Ладожского озера,
акватория порта города Лахденпохья...*

У деревянного пирса находилось несколько небольших катеров и с десятков разнокалиберных лодок.

На одном маломерном катере вели подготовительные работы, очевидно, перед отплытием, двое серьезных мужчин. Из небольшого приемника лилась веселая, энергичная немецкая песенка.

— Койво, — вымолвил по-немецки чернявый крупный мужчина, — ты не забыл прихватить гранаты?

— Нет, Карл, не забыл, — ответил второй, более старший по возрасту мужчина и менее габаритный. — Хотя, хотелось бы сделать дело и без их участия.

— Хотелось бы, — подтвердил крупный муж-

чина. — Но нужно быть ко всему готовым. Как русские говорят, осторожного и предусмотрительного бог бережет.

— Положим, они говорят несколько по-другому, но мысль, в принципе, правильная.

— Не придирайся, дружище Койво.

— Не буду, Карл. Тем более что нам с тобой предстоит серьезное дело. Отходим через двадцать минут. Давай еще раз все внимательно проверим перед дорогой.

— Давай...

* * *

Ермолай опустил ладони рук в воду, вода показалась весьма прохладной.

— Температура воды в это время плюс четырнадцать-пятнадцать градусов, не больше, — бросил стоявший рядом Ягодинок. — Я полагаю, нам купаться не придется. Честно говоря, не хотелось бы.

— Думаю, не придется, — согласился Ермолай. — Немцы наверняка быстро составили ящики в какую-нибудь ямку на самом берегу и поехали дальше в свою Финляндию.

— Пойдем искать эту ямку, — бросил капитан. — Кстати, там впереди не видно твою березу?

Ермолай окинул взором береговую линию и ответил:

— Пока не вижу.

Осматривая береговую линию, они двинулись вдоль берега. Выше их по берегу метров на десять следовал боец.

Через тридцать-сорок минут Ягодинок и Сергеев вышли на песчаный, примерно пятисотметровый пляж. К этому времени они прошли вдоль берега, осматривая его, уже более километра, возможно, и все полтора.

Пройдя большую часть пляжа, Ягодинок и Сергеев увидели следующих им навстречу на конях по железнодорожному полотну троих всадников. До них было где-то метров пятьдесят-шестьдесят, может, немногим более. Ягодинок, следом и Ермолай достали пистолеты, сбросил с плеча винтовку и следующий невдалеке боец. Кони шли пешей, неспешной походкой.

Вскоре стало определено ясно, всадниками являлись вооруженные мужчины в штатской одежде.

— Внимание, — прошипел Ягодинок, — нам сейчас приключения совсем ни к чему.

Сергеев мысленно с ним согласился.

— Вы кто такие? — раздался со стороны троицы мужской, хрипато-надрывный голос.

— Бойцы Красной армии, — крикнул Ягодинок. — А вы кто?

— Бойцы партизанского отряда имени Котовского. Что вы делаете на нашей территории?

Троица приблизилась, и их можно было уже неплохо рассмотреть. Двое мужчин оказались молодыми парнями, третий, крупный такой, был уже в возрасте. Парни держали в руках винтовки, мужчина в возрасте — немецкий автомат, на груди его висел бинокль.

— Это земля Советского Союза, — бросил Ягодинок.

— А партизанские отряды действуют на оккупированной фашистами территории.

В одном из молодых «партизан» Ермолай с удивлением узнал... Виктора Вьюгина! Того самого парня, который приходил в дом к Иринке Лазо!

Очевидно, Виктор тоже узнал Сергеева.

Кивая ему и улыбаясь, Виктор весело крикнул:

— Ха! Никак старый знакомый! Кажется, Сергеев Ермолай пожаловал в наши края. Скажи-ка, брат, где сейчас Ирочка Лазо находится?

— Она сейчас у своей матери в Москве, — ответил Ермолай.

— Какие такие партизаны? Это же настоящие бандиты, — тихо шепнул Ягодинок. — Но вступить в бой с ними нам сейчас ни к чему.

О чем-то переговаривалась между собой в свою очередь и конная тройца.

— Виктор, — крикнул Ермолай, — я предлагаю разойтись мирно. Вы идете своей дорогой, мы своей. Идет?

— Наверху, на дороге ваша техника? — спросил Виктор.

— И техника, и бойцы наши, — ответил Ермолай. — Итак, — продолжил с нажимом, — вы идете своей дорогой, мы своей.

— А что вы здесь в натуре делаете? — спросил Виктор. — Купаетесь? — и громко хохотнул.

— Мы находимся на специальном задании. И если вы нам помешаете его выполнить, то пойдете под трибунал, — строго изрек Ягодинок.

— Сразу так под трибунал, — весело повторил Виктор.

Между тем, троица, активно жестикулируя и матерясь, о чем-то бурно пообщалась.

Затем Виктор весело бросил:

— Строгий у тебя командир, Ермолай. Ну, да ладно, мы же советские люди, разойдемся мирно, бывайте. Передавай привет Иринке, классная она девчонка.

После этих слов троица двинулась дальше.

— Если увижу, то твой привет обязательно передам, — крикнул в ответ Ермолай. — Бывайте и вы.

Медленно двинулись своей дорогой на север в сторону села Видлицы и Ягодинок с Сергеевым, а также боец. Вскоре пути обеих групп, на расстоянии примерно десяти метров, пересеклись. Поскольку доверия друг к другу в данной ситуации не могло быть, то все мужские лица, как и нервы, были напряжены. Конная троица «партизан» спокойным шагом проследовала на юг...

* * *

Восточное побережье Ладожского озера...

Конная троица завернула за бугорок. Старший из троицы, крупный, сутулый и хмурый мужчина спрыгнул с коня, за ним последовали и молодые парни.

— Надо было их мочить, Сутулый! — обратился к старшему по возрасту мужчине молодой рыжеволосый парень.

— Хоть и есть двадцать годков тебе, Ржавый, а ума ну несколько не набрал, — недовольно хрипато, надрывно бросил Сутулый и грязно выругался.

Он передал поводья лошади Ржавому, а сам прилег на траву и стал рассматривать в бинокль побережье озера.

— Да мы бы их запросто замочили, барахло бы забрали, машины, — не унимался Ржавый.

— Это бабушка надвое сказала: или мы их, или они нас. Они ведь военные. А если у них в машине пулеметы есть? — вымолвил Сутулый и смачно плюнул. — Я, например, еще пожить хочу. Даже если бы мы их и кончили. А если за ними следуют еще рота военных? Ты подумал о последствиях, дурья твоя башка? А сейчас мы живы и здоровы. Все, замолкни, Ржавый, не мешай думать. Иди лучше лошадей выведи покормиться.

Явно недовольный Ржавый смачно сплюнул. Бубня что-то себе под нос, взял за поводья трех лошадей и повел к небольшой полянке. Второй молодой парень прилег рядом с Сутулым.

— Скажи, Витек, этот твой знакомый Сергеев, что за фрукт? — спросил Сутулый.

— Да в общем-то ничего парень, питерский. Во время нашей последней встречи в доме Ирки Лазо запросто мог грохнуть меня, но не стал это делать. А что?

— Я вот думаю, что эта группа военных в такое время может делать в этих пустых местах?

— Хрен их знает.

— Вот-вот. А надо узнать, может быть, это что-то интересное будет для нас. А?

— А как узнать-то?
— Вопрос, конечно, интересный, — оторвавшись от бинокля, улыбнулся-оскалился Сутулый. — Ну, вот пока понаблюдаем за ним из бинокля, — передал бинокль парню. — Поглазей, пока не стемнеет, — кашлянул в кулак. — А я чуток курну травки ...

* * *

От места встречи с конными «партизанами» Ягодинок и Сергеев отошли метров на пятьсот. Строенной березы с черным валуном они так и не встретили. Стало смеркаться, с озера потянуло прохладой, появился и сизый туман над водой.

— Плохо, если нам тут на берегу придется ночевать, — озабоченно медленно вымолвил Ягодинок. — Ночами в эту пору здесь уже достаточно холодно. Да и эти гады-партизаны, — беззлобно выругался, — могут что-нибудь выкинуть. С них станет.

— А вы, товарищ капитан, воевали в этих местах в финскую войну? — спросил Ермолай.

— Воевал, брат, был даже ранен, ногу чуть не потерял, — нехотя ответил капитан.

Ермолай остановился, в метрах тридцати впереди он увидел наклоненную над водой строенную березу, рядом — темный валун. Невдалеке проходила железнодорожная колея.

— Вот то место! — воскликнул радостно.

— Тихо и спокойно, брат, — бросил Ягодинок. — Как ни в чем не бывало подходим к нему.

Они подошли к миниатюрной бухточке, на берегу которой примостилась старая береза и рядом черный валун почти в рост человека. Внимательно всматриваясь в воду, стали обследовать бухту. Вскоре Ермолай заметил под водой прекрасно знакомые ящики. Они были частично засыпаны камнями.

— Вот они, родные наши ящики, — тихо и радостно вымолвил Ермолай, считая ящики. — Один к одному, десять штук.

Подошел Ягодинок и вымолвил:

— Прекрасно! Соблюдаем осторожность, ведем себя тихо и незаметно. Вот только все слитки здесь?

— Я уверен, что все. Ведь слиток весом в двенадцать килограммов так просто в карман не положишь и не унесешь.

— Пожалуй. Но ты все посмотри внимательно.

— Да я по внешнему виду и весу ящика определю, все ли слитки на месте, — радостно изрек Ермолай.

— Хорошо, ты же спец в этом деле. Сейчас, Сергеев, иди к машинам, пусть полуторка подъедет как можно ближе к берегу. А я пока очищу ящики от камней.

— Вы их не тягайте один, — сказал Ермолай, — они весят по шестьдесят одному килограмму, да и намокли они наверняка, потянут и того более.

— Давай иди, — бросил Ягодинок. — Только поставьте машину так, чтобы потом с грузом можно было выехать.

— Понял-понял...

* * *

Восточное побережье Ладожского озера...

Виктор Вьюгин лежал на траве и смотрел в бинокль на береговую линию. Рядом развалился Сутулый, ворюголовник с тремя ходками, курил дурь и в полузабытье раздумывал о своем житие-бытие. В целом неплохо он устроился в Видлице. Власти полноценной в селе не было, зато жратва была, выпивка тоже, были и бабы, охочие до мужских ласк. Были и подручные, управляемые молодые парни. Но вот надолго ли все это? Да и финны с немцами рядом. Может, уже стоило валить из этих мест?

— Сутулый! — воскликнул Виктор. — Военные у черного валуна достают из воды какие-то ящики и таскают их на грузовик.

Сутулый отвлекся от своих приятных раздумий и вернулся на землю. Нехотя затушил папиросину и придвинулся к напарнику, бросив при этом недовольно:

— Не гони волну. Ну-ка, дай-ка мне бинокль.

Из бинокля Сутулый стал наблюдать за действиями военных.

— Темнеет уже, да и туман тянет с озера, плохо видно, — протирая рукой бинокль, недовольно выдавил Сутулый.

— Что можно держать в воде? — меж тем размышлял вслух Виктор. — Ну, тушенку и консервы всякие, оружие. Деньги точно нельзя, промокнут и разложатся.

— Главное, чтобы мы не разложились, — грязно ругаясь, зло выдавил Сутулый.

— Мы их будем брать? — спросил Виктор.

— Ты что, такой же дурак, как и твой Ржавый? — недовольно рявкнул Сутулый.

— А что мы тогда будем делать?

— Так, все, — наблюдая в бинокль, резко вымолвил-отмахнулся Сутулый. — Вояки закончили погрузку, собираются отчаливать. Иди за Ржавым и лошадьми, сейчас поедем посмотрим, что там брали вояки. Может, они что-то и нам оставили. Потом и решим, что делать дальше...

* * *

После окончания погрузки десяти ящиков, Ягодник дал команду быстро отправляться.

— Надо как можно быстрее уехать из этих «партизанских» мест, — вымолвил капитан. — Да и доложить о нашей находке майору Истомину надо как можно быстрее. Ведь наши командиры переживают. А это можно сделать из комендатуры города Олонец.

Ермолай находился просто на седьмом небе, ведь он нашел пропавшее золото!

— Товарищ младший лейтенант, — когда они тронулись в путь, обратился водитель Серафим. — А что мы такое загрузили?

— Есть такая поговорка: чем меньше знаешь, тем легче спится и живется, — весело бросил Ермолай.

— Да я понимаю, что мы не игрушки везем, — усмех-

нулся водитель. — Просто я вот смотрю, вроде ящиков загрузили немного, а груз-то оказался тяжелый. Вон рессоры просели капитально и движок с напругой крутит.

— Твоя машина выдюжит такую нагрузку?

— Должна.

— Вот и хорошо, — довольно улыбаясь, изрек Ермолай. — Давай, не отставай от джипа твоего брата ...

* * *

Восточное побережье Ладожского озера...

Трое всадников-мужчин на конях подъехали к строенной березе и черному валуну. Уже было темно, от воды тянуло прохладой и туманом.

Все трое дружно соскочили с коней.

— Так, значит, Ржавый, — передавая парню уздечку от коня, строго и хрипато-надрывно выдавил Сутулый. — Бери коней, отойди метров на десять и смотри в оба.

— А что я опять, пусть лучше Витек постоит на стреме, — изрек молодой парень.

— Цыц!

В это время с озера вдруг раздался приглушенный звук мотора, очевидно, катера.

— Тихо, — прошипел Сутулый. — Давайте все за валун.

— Это может катер Ладожской военной флотилии, военные делают обход, — предположил Витек.

— Может, все может. Тихо, лучше смотри в оба, —

прошипел Сутулый и выругался.

Из тумана стали показываться контуры небольшого, медленно идущего темного катера. На носу его стоял мужчина с немецким автоматом на груди и всматривался в берег. Вот он что-то сказал, ветер отнес к берегу обрывки немецких слов.

— Фрицы, — выдавил Ржавый.

— Тихо, — прошипел Сутулый и грязно выругался. — Возьми его своей берданкой на мушку, ты, Витек, тоже.

Без опознавательных огней и флагов катер медленно, крадучись приближался к берегу. Показался второй мужчина, он находился за штурвалом катера. В напряженной тишине неожиданно громко послышалось лошадиное ржанье.

— Кто там? — крикнул мужчина на корме катера и направил в сторону валуна автомат.

Раздался выстрел из винтовки. Мужчина с автоматом согнулся и выпустил очередь в сторону валуна. Прозвучал еще один одиночный выстрел, затем второй. Мужчина с автоматом упал в воду. В это время второй мужчина с катера метнул в сторону валуна гранату, следом вторую, третью и четвертую. Послышались взрывы, крики и вопли людей, истошный визг и ржанье испуганных лошадей.

Катер внезапно скрылся в тумане, на берегу через минуту воцарилась тишина. У валуна распластались в разных позах три исковерканных мужских тела, невдалеке две лошади в лужах крови. Третья, с разорванным животом и выпавшими кишками, медленно, возможно из последних сил, брела в сторону дороги...

* * *

Спустилась уже полная ночная темнота, когда группа прибыла в город Олонец. Машины остановились у здания отдела НКВД. Ягодинок направился в здание, все вышли из машины на перекур.

Сосредоточенный капитан вернулся минут через десять. Подойдя к Сергееву, он тихо выдавил:

— Истомин нас поблагодарил за находку груза. И приказал немедленно двигаться по маршруту: Вытегра — Каргополь — Няндомы.

Ермолай мысленно вспомнил уроки географии и указанные населенные пункты, находящиеся в лесной и болотистой местности.

Обращаясь ко всем, капитан громко изрек:

— Так, внимание! Сейчас ужин, через полчаса отправляемся на город Вытегра, это около ста пятидесяти километров. Там и заночуем. Всем все ясно?

— Дорога туда плохая, доберемся часа через три, а может, и более по ночи-то, — хмуро выдавил водитель Иван. — Может, здесь заночуем? А, товарищ капитан? Устали мы.

— Нет, — жестко отрубил Островой. — Отдыхать будем после победы. Отправляемся через полчаса...

* * *

Станция Няндомы, Архангельской области...

На станции состав с золотом задержался по техническим причинам на два часа. Майор Истомин доложил своему шефу, комиссару Голикову о ходе операция «Элегия».

— Ох, какой молодец этот банковский хранитель Сергеев! — воскликнул весело генерал. — Можно сказать, нашел иголку в стоге сена! Молодцом, молодцом!

— Нужно будет его поощрить после окончания операции, — предложил майор.

— Вот закончим успешно операцию и обязательно поощрим, — пообещал генерал. — Работа по доставке в Молотовск дополнительной, то есть недостающей партии груза, в полном разгаре.

— В свете успешных поисков может ее приостановить? Ну, или хотя бы отправить только один слиток?

— Нет-нет, майор. Пусть идет все своим ходом, пусть контора Госбанка поработает.

Далее генерал дал некоторые вводные майору и пожелал счастливой дороги...

* * *

Машины группы покинули сонный Олонец и взяли курс на юго-восток. Дорога действительно оказалась плохой, ухаб на ухабе, виднелись и следы бомбежек. Джип Ягодинока набрал приличную скорость. Находящийся рядом с Сергеевым водитель Серафим в сильном напряжении смотрел на дорогу, то и дело протирал гла-

за рукой. Ермолай не позавидовал водителям. Его тоже клонило ко сну, но он старался держаться бодро, при этом изредка словом подбадривая водителя.

Вдруг перед стеклом на какие-то доли секунды возникли два глаза, через мгновение послышался удар.

Ермолай вздрогнул и спросил:

— Что это было?

— Молодая, бестолковая, скорее всего, болотная пятнистая сова вышла на охоту, — ответил водитель, выругался. — Стекло изгадила.

Ермолай вспомнил, что в последний раз видел этих красивых и гордых птиц в зоопарке Ленинграда. Горестно вымолвил:

— Жаль птичку. Наверное, она погибла от столкновения.

— Ну, если не сразу погибла, то умрет потом от ранения, — бросил небрежно водитель. — Их тут видимо-невидимо...

Через час проскочили мост через реку Свирь и уже спящий, темный город Лодейное поле. Дорога повернула на северо-восток и стала еще хуже...

* * *

Лахденпохья...

Койво Вилорайнен без приключений добрался до пристани Лахденпохьи. Всю дорогу он ругал себя последними словами, что поддался уговорам оберлейтенанта Ригеля и отправился за русским золотом.

Ведь изначально на поездку с ним договаривался майор Мухель. А прибыл Карл Ригель, сообщил, что Мухель мертв, и предложил организовать поездку. Конечно, главным аргументом за поездку к Восточному побережью Ладожского озера, стали обещанные Ригелем хорошие деньги. А что получилось в итоге: ни денег, ни Ригеля и одна головная боль. Да еще неизвестно, какие будут последствия...

Теперь Койво предстояло принять непростое решение, что делать дальше. Он являлся двойным агентом (работал на немецкий Абвер и финскую военную разведку, сокращенно — ОС) и обязан был доложить своим начальникам. Но вот что только докладывать? Были на рыбалке и нарвались на русских? Но об этом инциденте как немецкая, так и финская разведка рано или поздно узнает, если уже не знает. Да и Ригеля, возможно, русские опознают. А за дезинформацию я могу получить по полной...

Дома Койво с горя изрядно напился и завалился спать...

На следующий день он решил сообщить своим начальникам правду о ночной прогулке: сначала о договоре с Мухелем, затем о поездке с Ригелем и его гибели во время боя с русскими. При этом, разумеется, Койво свалил на обер-лейтенанта всю ответственность за произошедшее и не сообщил об обещанном ему гонораре...

* * *

Полуторка с Сергеевым едва-едва поспевала за джипом Ягодинока. Машину порой бросало из стороны в сторону, то подбрасывало вверх. Ермолай переживал за цельность ящиков с золотом. По бокам шоссе тянулся нескончаемый лес, лес, лес...

Фары машины высветили в темноте табличку:

Подпорожье

— Это что за Подпорожье? — спросил Ермолай и взглянул на усталое, осунувшееся лицо водителя.

— Городишко маленький в Ленинградской области, — нехотя выдавил Серафим, сплюнул и зло добавил. — Нехороший городишко, бандитский городишко, тюрьма здесь большая, пересылка и ссыльная зона. Миновать бы его без приключений.

Сонный город с узкими, кривыми улицами они быстро миновали.

За городом пошла какая-то низина, завывал ветер, машину покачивало из стороны в сторону.

— Это низкое болотистое место разгуляй-полем называется, — выдавил водитель.

— Почему? — спросил Ермолай.

— Гиблое место. Тут вечно дует ветер, то с Ладоги (Ладожского озера), то с Онеги (Онежского озера).

Через некоторое время они снова оказались в лесных зарослях. Ермолай стал дремать.

Внезапно машина резко затормозила, Ермолай чуть не ударился головой о лобовое стекло. У впереди сто-

ящего джипа открылась боковая дверь, и на подножке показался Ягодинок с пистолетом в руке.

— Впереди завал, — повернувшись лицом к машине Сергеева, бросил капитан. — Давай, маллей, бери бойца и двигай разбирать его. Только соблюдайте бдительность, может, здесь, как и на Ладогe, тоже водятся какие-нибудь партизаны.

Сергеев выскочил из машины, бросил:

— Понял, товарищ капитан, — и, обращаясь к находящимся в кузове бойцам, изрек. — Рядовой Широких, бери винтовку и ко мне. А ты, Кузнецов, смотри тут в оба.

Сергеев достал из кармана револьвер, они с рядовым прошли к джипу Ягодинока. В свете фар джипа, буквально перед его носом, на дороге лежала гора веток деревьев.

— Только будьте осторожны, — бросил капитан, — там возможны мины и растяжки.

— Да это просто ветер оборвал ветки с деревьев, — предположил высунувшийся из джипа водитель.

Сергеев и рядовой медленно подошли к веткам и стали их осторожно оттащить в кювет. Оглядываясь по сторонам, Ермолай ничего подозрительного не заметил. Через восемь-десять минут дорога оказалась полностью очищенной от веток, никаких мин обнаружено не было.

— По машинам! — громко скомандовал Ягодинок.

Через минуту группа двинулась дальше...

* * *

*Берлин, министерство
иностраннных дел Германии...*

Риббентроп только что прибыл с совещания по вопросам развития народного хозяйства страны, которое проводил сам Гитлер. Обычное рутинное мероприятие, кои проходили с началом войны с Россией чуть ли не ежедневно. В конце совещания Гитлер поставил задачу более интенсивного использования в интересах Третьего рейха материальных ценностей захваченных стран и территорий. В качестве позитивного примера фюрер назвал деятельность в этом направлении гауляйтера Восточной Пруссии Эриха Коха...

Через секретаря Риббентроп пригласил полковника Шульца, возглавлявшего отдел по перемещению ценностей с восточного направления.

Полковник прибыл с неизменной черной папкой. Безусловно, он знал о состоявшемся совещании и его тематике. Поэтому сразу представил шефу обновленный каталог ценностей, захваченных сотрудниками министерства в странах Восточной Европы.

— Фюрер поставил задачу активизировать работу, которой занимается ваш отдел, — вымолвил Риббентроп.

Полковник по-военному четко кивнул головой и щелкнул каблуками.

— Есть ли новости по Рэму? — спросил Риббентроп.

— Никак нет. Дипломатические представительства пока молчат, поиски продолжаются.

— Что с преемником Рэма?

— Я предлагаю на ваше рассмотрение две кандидатуры, это помощник Рэма подполковник Грайс, рабочий псевдоним Мигель, и мой заместитель, полковник Зуман, он же Оскар.

— Оставьте их досье, я посмотрю и подумаю, — бросил Риббентроп.

Шульц достал из своей черной папки меньших размеров серую папку и вручил шефу.

— Можете быть свободны, — вымолвил Риббентроп.

Полковник щелкнул каблуками и вышел. А хозяин кабинета подошел к приемнику и включил его. Через пару секунд из динамиков послышалось величественное музыкальное произведение Баха в исполнение органа. Риббентроп сел в кресло и задумался. Судьба Рэма, несмотря на его предательство, по-прежнему интересовала рейхсминистра. Ему было определено ясно, что в России Рэму сегодня нет адекватной замены. Так, его бывший помощник подполковник Грайс, безусловно, знает Россию, но он всего лишь хороший исполнитель и слабый организатор. Полковник Зуман в Польше и Прибалтике проявил себя как умелый, самостоятельный специалист, но зато он слабо знает Россию... А что, если их соединить вместе? Скажем, Зуман — резидент, Грайс — его помощник? И делать это надо незамедлительно. Ведь новый резидент Зуман будет работать без какого-либо дипломатического прикрытия. И его еще предстояло каким-то образом переправить в Россию, притом в самое ближайшее время.

Риббентроп по телефону отдал Шульцу соответству-

ющие указания.

— Разрешите для заброски резидента использовать южный коридор? — спросил полковник.

— Разрешаю. Только сделайте это как можно быстрее...

* * *

Неимоверно сильно хотелось спать. Ермолай пытался на чем-то сосредоточиться и не думать о сне. Внезапно в памяти всплыл образ Ципок, в хорошо подогнанной военной форме, улыбающейся, но с неизменно холодными глазами.

«И все-таки, она интересная, неординарная личность! — воскликнул Ермолай, вспомнил ее обнаженную, секс с ней. — Изумительная женщина! И, видимо, я ее никогда не забуду...».

Попытался думать о чем-то другом, но это плохо получалось...

В первом часу ночи показались жидкие огни города Вытегры. Ермолай и водитель держались из последних сил, ужасно сильно хотелось спать.

При въезде в город их группу тормознул милицкий патруль. Ягодинок вышел из машины и направился к патрульному сержанту. Переговорив с ним буквально пять секунд, капитан быстро заскочил в свой джип, и группа тронулась в путь.

Через пять-семь минут джип Ягодинока затормозил у двухэтажного здания районного отделения НКВД. Следом остановилась и машина Сергеева. Ягодинок

быстрым шагом направился в райотдел. Ермолай и водители вышли из машин, спрыгнули с кузова грузовика и два бойца.

Ягодинок появился через пять минут весь какой-то взъерошенный и озабоченный.

— Что-то случилось? — спросил Сергеев.

Капитан взял за локоть его, отвел немного в сторону и тихо вымолвил:

— Наши планы в очередной раз меняются. Сейчас мы едем в речной порт города и выгружаем на теплоход груз. Далее вместе с двумя бойцами следуем теплоходом по Волго-Балтийской водной системе в порт города Рыбинска.

Видя удивленное лицо Сергеева, он бросил:

— Да, брат, это приказ...

* * *

Москва, штаб-квартира Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной армии...

Комиссар Голиков получил хорошие известия от майора Истомина: недостающая партия золота в шестьсот килограммов найдена. Комиссар подготовил доклад о ходе операции «Элегия» для своего начальника, Наркома обороны и отправил его с курьером.

Более скупой и сухой доклад он подготовил для Берии. Этот доклад Голиков решил доставить сам...

Лубянская площадь, штаб-квартира НКВД...

Берия быстро прочитал представленный доклад. Затем взглянул на Голикова и вымолвил:

— Спасибо. Когда вы думаете задержать немецкого агента Рэма?

— В течение недели. Если за это время его не убьют или тайно не вывезут в Германию его бывшие хозяева или в Англию.

Видя недоуменный взгляд хозяина кабинета, Голиков добавил:

— Мы не сомневаемся, что ведомство Риббентропа усиленно ищет Рэма. И они могут нас опередить. Кроме этого, его скорее всего будут искать и англичане, они наверняка вычислили, кто убил Карригана.

— Да, резидент Риббентропа нам бы мог многое сообщить, — хитро улыбнувшись, медленно вымолвил хозяин кабинета.

— Вы правы, товарищ Берия...

Глава 13

Пермь...

На стульях за накрытым столом располагались двое мужчин в возрасте. Один невзрачный, лысый, плохо выбритый, на месте его левой руки болтался пустой рукав рубашки. Второй с богатой черной шевелюрой, гладко выбритый и весь такой ухоженный и солидный.

Им был Рэм, или в данный момент гражданин Титов. Рэм вполне резонно решил, что Риббентроп не станет быстро спускаться по агентурной сети в России информацию о его предательстве. Это он поручит сделать новому резиденту в России. Зная бюрократический стиль работы бывшего шефа, новый резидент объявится в России не скоро. Поэтому Рэм смело пришел к своему агенту по кличке Папирус, проживающему в Перми и работающему на железнодорожной станции. Рэм решил использовать агента в своих личных интересах. Зная из досье, что Папирус падок на выпивку, он пришел с водкой и закуской.

— Богато живете, — кивая на бутылку и облизываясь, выдавил хозяин. — Мы тут дрянным самогоном обходимся, — быстро накрывал стол.

— На жизнь не жалею, — скромно изрек гость. — Как там на станции? Что слышно?

— Все, как обычно.

Мужчины выпили.

— Ты говоришь, никаких особых мер на станции Пермь в эти два-три дня не предпринималось? — закусывая водку салом, спросил Рэм.

— Утверждаю определенно и точно, нет, не предпринималось. Все у нас как обычно, суета, толкотня и бестолковщина, — жуя огурец, ответил Папирус. — А что за шухер такой?

Агент Папирус, бывший уголовник, собственно именно поэтому он и был завербован. Рэм спокойно ответил:

— В самое ближайшее время к вам на станцию дол-

жен прийти состав, в котором будут находиться три интересных нам вагона.

— Что за вагоны, что в них интересного и как их найти? — быстро спросил Папирус.

— Одно могу сказать определенно, — медленно вымолвил Рэм, — эти вагоны будут усиленно охраняться. Если мы найдем эти вагоны и вскрыем, — улыбнулся, — гарантирую, навар будет отменный.

Папирус сверкнул глазами.

— Я только за...

* * *

Вслед за джипом полуторка затормозила у слабоосвещенного, безлюдного деревянного пирса. В окно машины Ермолай увидел контуры двухпалубного теплохода под названием «Степан Разин».

— Сергеев! — крикнул уже стоявший на пирсе капитан Ягодинок. — Организуй охрану и выдвигайся за мной.

Через минуту Ягодинок и Сергеев находились в рубке теплохода на второй палубе. Капитаном судна оказалась полная и грозная на вид женщина примерно сорока-сорока пяти лет с папиросиной во рту. Она явно недовольно с головы до ног осмотрела мужчин, бросила папиросину в урну.

— Из-за вас мы задержались здесь на семь часов! — с негодованием и пеной у рта грозно изрекла капитан. — А у нас на борту раненые с Ленинградского фронта, в том числе тяжело...

— Мы участвуем в государственно-важной операции, — решительно и строго прервал недовольную женскую тираду Ягодинок. — И за срыв ее вы можете пойти под трибунал, — слегка улыбнулся. — Давайте, уважаемая, ближе к делу, дабы никого не задерживать.

Женщина замолчала на две-три секунды, очевидно, осмысливая слова капитана. Ее большие, расширенные от праведного гнева глаза заметно сузились.

— Нам нужна отдельная каюта, — бросил Ягодинок.

Уже спокойно женщина вымолвила:

— Да, мне сказали. Мы тут ужались, как могли, и подготовили для вас отдельную каюту. Пойдемте, я вам ее покажу.

Удивительно проворно она выскользнула из помещения, последовали за ней и Ягодинок с Сергеевым. Они спустились сначала на первую палубу, затем еще ниже, в трюм. Немного прошли по полутемному коридору. Капитан остановилась у светлой двери, открыла ее ключом. Включила освещение в каюте, вручила ключ Ягодиноку и бросила:

— Прошу, располагайтесь товарищи...

* * *

*Юго-восточная окраина пустыни Кара-Кум,
участок советско-афганской границы...*

По бескрайним грязно-желтым пескам с юга на север неспешно движется караван из десяти двугорбых и пяти одногорбых верблюдов. На двугорбых верблю-

дах находятся люди в восточных одеяниях и тюрбанах на голове, одnogорбые верблюды нагружены различной поклажей. В конце августа в этих местах в дневное время нестерпимо печет вертикально стоящее яркое солнце, воздух наэлектризован...

Аэропорт Ташкента...

Оскар без каких-либо приключений пересек границу и добрался до Ташкента. В аэропорту он взял билет до города Куйбышева (в настоящее время Самара), места его постоянной дислокации. Этот город для резидента был выбран ведомством Риббентропа не случайно. Именно в этот город по разведанным предполагался, в случае необходимости (вернее, в случае неизбежной сдачи Москвы), переезд правительства СССР во главе со Сталиным...

* * *

Ягодинок и Сергеев заглянули в каюту. Она оказалась совсем небольшой, четырехместной (по бокам ее находились по две полки на двух уровнях) с задраенным иллюминатором посередине.

— Мы с вашим грузом не взлетим под небеса? — хмуро спросила капитанша.

— Гарантирую, наш груз не представляет никакой опасности, — улыбнувшись, изрек Ягодинок.

— И на том спасибо, — тяжело вымолвила женщина, развернулась и быстро ушла.

Ягодинок решительно шагнул в каюту, поднял рукой нижние полки и бросил Сергееву:

— Сюда вниз загрузим груз по пять ящиков на каждую сторону. Давай, Ермолай, наверх, организуй водителей и бойцов на перенос груза. Я буду здесь, ты сам находишься у машины до конца выгрузки.

— Что делать с машинами? — спросил Ермолай.

— Обе машины направь в городское отделение НКВД, водители там отдохнут, а утром отправятся в свой Тихвин.

Ермолай весело изрек:

— Есть, — и быстрым шагом направился на выход...

* * *

Сортавала...

Барон фон Шоммер впал в истерический транс после того, как прочитал рапорт агента Росомахи (или Койво Вилорайнен).

«Мухель, которого я знал практически с детских лет, предал меня?! Предал Великую Германию?! — воскликнул в ярости барон. — За тридцать золотых монет?!».

Немного остыв, он решил, что Мухеля на предательство наверняка подбил агент Оракул. Барон пару раз видел агента в центре подготовки, знал также, что в интересах дела она заводила любовные интрижки с русскими.

«Это развязная, грязная бабенка сбила его с пути!

Это она своей неудержимой алчностью сгубила нашу блестящую операцию! — рвал и метал барон. — Деньги вскружили голову Мухелю! Ригель тоже хорош, пропал после операции, решил разбогатеть! Приказал агенту Росомахе плыть в тыл к русским?».

Когда барон вернулся в нормальное состояние, то задумался, как об этом докладывать Канарису. А не доложить было никак нельзя. Во-первых, рапорт Росомахи официально зарегистрирован, и теперь агента не заставишь переписать его. Во-вторых, если это не сделает он сам, то непременно сделают другие, недругов у него хватало. Как отреагирует на все это Канарис? С пониманием всех трудностей работы разведчика или?.. И вот тогда барон может стать настоящим козлом отпущения за неудачную операцию «Золотой трезубец»...

Барон решил еще раз все обдумать и оттянуть доклад адмиралу. Ну а пока решил гульнуть и отправился на квартиру к пышногрудой блондинке, финке Хильде...

* * *

Ягодинок и Сергеев разместились на нижних полках, два бойца — на верхних. Как только теплоход тронулся, в каюте раздался глухой монотонный и неприятный шум. Более того, каюта даже, кажется, немного завибрировала и задрожала.

— Черт... — ругнулся Ягодинок. — Удружила жирная капитанша. Рядом с нами находится машинное отделение, постоянные шум и вибрация нам обеспечены.

— Сколько мы будем плыть? — спросил Ермолай.

— Идти, как говорят настоящие моряки, — ответил в раздумье Ягодинок. — Считай, брат. До Рыбинска примерно триста пятьдесят километров. Это по-хорошему, где-то, я думаю, порядка двенадцати часов хода на этом судне. Хотя, как мне помнится, нужно будет еще пройти кучу шлюзов, поэтому уйдут, видимо, все двадцать часов, а может, и более.

— Значит, можно будет основательно выспаться, — довольно и весело изрек Ермолай.

— Можно, — буркнул капитан.

Быстро и дружно перекусили. Затем все завалились на свои полки. Несмотря на очевидные неудобства, шум и вибрацию, усталость дала себя знать. И Ермолай очень быстро уснул...

* * *

Москва...

По распоряжению начальства Пол Гор добирался из Лондона до Москвы по воздуху окружным путем с многочисленными пересадками: марокканская Касабланка, нигерийский Лагос, йеменский Аден, иранский Тегеран, Куйбышев и Москва.

С подмосковного аэродрома Гор проследовал в посольство. Ночная и темная (в целях маскировки) Москва произвела гнетущее впечатление. Он со смешанными чувствами переступал порог посольства Ве-

ликобритании. Правда, новый рабочий кабинет второго секретаря и по размерам, и по обстановке и общему убранству Гору очень даже понравился.

Во время перелета Гор неплохо выспался, поэтому сразу решил включиться в работу. Он запросил текущую военную и экономическую сводку по России, дипломатическую переписку. А также документы и материалы, над которыми работал в последнее время его предшественник Джулиан Карриган, включая данные по «золотому» эшелону и, разумеется, заключение о смерти и официальную ноту по данному факту СССР...

* * *

Ермолай проснулся от какого-то толчка. Открыв глаза, сразу понял, что их каюта немного наклонилась на один борт. В коридоре послышался топот ног и некий непонятный шум.

— Черт! — громко выругался также только что проснувшийся Ягодинок. — Неужели наше судно налетело на что-то? Так... Внимание! Я сейчас схожу на капитанский мостик и все узнаю. А вы, Сергеев и бойцы, просыпайтесь и будьте готовы ко всему, вплоть до эвакуации.

Сергеев принял сидячее положение, спустились вниз и сонные бойцы.

«Если мы на что-то налетели, — нервно раздумывал своей еще полусонной и определенно больной головой Ермолай, — то могла получиться и пробоина. А если

судно пойдет ко дну, что будет с золотом? Впрочем, в воде ему ничего не будет, — вяло усмехнулся, — оно уже там было...».

Ягодинок открыл дверь, и тотчас из коридора в каюту устремился мутный поток воды.

— Всем быстро собраться и бегом наверх, — крикнул Ягодинок.

Вода с шумом стала быстро растекаться по полу каюты, уровень ее на глазах стал подниматься.

«А как же я брошу золото?!» — нервно воскликнул Ермолай, громко бросил:

— Товарищ капитан, вы с бойцами идите наверх и все узнайте. А я пока побуду здесь, присмотрю за нашим грузом, — и заскочил на свою, нижнюю полку.

— Давай, Сергеев, пока останься и присматривай тут, — согласился Ягодинок. — Но если вода поднимется метра на полтора, то выбирайся на верхнюю палубу.

— Понял, — ответил Ермолай.

Капитан и бойцы выскочили из каюты. Вода по-прежнему прибывала, но уже медленнее. Из коридора доносились крики и возгласы, доносились и какие-то удары с передней части корабля.

«Очевидно, члены команды заделывают носовую пробоину», — решил Ермолай.

Вскоре вода уже достигла уровня нижней полки. Ермолай осторожно перешел на столик, расположенный между полками. Столик находился примерно на двадцать пять сантиметров выше нижней полки. Корабль как-то просел вниз сантиметров на десять, обо что-то ударился и еще более накренился.

«Возможно, мы легли на дно», — предположил Ермолай.

Уровень воды поднялся до края стола и, кажется, остановился, из коридора по-прежнему доносились крики и шумы.

«Точно, корабль лег на дно реки, — осматривая более чем на треть заполненную водой каюту, подумал Ермолай. — Теперь можно и на боковую», — и перебрался на верхнюю полку.

Под самым потолком он увидел небольшую, возможно, медную табличку:

«Очевидно, теплоход был построен в 1911 году и изначально носил это имя, — решил Ермолай и усмехнулся. — С таким названием кораблю ничего плохого не грозит».

Устроился поудобнее и стал наблюдать за уровнем воды в каюте...

* * *

Окрестности города Сортавала...

Барон фон Шоммер получил любопытное и одновременно долгожданное донесение из Вологды от своего

агента. Оказывается, прошлой ночью русские под усиленной охраной загнали в крытое помещение железнодорожного депо три грузовых коричневых вагона. Рано утром вагоны вывели из депо, при этом один вагон был направлен на формирование к одному товарному составу, два других — к другому составу. Куда потом эти составы направились, агенту не удалось установить.

«Значит... — размышлял барон, — русские перегрузили золото из двух в один вагон, прицепили к товарному составу и отправили состав до нашей массивированной бомбардировки Вологды...».

Барон взглянул на карту. Из Вологды железнодорожные пути расходились в четыре стороны: на запад — в сторону Ленинграда, на север — на Архангельск, на юг — на Москву и на восток — на Урал.

Барон задумался:

«Русские порой воюют не по правилам военного искусства, часто принимают непонятные решения. Казалось бы, им нужно было как можно быстрее вести золото от линии фронта дальше на восток. А они делают остановки... Зачем они перегрузили золото? Чтобы запутать его следы? Или по другой причине? Куда пойдет вагон с золотом? Как и было принято решение ранее, на Урал? Или в другое место? Движение на запад исключалось, а дальше были варианты. С наименьшей долей вероятности золото могли отправить в Москву, с наибольшей долей — на Урал... Что докладывать Канарису? Он требует только проверенные и перепроверенные факты...».

А еще нужно было доложить о рапорте агента Россо-

махи о Мухеле и Ригеле и как-то прокомментировать его.

Барон выпил рюмку коньяка и погрузился в тяжелые раздумья...

* * *

— Сергеев! Живой! — раздался из коридора корабля раскатистый голос Ягодинока.

— Конечно, — крикнул Ермолай. — А что мне будет, лежу и балдею на верхней полке. Вы там как?

— Я сейчас на лестнице стою. Я тебе в каюте в данный момент нужен, Сергеев?

— Нет, не ходите по воде, у меня все нормально. Какие там новости слышны?

— Наш корабль налетел на топляк, это затопленные давным-давно при сплаве бревна, получил пробоину и лег на дно, — крикнул Ягодинок. — Благо, тут неглубоко. Капитанша катит бочки на нас, мол, из-за нашего груза мы задели топляк.

— Не понимаю, при чем здесь наш груз? — бросил Ермолай.

— У них есть свой фарватер по реке Ковжа, мы сейчас по ней идем, — пояснил капитан, — ну или проход определенный по воде. Из-за нашего груза судно якобы, со слов капитанши, сильнее нормы просело. Вот мы и зацепили дном судна этот лежащий на дне топляк.

— И что теперь будет? — спросил Ермолай.

— Пробоину вроде бы заделали. Сейчас команда

будет откачивать воду, это займет часа три-четыре. Ну и дальше пойдём.

— Я думаю, на этой залатанной посудине мы быстро не пойдём, — вымолвил Ермолай.

— Я доложил обстановку Истомину, он приказал не паниковать и ждать новых указаний. Я думаю, они там что-нибудь придумают.

Ермолай хотел спросить, как там эшелон с золотом, но не стал. Просто весело бросил:

— Значит, не будем паниковать. Вы там с бойцами где-нибудь устройтесь и отдохайте, ведь ночь еще на дворе.

— Попробуем, — ответил Ягодинок. — Хотя, сам понимаешь, какой может быть сейчас спокойный отдых. Ну, давай не скучай там, маллей.

— Не буду.

Вскоре после ухода капитана из коридора послышались надрывные звуки моторов.

«Это, наверное, команда стала откачивать воду из трюма», — решил Ермолай...

* * *

Пермь...

Улыбающийся Рэм пришел в гости к агенту не с пустыми руками. Он выставил на стол бутылку водки, буханку хлеба, банку мясных и банку рыбных консервов.

Довольный гость сел за стол и устремил свой взор

на хозяина. Уже сидевший на стуле Папирус внезапно достал своей единственной рукой из-за пазухи пистолет, направил его на Рэм и грозно вымолвил:

— Сиди спокойно и не дергайся.

— Ты что, белены объелся или самогоном обпился? — грозно изрек Рэм, явно не ожидавший такого поворота. — Убери свою пушку, я настоящей водки принес.

— Со мной-то все нормально, вот с тобой что творится, не знаю, — хмуро выдавил хозяин дома.

— Слушай, Папирус, — уже миролюбиво бросил Рэм. — Убери пушку и все толком объясни.

На самом деле он уже понял, что происходит. Но продолжал играть, оттягивать время и думать, как выйти из создавшейся ситуации. Удивленно бросил:

— Ты думаешь, я тебя накалываю с этим важным составом, прибывающим на вашу станцию?

— Я получил указание от резидента задержать тебя, — играя желваками на скулах и игнорируя слова гостя, грозно выдавил Папирус.

— Как это понимать? — вскинув вверх брови, удивленно изрек Рэм. — Едва как я убыл на проверки агентурной сети, назначили нового резидента? Черт-те что! Кто дал тебе указание?

— Оскар.

Рэм, конечно же, знал, кто скрывался за этим служебным псевдонимом. Оскара, или полковника Зумана, он неплохо знал по недавней прошлой работе и был о нем хорошего мнения. Одно время они даже считались товарищами. Но сейчас Оскар, безусловно, будет выполнять приказы Риббентропа. Рэм лихорадочно ду-

мал, как выйти из непростого положения.

На удивление быстро Риббентроп назначил резидента, — подивился Рэм. — Я его явно недооценил и проявил беспечность».

Тихо и миролюбиво выдавил:

— Подожди, Папирус, давай спокойно, без нервов разберемся. Это какая-то ошибка...

— Не буду я с тобой разбираться, — строго перебил хозяин. — Я просто выполню приказ. Там, кстати, сказано, что если невозможно будет взять живым, то можно и убить тебя. Только для твоей идентификации нужно представить резиденту фото.

— Ничего не понимаю, что-то напутали начальники, — продолжил свою линию Рэм. — Слушай, — улыбнулся-оскалился, — давай выпьем хоть. Может, хоть тогда я прозрею.

— Давай выпьем, — согласился хозяин. — Только сначала выложи все из карманов.

— Хорошо-хорошо, — быстро вымолвил Рэм, слегка раскачиваясь и отдвигаясь вместе со стулом от стола. — Сейчас, я сейчас.

Обе руки его полезли в карманы пиджака. Вот он левой рукой достал пистолет и, наклоняясь корпусом к столу, стал его медленно опускать. Хозяин напряженно смотрел на пистолет гостя. В это время правая рука Рэма незаметно и молниеносно опустилась к сапогу. И... через мгновение нож полетел в шею хозяина дома. Еще через секунду прогремел выстрел смертельно раненого хозяина, но мгновением ранее, уходя от пули, Рэм с шумом упал на пол...

* * *

Вода стала медленно-медленно убывать из каюты, и это, несомненно, порадовало Ермолая. Вместе с тем, все больше давала себя знать головная боль, да и в сон сильно клонило. Ермолай терпел и пытался держаться бодро, ведь он как-никак находился на охране груза. Пытался даже думать о чем-то постороннем, о чем-то приятном из своего детства. Тем не менее, вскоре как-то незаметно глаза его закрылись...

— Сергеев!

Ермолай проснулся и увидел прямо перед собой улыбающегося Ягодинок.

— Солдат спит — служба идет, — весело бросил капитан.

Ермолай протер рукой глаза и принял сидячее положение. Вода уже полностью ушла из каюты, да и их теплоход стоял ровно.

— Начальники сработали оперативно и нашли для нас катер, — весело вымолвил Ягодинок. — Сейчас мы на него перегрузим ящики и полетим с ветерком.

— Товарищ капитан, как дела у Истомина? — спросил Ермолай. — Все нормально? Где они сейчас?

— Нормалек, фашистов мы крепко запутали и сбили со следа, — весело бросил Ягодинок и взглянул на наручные часы. — Считай, они уже к месту своего назначения подъезжают. Давай поднимайся, маллей, сходи на воздух, дыхни. Зайди на катер, тот который пришвартован по левому борту теплохода, и присмотри место под ящики. Да, еще, направь ко мне наших

бойцов, они будут переносить ящики к тебе на катер. Я здесь буду, пока не заберем последний ящик.

— Есть.

Ермолай вышел на палубу, уже начало светать. Невдалеке стояли и курили рядовые Кузнецов и Широких.

— Что нам делать, товарищ младший лейтенант? — спросил Кузнецов.

— Пока курите здесь, товарищи рядовые, — ответил Ермолай и увидел стоящий у левого борта серый, внешне уже достаточно потрепанный катер.

Подойдя к катеру, он увидел стоящего у штурвала мужчину с седой шевелюрой и седой бородой. Он был в морской темно-синей форме и курительной трубкой во рту.

— Здравствуйте, — бросил Ермолай. — Я младший лейтенант Сергеев. Вы капитан катера?

— Привет, — буркнул мужчина. — Я Сычев, капитан этого, когда-то торпедного, а сейчас полностью разоруженного грузопассажирского катера. Что повезем?

Неспешно выговаривая слова, капитан сильно окал.

— Небольшие ящики общим весом в шестьсот килограммов и четверо военных мужчин, — ответил Ермолай.

— Занимайте кубрик номер два, — показывая рукой в правую от себя сторону, ответил Сычев. — В первом кубрике находится команда катера, мой помощник и моторист.

— Ясно.

— Больных нет среди вас?

— Нет, — ответил Ермолай.

Он уже перешел на катер и двинулся в указанное направление. Через мгновение оказался в низком, небольшом, полутемном, прямоугольном помещении без окон. Оно оказалось каким-то унылым и практически пустым, только по бокам с трех сторон стояли лавки длиной в два метра. Ермолай стал прикидывать, где разместить ящики и где разместиться им самим.

Бойцы быстро перенесли ящики в кубрик и разместились на боковых лавках. Ягодинок — на третьей, центральной лавке, а Ермолай примостился на ящиках, составленных в ряд в центре кубрика.

— Эта посудина когда-то была торпедным катером, построена английской фирмой аж в 1913 году, — весело изрек Ягодинок. — Но на ней мы должны быстрее, чем на теплоходе «Степан Разин», дойти до Рыбинска. Когда-то посудина развивала скорость в тридцать пять узлов, сейчас, как заверил капитан, легко может дать двадцать узлов.

— Это сколько будет в километрах в час? — спросил рядовой Широких.

— Один узел — это одна морская миля, — ответил Ермолай. — А одна миля это примерно 1,8 километра. Значит, скорость в двадцать узлов означает тридцать шесть километров в час.

Последние его слова утонули в шуме моторов катера.

Через минуту они начали движение и достаточно быстро набрали приличный ход. Катер покачивало

из стороны в сторону, в кубрике было шумно и как-то тоскливо.

После приема пищи все разместились на отдых на своих местах. По указанию капитана, Сергеев остался бодрствовать за дежурного...

* * *

Берлин, штаб-квартира Главного управления имперской безопасности (РСХА)...

Анализируя поступающую к нему по разным каналам и от разных источников информацию, Шеленберг понял, что ни Абвер, ни разведка Риббентропа, ни английская МИ 6 не смогут помешать перемещению русского золота. Тем более его захватить и вывезти из России. Шеленберг был даже в тайне рад неудачам своих немецких коллег по ремеслу. Он раздумывал, как использовать эту неудачную операцию Канариса и Риббентропа в своих интересах.

Шеленберг подготовил проекты двух подробных рапортов об операции «Золотой трезубец» и «Золото Северной пальмиры» со своими убийственными комментариями. Осталось только решить два вопроса. Во-первых, какой пустить рапорт, то есть по кому нанести удар: или по Канарису, или по Риббентропу? И, во-вторых, на имя кого подать рапорт? Здесь тоже были варианты...

Шеленберг уже в который раз усердно просчитывал

все варианты. Честолюбивый и стремившийся к карьерному росту, он мечтал о руководстве единой зарубежной разведывательной службой Германии. В этом ему скрытно противодействовал Риббентроп. Но еще более мешал опытный и влиятельный в области разведки адмирал Канарис. Шеленберг склонен был нанести удар именно по нему...

Прямым начальником Шеленберга являлся обергруппенфюрер СС Гейдрих, Начальник политической разведки и полиции безопасности Третьего рейха (РСХА). Между Гейдрихом и Канарисом шли постоянные распри по вопросам разграничения разведывательной деятельности. И его рапорт, безусловно, подлил бы масла в огонь. Но Шеленберг склонялся представить рапорт начальнику Гейдриха — рейхсфюреру СС Гимлеру, рейхсминистру внутренних дел и начальнику всей полиции Германии. Шеленберг знал, что в высших эшелонах власти Третьего рейха идет непрерывная борьба за влияние на фюрера, между военными и полицией. Как активный участник этой борьбы Гимлер сможет наиболее эффективно использовать его рапорт. Шеленберг прекрасно понимал, что если его рапорт понравится Гимлеру, то он защитит его от ревнивого и недалекого по своему интеллекту Гейдриха...

* * *

Сидеть на ящиках было неудобно, да и в сон тянуло. Ермолай решил пройти на палубу катера. Выйдя наверх, он оказался в двух шагах от находящегося у штурвала капитана. Сычев сидел в кресле и тихо напевал старинную народную и, кажется, бурлацкую песню:

*Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет,
Сама пойдет...*

Уже полностью рассвело, светило солнце, по голубому небу плыли одинокие, небольшие белесые облака, блестела серебром голубоватая волна. Метрах в ста навстречу шла груженная лесом баржа, с другого борта виднелось вдали небольшое суденышко.

Оглядевшись по сторонам, Ермолай с удивлением обнаружил, что они идут по нескончаемой водной глади: ни справа, ни слева по борту, а также спереди и сзади не было видно берега.

— А где это мы находимся? — удивленно спросил.

— Мы идем по Белому озеру, местные жители называют его морем, даже ласково так, морем-кормильцем. Здесь белорыбица знатная водится, снеток, судак. А на берегах живности много всякой, а также грибов да ягод, — медленно, почти с любовью вымолвил капитан и резко, без перехода, добавил, — смотри, паря, просифонит тебя, захвораешь. Шел бы ты вниз, в кубрик.

То, что на палубе прохладно и ветрено, Ермолай от-

метил сразу. Зябко поежился и спросил:

— В город Рыбинск мы к концу дня придем?

— Посмотрим, загадывать не берусь, — нехотя ответил капитан.

Ветерок хорошо гулял по палубе, иногда и водные брызги долетали.

Ермолай заметил в небе немецкий самолет-раму. Он, кажется, следовал с севера на юг. В голову полезли невеселые мысли:

«Неужели он нас выслеживает?»

— Для нас фашистский самолет разведчик не страшен, — словно опровергая его тревожные мысли, вымолвил капитан. — Он высматривает крупные караваны или колонны и сообщает по радио о них в свой авиационный штаб. Такая мелочь, как мы, — усмехнулся, — его не интересует.

«Пожалуй», — согласился с ним Ермолай.

Успокоился и явственно почувствовал холодное дуновение ветра. Снова зябко поежился, бросил:

— Пойду вниз, — и вернулся в кубрик.

Ягодинок и бойцы безмятежно спали. Ермолай устроился, как смог, поудобнее, на ящиках. Дабы не уснуть, стал про себя напевать один музыкальный мотив.

Внезапно всплыло красивое, светлое лицо Ципок с серо-зелеными, холодными глазами.

«Нет, нет! — воскликнул Ермолай. — Она плохая, ее надо забыть и стереть из памяти! Напрочь и навсегда!».

— Подъем!

Ермолай открыл глаза, встрепенулся. Напротив него на лавке сидел сонный Ягодинок.

— Как дела, маллей? — спросил капитан.

— Все нормально, идем хорошо, — выдавил Ермолай.

— Капитан катера сказал, что к ночи будем в Рыбинске, — улыбнулся. — Вот немного закемарил только.

Капитан неопределенно кивнул, взглянул на ручные часы и громко вымолвил:

— Так, товарищи военные. Привести себя в порядок, умыться холодной, озерной водичкой и будем обедать.

Обед прошел буднично, спокойно.

После обеда Ягодинок сказал Сергееву:

— Давай отдыхай, маллей.

Ермолай лег на лавку и, несмотря на шум мотора и качку, почти сразу уснул...

* * *

Москва, штаб-квартира Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной армии...

Комиссар Голиков получил интересное донесение от подчиненного офицера, проходящего службу в Ладожской военной флотилии. На восточном побережье Ладожского озера обнаружены трупы четырех мужчин и двух лошадей. В одном трупе, найденном в воде, опознали немецкого диверсанта, трое других мужчин являлись жителями ближайшего поселения Видлица.

На берегу были обнаружены следы боя, предположительно между этими местными жителями и прибывшей на каком-то плавсредстве группой немцев. Немцы, очевидно, столкнувшись с вооруженными жителями, вынужденно приняли бой. Затем, оставив труп своего, ретировались...

Комиссар сразу связал группу немцев и спрятанное майором Мухелем в воде примерно в том районе золото из ленинградского спецэшелона. Он попросил адъютанта соединить его с майором Истоминым.

Услышав голос майора, комиссар сообщил о найденных трупах на Ладоге.

— Похоже, группа капитана Ягодинока совсем ненадолго опередила немцев и забрала золото, — весело вымолвил майор.

— Да, очень похоже именно на это, — согласился комиссар. — Как у вас дела?

— Все хорошо. Подъезжаем к месту назначения, — бодро ответил майор. — Еще какие-то час-два, и мы будем в порту Молотовска.

— Груз из Госбанка уже находится в порту, с ним находится капитан Угрюмов.

— Ясно. Какие у вас, товарищ генерал, есть новости, связанные с операцией «Элегия»?

— Абвер, похоже, смирился с вашим исчезновением. По крайней мере, какой-либо чрезмерной активности агентурной сети мы не наблюдаем.

— Приятно слышать такое.

— Вместо погибшего Карригана прибыл в Москву второй секретарь посольства Великобритания. Это Пол

Гор, высокопрофессиональный разведчик. Пока он ведет себя тихо, видимо, вникает в дела.

— А резидент от Риббентропа прибыл?

— По косвенным признакам назначение состоялось. Но кто это, когда прибудет в Россию и где конкретно будет находиться, нам пока неизвестно. Поиски Рэма в Перми пока, к сожалению, не принесли результатов...

* * *

— Сергеев, подъем!

Ермолай проснулся, с трудом открыл глаза и увидел перед собой Ягодинок.

— Давай поднимайся, маллей, мы уже в Рыбинске.

Ермолай сел, протер глаза и механически спросил:

— Который час?

— Одиннадцать вечера.

Ермолай кивнул.

— Слушай меня, — энергично продолжал Ягодинок. — Этот капитан Сычев шумит, требует, чтобы мы выгрузились прямо тут на пирсе. Ему, видите ли, приказали нас доставить до Рыбинска и все. Несет, что ему надо срочно домой, он здесь живет, — зло выругался. — Ну, я ему, конечно, вправил мозги на место.

Окончательно проснувшись, Ермолай окинул взглядом кубрик, ящики и спросил:

— А где наши бойцы?

— Кузнецов и Широких наверху присматривают за капитаном и двумя его обормотами, членами команды, — ответил Ягодинок. — Я сейчас схожу в контору

порта и позвоню Истомину, спрошу, что нам делать дальше. До моего прихода никакой выгрузки не должно быть. Ясно?

— Так точно, — по-военному ответил Ермолай и вслед за Ягодиноком направился к выходу.

На палубе катера стояли двое бойцов и рядом явно недовольный капитан Сычев. Он что-то энергично объяснял и размахивал руками. При появлении офицеров, Сычев замолчал, взглянул на них исподлобья, затем демонстративно отвернулся.

— Я в контору порта, — обозревая всех, грозно изрек Ягодинок. — До моего возвращения всем оставаться на местах. Младший лейтенант Сергеев, если кто-то не будет исполнять мой приказ и подчиняться, стреляйте на поражение. Идет война, и мы здесь не в игрушки играем. Всем все ясно? Сычев, тебе сейчас все ясно?

Сычев устало махнул рукой и сел в кресло перед штурвалом.

— Вот и хорошо, что всем все ясно, — по-прежнему грозно вымолвил Ягодинок.

Шагнул к борту, выпрыгнул на пирс и быстро зашагал в сторону небольших, одноэтажных портовых построек.

— Я пойду в кубрик к команде, — вяло бросил в никуда капитан и поплелся вниз, влево от штурвала.

— Кузнецов и Широких, можете присесть и перекурить, — бросил бойцам Ермолай, сам при этом присаживаясь в кресло у штурвала...

Хмурый Ягодинок пришел где-то через двадцать-

двадцать пять минут. Он подошел к Сергееву и тихо вымолвил:

— До Истомина не дозвонился. Позвонил в Москву нашему большому начальнику, комиссару Голикову. Он приказал, чтобы мы немедленно на катере выдвигались в Ярославль. Там на машине перевозим груз на городской железнодорожный вокзал, грузимся в вагон и движемся на Москву.

Ермолай покачал головой.

— Да, брат, — подтвердил капитан, — такие поставлены перед нами задачи. Где Сычев?

— У себя в кубрике.

— Капитан Сычев! — громко крикнул Ягодинок. — На выход!

Вскоре показался недовольный, хмурый капитан.

— Приказ будет такой, капитан Сычев, — грозно изрек Ягодинок. — Немедленно выдвигаемся в Ярославль. Двигаемся на предельной скорости. Вопросы?

— Не поеду я, — далее следовала ненормативная лексика.

Ягодинок достал из кобуры револьвер, снял с предохранителя, направил его на капитана и строго выдал:

— Последний раз спрашиваю, едешь? Если отказываешься, то я тебя как дезертира и пособника фашистам прямо сейчас на месте пристрелю. А катер поведет твой помощник.

Несколько секунд капитан думал.

Затем хмуро выдал:

— Нашел пособника, — витиевато выругался. — Подчиняюсь вашей силе, капитан. Только нам, товарищи

военные, заправиться надо.

— Значит, сначала на заправку, а затем как можно быстро в Ярославль, — убирая пистолет в кобуру, бросил Ягодинок.

Он, Сергеев и следом бойцы направились в свой кубрик. Через пару секунд взревел мотор катера...

* * *

Пермь...

В целях конспирации Рэм каждый день менял место своего нахождения в городе, дважды он сменил и внешность. После назначения Риббентропом на его прежнее место Оскара, организации его поиска и, как следствие, вынужденного убийства агента Папируса Рэм решил изменить свою жизнь. Ему было ясно, что вагоны с золотом или уже прошли Пермь, или они пошли другим путем, минуя этот город. Следовательно, ему уже нечего было делать в этом городе...

Рэму предстояло принять важное решение, каким образом покинуть Россию. Еще в Москве на английской конспиративной квартире он наметил три способа пересечения границы: сухопутный, водный и воздушный. А также три коридора: западный (через европейские страны), южный (Иран, Афганистан) и восточный (США). Теперь, принимая решение, Рэму также следовало учесть, что кроме Риббентропа за ним охотилась контрразведка русских и почти наверняка (после убийства Карригана) разведка англичан...

Глава 14

*Москва, штаб-квартира Главного
разведывательного управления
Генерального штаба Красной армии...*

Комиссар Голиков получил донесение от майора Истомина о начале погрузки золота на американский корабль.

«Замечательно! — воскликнул комиссар. — Можно считать, операция «Элегия» закончена!» — и дал задание своему заместителю подготовить рапорт на имя начальника Генерального штаба Красной армии об успешном завершении операции.

Доклад Берии он решил подготовить сам на базе готового доклада своему начальнику.

Приняв такое решение, комиссар задумался: «Пока будет готов доклад начальнику, пока я его переформатирую для Берии и пока доложу, пройдет какое-то время. За это время его люди представят ему свой доклад. Что в этом случае подумает Берия обо мне? Видимо, как минимум, что я его не уважаю или что-то хочу скрыть от него... Мне это надо?».

В результате непростых раздумий Голиков решил, что до подачи подробного рапорта стоит проинформировать Берию в общих чертах по телефону. Он попросил адъютанта соединить его по срочному делу с Наркомом внутренних дел.

Услышав голос Берии, Голиков вымолвил:

— Здравия желаю, товарищ Народный комиссар. Разрешите доложить о ходе операции «Элегия»?

— Здравствуйте, Голиков, — медленно, в раздумье произнес Берия. — Докладывайте.

— Груз в полном объеме прибыл на конечный пункт. Началась его передача американцам и погрузка на корабль.

— Это очень хорошо, спасибо, товарищ Голиков.

— Товарищ Народный комиссар, вам представлять письменный рапорт по итогам операции?

— Обязательно. И особо отметьте действия должностных лиц как вашего ведомства, так и нашего.

— Есть, товарищ Берия.

— До свидания, — в трубке послышались гудки...

* * *

Катер бросало из стороны в сторону, порой он подсакивал где-то на полметра вверх. В кубрике стоял невероятный шум, все крепко держались руками за лавки. Ни о каком сне не могло идти и речи.

— Не плывем, а летим, — весело крикнул рядовой Кузнецов.

— Не улететь бы нам на дно Волги-матушки реки, — вставил громко второй боец.

— Как бы капитан не запорол двигатель, и мы не застряли бы на всю ночь посередине реки, — высказал уже свои опасения Ягодинок.

Подпрыгивая на жесткой деревянной лавке, Ермолай все высказанные опасения вполне разделял.

К счастью, пессимистические опасения не оправдались. Примерно через два часа гонки мотор стал сбавлять обороты. Вскоре катер пришвартовался к пристани. В кубрике воцарилась тишина, зато голова у Ермолая гудела и шумела на все голоса.

Капитан Сычев весело и громко крикнул:

— Баста, приплыли! Город Ярославль, конечная остановка! Выходи!

— Капитан-речник рад до невозможности, что избавляется от нас, — весело изрек Ягодинок.

Бойцы выгрузили ящики на пристань. Ягодинок и Сергеев пожали руку капитану Сычеву, поблагодарили.

— Без обид, капитан, служба у нас такая, — весело бросил Ягодинок.

Сычев неопределенно махнул рукой, что-то пробубнил невнятное.

Катер сразу отчалил, лихо развернулся и направился вверх по течению к Рыбинску.

Ягодинок пошел звонить начальству, а Сергеев с бойцами остались сторожить ящики...

* * *

*Рига, особняк в старой части города,
штаб-квартира регионального центра Абвер...*

После телефонного доклада барона фон Шоммера Канарис задумался. То, что операция «Золотой трезубец» провалена, адмирал понял, когда на заброшен-

ном переезде в Вологодской области десантная группа Абвера оказалась у пустых вагонов. Но после сегодняшнего доклада барона получалось, что операция провалилась с треском и несмываемым позором. Военное предательство во все времена было тягчайшим преступлением. К предательству своих офицеров Мухеля и Ригеля адмирал отнесся относительно спокойно. В большей степени его в данный момент интересовала своя собственная судьба, а именно, реакция на провал операции друзей и особенно конечно завистников и врагов...

— Какие будут указания, господин адмирал? — прерывая затянувшееся молчание, тихим виноватым голосом спросил барон.

— Оформлять документы по операции «Золотой трезубец» для передачи в архив, — автоматически ответил Канарис.

— Мне оставаться в Сортавале?

Адмирал вспомнил доклады собственной внутренней службы безопасности о пьяных загулах барона, связи с финской женщиной, недовольной болтовне о начальстве. Зло подумал:

«Достал он меня в последнее время своим поведением», — и резко ответил:

— Незамедлительно выезжайте в Ригу с докладом. До скорой встречи, барон.

После разговора адмирал задумался о своих дальнейших действиях. Его враги, прежде всего брутальный Гейдрих, интриган Шеленберг, да и скользкий, как уж, дипломат Риббентроп наверняка попытают-

ся использовать провал операции «Золотой трезубец» в своих корыстных целях. Что остается предпринять ему? Обратится к друзьям и подстраховаться! Кто может точно и надежно защитить адмирала? Конечно же, его старый товарищ и прямой начальник — начальник штаба Верховного главнокомандующего вооруженными силами генерал-фельдмаршал Кейтель. Он сейчас находился в Берлине. Значит...

Адмирал нажал на клавишу телефонного аппарата и, услышав голос адъютанта, выдал:

— Забронируйте мне место на ближайший самолет на Берлин...

* * *

На пристань выехал грузовой зеленого цвета ГАЗон-полупортка. Из кабины выскочил весь какой-то взъерошенный капитан Ягодинок.

— Так, орлы, — обращаясь к Сергееву и двоим бойцам, громко вымолвил Ягодинок, — быстро загружаем ящики в кузов.

— Есть, — бросил Ермолай и запрыгнул в кузов.

Кузнецов и Широких стали подавать ящики, Ермолай их аккуратно расставлял.

Закончив погрузку, бойцы забрались в кузов. Они вместе с Сергеевым разместились на ящиках. Ягодинок запрыгнул в кабину и ГАЗон медленно тронулся...

* * *

*Москва, посольство Великобритании в СССР,
кабинет второго секретаря...*

Пол Гор изучил по документам ситуацию в Советской России, в том числе и деятельность контрразведывательных служб страны, дав им при этом высокую оценку.

После этого Гор внимательно просмотрел все имеющиеся материалы, относящиеся к смерти его предшественника Джулиана Карригана. Гор понял, что Карриган как минимум нарушил этический кодекс разведчика и погнался за личной выгодой. Разумеется, так поступали многие, и если бы Карриган не погиб, возможно, никто бы ничего и не узнал. Но случилось то, что случилось. Докладывать об этом в Лондон Гор не собирался, ровно, как и осуждать своего предшественника.

Он выслушал доклады троих своих агентов о ситуации в России, выслушал и их мнения, в целом сдержанно-формальные, о смерти Карригана. Все сопоставив и проанализировав, Гор решил, что имеющимися силами и средствами не достанет Рэма на территории России. Но убийца английского дипломата и разведчика, по твердому убеждению Гора, в любом случае должен быть наказан.

Гор задумался:

«Нужно предпринять какой-то неординарный ход, разыграть некую нестандартную ситуацию. Но вот какую?».

* * *

Грузовик лихо рулил по тихим, спящим ночным и не очень ровным городским улицам. Ермолаю с бойцами вместе с ящиками пришлось немного попрыгать.

Примерно через полчаса показалось здание железнодорожного вокзала. Грузовик проехал его и направился на товарный двор. Вскоре он затормозил. Из кабины выскочил капитан Ягодинок, громко бросил:

— Всем оставаться на своих местах. Я сейчас все узнаю, — и спортивным шагом направился в сторону небольших конторских зданий.

Бойцы, полусидя-полулежа на ящиках, стали дремать. Чтобы не уснуть, Ермолай встал, немного размял кости рук и ног, осмотрел полутемную округу. Все пути станции были забиты самыми разными товарными вагонами: грузовыми, с военной техникой, цистернами с нефтепродуктами и другими. Невдалеке стоял санитарный состав, возле него ходили раненые перевязанные военные и медицинский персонал в белых халатах.

Вскоре появился улыбающийся Ягодинок. Он подошел к машине и весело изрек:

— Жизнь прекрасна, товарищи военные! Выше головы!

Полусонные Ермолай и бойцы выжидательно, непонимающе смотрели на капитана.

— Водила, заводи, — бросил водителю Ягодинок. — Сейчас поедем грузиться в вагон. Нам предстоит еще один, последний рынок. Выше голову, товарищи военные, впереди Москва!

Но усталые и зевающие Сергеев и бойцы явно не разделяли веселого настроения капитана...

* * *

*Москва, штаб-квартира
Главного разведывательного управления
Генерального штаба Красной армии...*

Комиссар Голиков раздумывал о завершающем этапе операции «Элегия». Оперативная группа, направленная в Пермь, пока работала вхолостую. Следов Рэма обнаружить не удалось. Рэм в течение нескольких дней убил ножом пять человек: парня-беспризорника, троих в вологодской гостинице и одного на вокзале в Перми. Поэтому комиссар поручил старшему группы фиксировать и исследовать все городские убийства с использованием ножа, а также серьезные порезы.

Комиссар получил донесение из Перми о десяти преступлениях с помощью холодного оружия. Одно его сразу заинтересовало. Это убийство в доме обходчика железнодорожной станции Пермь некоего Голубцова, ранее дважды судимого за хулиганство, однорукого. Прикладывалась и характеристика на этого обходчика. На первый взгляд, убийство было совершено во время бурного застолья. Вот только почему-то исчезли документы обходчика, отсутствовали и какие-либо следы собутельника и отпечатки его пальцев...

Проанализировав весь пакет материалов, связанных с обходчиком, комиссар решил, что убийцей мог быть...

Рэм. Возможно, он жил у обходчика и ждал вагоны с золотом. А когда Рэм понял, что вагонов не будет, просто зачистил ненужного свидетеля. Он же мог и похитить документы с целью их использования при передвижении по СССР.

Комиссар дал указание объявить в розыск Голубцова...

* * *

ГАЗон остановился у темного товарного вагона без окон. Из кабины вышел веселый Ягодинок, спустились с кузова и Сергеев с бойцами. В это время подошла худая женщина в темной, железнодорожной форме. Она удивительно легко открыла расположенную посередине вагона массивную дверь. Внимательно осматривая поочередно всех военных, изрекла простуженным голосом:

— Располагайтесь, товарищи, в вагоне. Через пятнадцать минут маневровый паровоз вас заберет и прицепит к составу, следующему на Москву.

— Прекрасно! — весело бросил Ягодинок.

Он и Сергеев быстро шагнули к вагону, заглянули внутрь. Вагон оказался пустым.

— А вы нам матрасиков не организуете? — весело спросил Ягодинок.

— Матрасов нет, — строго вымолвила женщина, — а пару табуреток, да пару скамеек выделим.

— И на том спасибо, — улыбаясь, весело изрек Ягодинок и, обращаясь к бойцам, строго бросил. — Так,

рядовые, следуйте за товарищем железнодорожником.

Женщина с бойцами ушли.

— Знаешь, малей, почему я веселюсь? — спросил широко улыбающийся Ягодинок.

— Нет, — ответил Ермолай.

— Я сейчас в конторе станции переговорил с Истоминым, он в данный момент в Молотовске. Майор сказал, что все сорок пять тонн погружены на американский корабль. Корабль уже вышел из порта.

— Да, — выдохнул Ермолай и улыбнулся, — это точно замечательная и долгожданная новость.

— И я говорю, — веселился Ягодинок. — Сейчас тронемся, я по этому поводу распечатаю НЗ (на военном жаргоне — неприкосновенный запас), и мы выпьем по рюмочке спиртика. Имеем полное право! А потом будем беззаботно спать до Москвы.

— А сколько нам до Москвы?

— Если хорошо покатым, то пять-шесть часов, — в раздумье ответил Ягодинок. — Да, вот еще что сообщил Истомин, слушай. Буквально через час на том месте, где мы забрали ящики из воды Ладожского озера, был бой. На следующий день там нашли труп немецкого диверсанта, трех местных жителей и двух лошадей. Смекаешь, кем были эти жители и как мы вовремя взяли ящики?

— Да! — лишь смог выдавить Ермолай, горестно подумал:

«Получается, Витька Вьюгин вместе со своими дружками-бандитами погиб, — вспомнил, как они встретились впервые в доме Иринки Лазо. — Кем

бы он не был, жаль парня...».

Через минуту прибыли бойцы с табуретками и скамейками. Дружно и быстро ящики со слитками перегрузили из машины в вагон. Через пять минут прибыл маневровый паровоз...

* * *

Москва, штаб-квартира

Главного разведывательного управления

Генерального штаба Красной армии...

Комиссар Голиков стоял у большой, занимающей всю стену карты и рассматривал линию фронта в районе Ленинграда. Фашисты на большом участке перерезали железную дорогу Ленинград-Вологда и вышли к Ладожскому озеру. Ленинград оказался в сухопутной блокаде. Теперь в город подвести продукты, топливо, боеприпасы можно было только по озеру и реке Неве...

Подал сигнал телефонный аппарат. Комиссар оторвался от невеселых раздумий и подошел к столу. Взял трубку и вымолвил:

— Слушаю.

— Товарищ комиссар, с вами по важному делу хочет переговорить заместитель Наркома иностранных дел, товарищ Островский.

«С чего бы это?» — удивился комиссар, впервые сталкиваясь с людьми из этого ведомства.

Во всех странах мира разведка и контрразведка работала скрытно. И за редкими исключительными

случаями не имела никаких официальных дел с дипломатами.

— Соедините.

Через несколько секунд раздался мягкий мужской голос.

— Здравствуйте, товарищ Голиков.

— Здравствуйте, товарищ заместитель Наркома иностранных дел.

— Филипп Иванович, ко мне обратился посол Великобритании. Он попросил организовать встречу своего нового второго секретаря Гора с вами. Как вы к этому относитесь?

«Новый британский резидент хочет личной встречи!» — усмехнулся комиссар и спросил:

— По какому вопросу?

— Их интересует все, что связано со смертью Карригана. Они полагают, что вы располагаете важной информацией. Не упрямитесь, Филипп Иванович, встретитесь с этим Гором, они как-никак наши союзники.

На некоторое время Голиков задумался:

«То, что Гору нужна встреча и информация по Карригану, понятно. Что могу получить от встречи я? Ну... хотя бы заверение, что они не будут искать Рэма в России, нам будет меньше мороки».

Ответил:

— Если будет разрешение начальника Генерального штаба Красной армии, то, разумеется, я готов с ним встретиться, скажем... в здании вашего министерства.

— Вот и хорошо. До свидания.

— Всего доброго...

* * *

Перед отправкой бойцы подобрали на перроне картонную коробку. Из нее соорудили в вагоне стол. Ягодинок достал из своего вещмешка свечку и зажег ее. Затем все из своих вещмешков достали оставшиеся продукты, и группа устроила основательный, почти праздничный ужин. Несмотря на ночное время и хронический недосып последних дней, у всех было веселое, приподнятое настроение. Все с нетерпением ждали окончания задания. Ягодинок и Сергеев выпили немного спирта.

— А сейчас всем отбой, — объявил после ужина Ягодинок. — Дежурным на два-три часа останусь я сам, посижу на табуретке, покараулю груз и вас всех. Потом разбужу сменщика, Сергеева.

— Есть, товарищ командир, — бросил Ермолай.

Бойцы быстро свернули стол и навели порядок. Рядовой Кузнецов соорудил из коробки лежанку, на которой и разместился. Сергеев и рядовой Широких легли на лавки. Ягодинок остался бодрствовать на табуретке. Вагон покачивало из стороны в сторону, чувствовалось, что поезд набрал неплохую скорость...

* * *

*Берлин, офис министерства внутренних дел,
кабинет рейхсфюрера СС Гимлера...*

Добившись аудиенции, Шеленберг при полном параде предстал перед грозным министром. После обя-

зательного приветствия сидящий за своим рабочим столом хозяин пригласил присесть и посетителя.

Шеленберг осторожно присел в кресло, стоящее рядом с рабочим столом хозяина кабинета. Быстро достал из папки рапорт, два аккуратно исписанных от руки листа и, пожирая взглядом Гимлера, положил перед ним.

— Господин рейхсфюрер, считаю своим долгом представить вам данную информацию.

Хозяин кабинета слегка кивнул, поправил очки и взял в руки бумажные листки. Шеленберг напряженно ждал, что последует далее.

Гимлер медленно прочитал один лист, затем второй. Полученная информация, несомненно, озадачила. На некоторое время хозяин кабинета задумался:

«О переброске русскими золота Гейдрих мне не докладывал. Значит, он просто не в курсе, получается, что этот не по годам ранний и верткий Шеленберг ему не докладывал. Вышел прямо на меня... Что он затеял?» — отложил листки на стол и строго взглянул на посетителя.

Шеленберг выдержал взгляд.

Гимлер строго вымолвил:

— Все это очень интересно и в какой-то мере поучительно. Наш враг не так уж и глуп, как его иногда представляет Геббельс, — замолчал на секунду-другую. — Но скоро мы овладеем Петербургом, затем — Москвой, и у нас будет все золото России.

Видя, как слегка заволновался посетитель, хозяин кабинета уже мягче продолжил:

— Идите и спокойно работайте, Вальтер, у нас с вами много впереди интересных мероприятий...

* * *

Ермолай проснулся и понял, что упал со скамейки и лежит на полу вагона. Очевидно, он упал на левое плечо, оно неприятно ныло. Было темно и прохладно, вагон стоял на месте. Рядом на полу ворочался и что-то бубнил рядовой Широких, также спавший на лавке.

— Что-то случилось, — изрек едва различимый в полутьме, сидящий в двух метрах на табуретке Ягодинок. — Раз мы так экстренно затормозили. Не зашиблись, товарищи военные?

— Нет, — ответил Широких.

Он и Ермолай поднялись и сели на свои лавки.

— Сколько же мы спали? — вымолвил Ермолай и ощутил сильную головную боль.

— Наверное, где-то около часа, — ответил Ягодинок и поднялся с табуретки, разминаясь, покрутил корпусом.

Ермолай руками немного потормошил голову, подергал левым плечом.

Капитан прошел к двери вагона и с усилием приоткрыл, примерно на полметра. В дверном проеме забрезжил свет, очевидно, от осветительного фонаря, показалась и темно-зеленая растительность.

— Где это мы? — выдавил Ермолай.

— Вижу вдали какой-то водоем, — изрек Ягодинок. — Пойду узнаю, где находимся, — и боком медленно выбрался из вагона.

Ермолай продолжал тормошить голову и разминать плечо, рядовой Широких усиленно зевал.

Капитан появился, минуты через три-четыре. Ментально недовольно бросил:

— Застряли мы часа на три-четыре, — зло выругался и эмоционально, громко добавил. — Представляете, немецкие диверсанты взяли и подорвали почти двадцать метров полотна! Где была наша охрана, непонятно!

— А сколько мы проехали? — спросил Ермолай.

— Километров примерно пятьдесят от Ярославля. Сейчас мы стоим под городом Ростовом.

— Под Ростовом, — удивленно вымолвил Широких. — Ростов-то вроде на Дону находится.

— Здесь Ростов ярославский, а большой водоем — не что иное, как озеро Неро, — недовольно и резко пояснил Островой. — Географию надо знать, боец, — и снова выругался.

Воцарилась тишина, только рядовой Кузнецов как ни в чем не бывало посапывал на картонной кровати.

— Значит, можно будет еще спокойно поспать, — располагаясь на лавке, изрек Ермолай.

Ему никто не ответил...

* * *

*Сортавала, конспиративная квартира
финской разведки (ОС)...*

Барон фон Шоммер уже второй час сидел за бога-361

то накрытым столом. Хильда, гостеприимная хозяйка, все подливала и подливала вино в бокал гостя. Барон мало ел. В перерывах между выпивкой отменного французского вина он сетовал на жизненные сложности, а последние десять минут стал комментировать философские труды Эммануила Канта.

Очевидно, это наскучило Хильде. Перебивая эмоциональную речь гостя, мило улыбаясь, она спросила:

— У вас, барон, неприятности по службе?

— Да, — ответил уже изрядно захмелевший барон. — Но все это совсем не интересно, — и стал продолжать философствовать.

Но полупьяная отвлеченная болтовня совсем не интересовала Хильду. По-прежнему мило улыбаясь, она спросила:

— У вас, видимо, сорвалась важная операция? Не прибыл человек с грузом из России?

— Да. Но откуда ты, крошка, это знаешь? — выпучив глаза, удивленно выдавил барон.

— Об этом говорит весь город, — воскликнула женщина и раскатисто рассмеялась. — Тебя за это, друг мой, разжалуют и отправят на русский фронт? Да?

Барон встрепенулся, судя по хмурому лицу, ему было это неприятно слышать. Он взглянул сначала на женщину, затем на свои ручные часы. Став серьезным, почти трезвым голосом вымолвил:

— Мне пора на службу.

— А сегодня мы разве не пойдем в кроватку? — широко и призывно улыбаясь, изрекла Хильда.

Видя, что мужчина колеблется, она напористо продолжила:

— Сегодня я тебе покажу нечто необычное, — и стала демонстративно расстегивать блузку на груди.

Барон впился глазами в большие, белые груди, облизнулся и потянулся к женщине...

* * *

Ермолай внезапно проснулся и понял, что его кто-то усиленно трясет за плечо.

— Сергеев, — прошептал Ягодинок, — давай поднимайся, брат. Наш состав после трехчасовой стоянки, кажется, тронулся. Давай мы с тобой осторожно закроем дверь.

Ермолай поднялся и ощутил движение вагона. Вместе с капитаном они прошли к дверному проему и аккуратно его закрыли. В проеме Ермолай успел заметить, что начало светать.

— Сколько времени?

— Шесть утра, — ответил Островой. — Давай, малей, принимай у меня эстафету дежурного, а я посплю.

Ягодинок лег на лавку, а Ермолай присел на табуретку, спиной прислонился к деревянной вагонной стене. Голова у него уже не болела, левое плечо почти не ныло. Вагон немного покачивало, состав медленно набирал скорость.

Чтобы не уснуть, Ермолай решил думать о чем-нибудь приятном и стал вспоминать веселые учебные годы в техникуме...

* * *

Поезд «Пермь-Владивосток»...

Рэм один занимал целое купе, третье по счету от входа. В Перми при посадке он договорился о проезде с пожилой проводницей купированного вагона, передав ей пачку чая и банку мясных консервов. Рэм плотно перекусил и расслабленно взирал в окно, там проплывали заросшие хвойно-лиственным лесом невысокие отлоги Уральских гор. Если верить расписанию, то скоро будет город Нижний Тагил.

Для выезда из России Рэм решил использовать восточный коридор. Сначала добраться поездом до Владивостока, далее за деньги (в вологодской гостинице он позаимствовал у убиенного Карригана тысячу фунтов стерлингов) договориться и на американском торговом корабле добраться до США. Ну а там при полной свободе и уже спокойно через Центральную Америку можно будет махнуть в Бразилию, Аргентину или Уругвай (паспорт этой страны у него имелся)...

*Железнодорожная станция
города Свердловск (в настоящее время
Екатеринбург)...*

Во время получасовой стоянки в вагон вошли несколько военных патрульных и стали, не спеша, обходить все купе.

В третье купе, в котором спал на нижней полке один мужчина, они постучали. Через пару секунд зашел мо-

лодой старший лейтенант с красной повязкой на руке.

— Ваши документы, — бросил заученно и небрежно патрульный офицер.

Зевая, лысый мужчина в возрасте поднялся с полки, достал из кармана пиджака паспорт и передал офицеру.

Военный взял паспорт, полистал, нехотя вымолвил:

— Голубцов Иван Иванович, — взглянул на мужчину, — прописан в Перми. Куда едите?

— На похороны в Новосибирск, брат после полученных на фронте ранений умер.

Офицер кивнул, вернул паспорт, козырнул и вышел...

Железнодорожная станция города Курган...

Едва состав остановился, в вагон вошли два офицера, капитан и лейтенант. Они быстро прошли к третьему купе, достали из кобуры пистолеты, привели в боевое положение. Офицеры переглянулись и обменялись какими-то жестами. Капитан достал из кармана ключ, осторожно открыл замок на двери и резко ее открыл. Лейтенант бросился в купе, тот час прозвучал выстрел, затем второй. В купе ворвался капитан и увидел корчившегося от боли на полу лейтенанта и лежащего на нижней полке лысого мужчину в возрасте с прострелянной головой...

Глава 15

Ермолай едва не свалился с табуретки, вагон как-то вздрогнул и закачался из стороны в сторону. По всей видимости, где-то рядом с железнодорожным полотном разорвался снаряд или даже бомба, и взрывная волна докатилась до вагона.

Раздался громкий мат, это Ягодинок свалился с лавки и в полутьме никак не мог подняться. К нему подошли оба бойца.

— Не надо мне помогать, — грозно крикнул в их адрес капитан. — Я сам поднимусь.

Между тем взрывы стали слышны то спереди, то сзади, послышался и неприятный самолетный гул.

Ягодинок поднялся на ноги и недовольно бросил:

— Попали под атаку немецких самолетов.

— Что теперь будет? — жалостливо выдавил один из бойцов.

Ягодинок выругался и зло изрек:

— Если остановимся, разнесут нас в щепки...

* * *

*Москва, здание Наркомата иностранных дел,
кабинет заместителя Наркома Осинковского...*

За круглым столом расположились трое сосредоточенных мужчин: хозяин кабинета, комиссар Голиков и Пол Гор. Перед каждым лежали небольшие темные папки.

— Итак, — после представления обращаясь к англичанину, вымолвил хозяин кабинета, — чем может быть полезен вам комиссар Голиков?

Гор слегка кивнул и, взглянув на Голикова, строго вымолвил:

— Во-первых, я хотел бы узнать, комиссар уверен, что Карригана убил немецкий агент Рэм?

— Да, уверен, — четко и быстро ответил комиссар.

— Во-вторых, вы уверены, что у Карригана и Рэма были взаимные личные интересы?

— Да, уверен.

— Какие конкретно?

— В официальной ноте все указано, более мне нечего добавить.

По лицу англичанина на секунду промелькнула едва заметная ироническая улыбка. Через две-три секунды он строго продолжил:

— В-третьих, когда вы поймаете Рэма, вы разрешите с ним пообщаться?

— Общения с ним уже не получится, — невозмутимо ответил комиссар. — При попытке задержания Рэм оказал вооруженное сопротивление, и был убит. Вы можете в этом убедиться, — выложил из своей папки две черно-белые фотографии и передвинул их в сторону англичанина.

Гор взял фото в руки, внимательно рассмотрел и положил на стол.

— При нем нашли э... — замялся на секунду-другую, — что-нибудь особенное? — строго взглянул на комиссара.

У Рэма в портмоне были обнаружены два паспорта, на имя Голубцова и Форлана, значительная сумма в советских рублях и фунтах стерлингов Великобритании. В записной книжке установлены хитрые записи, над которыми работали шифровальщики. В голенище сапога находился кинжал, а в портфеле — золотой слиток. Но об этом Голиков не хотел информировать англичанина. Он спокойно выдержал взгляд и вымолвил:

— Рэм был слишком опытным агентом, чтобы возить с собой что-либо особенное.

— Или то, — с напором продолжал англичанин, — что могло бы свидетельствовать о связи с господином Карриганом?

Теперь едва заметная ироническая улыбка промелькнула на лице Голикова. Он отрицательно покачал головой и добавил:

— Разве что личное оружие немецкого разведчика — кинжал, которым был убит Карриган.

— Где вы обнаружила Рэма?

Голиков некоторое время раздумывал, затем ответил:

— На Урале...

* * *

Где-то впереди раздался мощный взрыв, поезд стал снижать скорость и вскоре вовсе остановился. Ягодник с бойцами подошли к дверному проему и открыли его примерно на метр. Сразу в вагон ворвался яркий дневной свет, разнообразный шум и невероятный гам.

В проеме показались находящиеся невдалеке небольшие деревянные дома с зелеными палисадниками и бегущие рядом с составом военные и гражданские люди.

— Это что за деревня? — спросил Ягодинок проходящего по насыпи военного.

— Это город Александров.

— Черт! — громко выругался Ягодинок. — Не доехали до Москвы какую-то сотню километров!

Сергеев и бойцы сгрудились у дверного проема и с интересом наблюдали за всем происходящим.

— Всем оставаться в вагоне, — грозно бросил Ягодинок, — я пойду все узнаю, — и выпрыгнул из вагона.

В это время низко над ними пролетел немецкий самолет, где-то рядом застрочил пулемет, невдалеке раздался взрыв.

«Попали в переделку!» — воскликнул Ермолай...

* * *

Ленинград, управление НКВД ...

Исполняющий обязанности начальника управления полковник Шадрин по своим каналам получил известие, что операция «Элегия» успешно завершена. Подумав, он решил поделиться новостью по телефону с Первым секретарем ленинградского обкома ВКП (б). Ведь именно Жданов должен был согласовать или не согласовать его назначение на должность начальника управления.

— Спасибо за хорошие новости, — выслушав сообщение, поблагодарил Жданов, — их нам так сейчас не хватает. Жаль только погибшего комиссара Иванова.

— Мда, — выдавил полковник.

— Кстати, закончено расследование о его смерти?

— Закончено, товарищ Жданов.

— И каков результат?

— Его отравила сильнодействующим ядом внедренная в наши органы немецкая агент-женщина.

— Даже в органы внедряют своих агентов! — воскликнул Жданов. — Хотя, — тихо добавил, — в какой-то мере он сам виноват, не разглядел врага.

— Увы. Поэтому нам нельзя терять бдительность.

— Вот именно, — поддержал партийный работник.

— Коммунисты должны быть всегда предельно внимательны...

* * *

Не на шутку встревоженные всем происходящим, Сергеев с бойцами отошли от края вагона и присели на ящики. Они стали внимательно наблюдать в дверной проем. Через него в вагон стал проникать неприятный запах гари и пыли.

— Товарищ младший лейтенант, долго мы здесь будем торчать? — явно озабоченно спросил рядовой Кузнецов.

— Не знаю, — растерянно выдавил Ермолай. — Будем ждать капитана Ягодинок, он точно все прояснит...

Последние слова утонули в грохоте близкого взрыва, вагон слегка качнуло. Где-то рядом застрочил зенитный пулемет, слышались одиночные удары пуль о стены вагона. Снова раздался взрыв, на крышу вагона что-то с шумом упало...

В дверном проеме показался какой-то взъерошенный и растрепанный военный. Он громко крикнул:

— Что вы тут сидите! Вы же горите!

Сергеев быстро поднялся с ящика, бросил бойцам:

— Я выскочу, посмотрю, что там, — подскочил к проему и спрыгнул на землю.

Взглядом окинул вагон и заметил языки пламени на крыше вагона. Горели и некоторые другие вагоны состава, вокруг которых бегали люди.

«Да, горим! — недовольно воскликнул Ермолай. — И быстро потушить крышу мы своими силами не сможем! Надо спасти золото», — крикнул в вагон бойцам:

— Сдвигайте ящики к дверному проему, будем их вытаскивать на землю.

В это время мимо его два бойца в белых халатах на носилках с раненым военным поравнялись с их вагоном.

«Да это же Ягодинок!» — всматриваясь в раненого, воскликнул Ермолай и подбежал к нему.

— Товарищ капитан, товарищ капитан! — затараторил Ермолай, рассматривая бело-серое безжизненное лицо Ягодинока.

— Он вас не слышит, он тяжело ранен и контужен,

— изрек один из бойцов в белом халате.

— Вы нам мешаете, — крикнул второй боец.

— Куда вы его? — спросил Ермолай.

— Сейчас на машину и в госпиталь.

Ермолай отступил от носилок, бойцы быстрым шагом проследовали дальше.

«Бедный капитан! — всматриваясь в удаляющихся бойцов в белом, горестно воскликнул Ермолай. — Как его здорово шандарахнуло! — обеспокоено подумал. — Что теперь будет с нами, с золотом?» — и глубоко задумался.

— Товарищ младший лейтенант! — обратился стоящий в проеме вагона рядовой Кузнецов. — Товарищ младший лейтенант! Что нам делать дальше?

Ермолай вернулся на землю, обернулся на голос. Все десять ящиков с золотом стояли на краю настезь открытого дверного проема. Между тем огонь с крыши вагона стал спускаться на стены.

«Что, что?!» — нервно повторил Ермолай и бросил взгляд на прилегающую к железнодорожному полотну территорию.

В метрах двадцати он увидел ровную и свободную площадку.

— Давайте переносите ящики на ту площадку, — показывая рукой, крикнул Ермолай...

Буквально тучи самолетов с пронзительным резким звуком продолжали барражировать, сбрасывать бомбы и обстреливать из пулеметов. Часть вагонов состава были исковерканы от прямого попадания бомб, остальные

горели. Люди метались у вагонов, кто-то тушил огонь, кто-то вытаскивал раненых, кто-то тащил какие-то вещи... А кто-то, уже не в силах идти, просто лежал...

Кузнецов и Широких перенесли на площадку уже половину ящиков, когда на середине пути рядовой Кузнецов, не проронив ни слова, упал, словно подкошенный. А огонь меж тем охватил всю крышу, часть стен и подбирался к дверному проему вагона.

Ермолай подбежал и подхватил ящик, выпавший из рук рядового. Громко крикнул стоявшему с широко раскрытыми глазами рядовому Широких:

— Вперед, боец, вперед. Мы должны вынести все ящики.

В это время по насыпи пробежал гражданский мужчина. На ходу он крикнул:

— Вы что, сдурели? Немедленно бегите в укрытие!

Оставив ящик на площадке, Ермолай и боец побежали к вагону за следующим.

— Давайте оставшиеся четыре ящика составим пока на землю, — предложил Широких. — Иначе они могут самопроизвольно вспыхнуть, — махнул рукой в сторону приближающегося огня, — видите, как печет от огня.

— Верно, рядовой, — согласился Ермолай.

Они составили ящики на землю, затем понесли очередной, шестой по счету, на площадку. Боец совсем выбился из сил, тяжело дышал, постоянно спотыкался.

— Тебя не ранило? — спросил Ермолай.

— Да я ногу подвернул, — еле слышно вымолвил Широких, — и рука что-то болит.

— Давай отдохни, сходи посмотри, что там с Кузне-

цовым, — приказал Ермолай.

Он сам прошел к вагону и волоком по земле потащил к площадке седьмой ящик.

— Он еле дышит, — вскоре крикнул Широких.

— Иди на станцию, ищи медиков. Скажи им, чтобы они Кузнецова забрали в госпиталь, — бросил Ермолай.

— А как же вы одни, товарищ младший лейтенант?

— Давай быстро, это приказ!

Боец, спотыкаясь, поплелся к станции. У Ермолая ныла спина, болели руки и ноги, трещала и буквально раскалывалась голова. Но, несмотря на все это, он дотащил ящик до площадки и побрел к вагону за следующим...

* * *

*Рига, особняк в старой части города,
штаб-квартира регионального центра Абвер...*

Барон фон Шоммер с суточной задержкой прибыл в Центр, виной тому пышногрудая блондинка Хильда. Ах, что она вытворяла в постели прошлой ночью!

В своем кабинете барон обнаружил письменный приказ адмирала Канариса. У него сразу испортилось настроение, с неприятным предчувствием стал читать...

«Этот седовласый угрюмый педант адмирал?! — прочитав приказ, воскликнул барон и выругался. — Отправить меня на майорскую должность! Куда? В туземный Каир?! В немецкий Африканский экспедиционный корпус генерал-фельдмаршала Роммеля?! Там же нет на-

стоящей работы для профессионала!».

Барон сам себе налил почти стакан коньяку и выпил одним махом! Сел в кресло и задумался. Жидкость растекалась по телу, но настроение только падало. В памяти всплыли убиенные майор Мухель, Ригель, агент Оракул и другие лица, задействованные в операции «Золотой трезубец». Удача была так близка! Затем... жена Маргарет, сынишка Вилли...

«Надо взять себя в руки, — прослезившись, решил через некоторое время барон. — Не так уж у меня все и плохо. Главное, меня не разжаловали и не отправили пехотинцем на восточный, русский фронт. Я остаюсь в разведке, и все еще можно поправить... А в Африке тоже можно жить, местное золото и драгоценные камни там дешевые, можно будет разжиться, — повеселел. — Говорят, что в Египте женщины исключительно сексуальны и весьма доступны...».

Довольно улыбнулся, еще более повеселел, быстро налил в стакан коньяка...

* * *

Выбиваясь из последних сил, Ермолай тащил волоком последний десятый ящик. Огонь уже охватил весь вагон, обгоревшая крыша рухнула на пол. Догорали и другие вагоны состава, железнодорожное полотно и прилегающая к нему территория опустели. Очевидно, израсходовав свои боезапасы, немецкие самолеты исчезли из вида...

— Врешь, не возьмешь! — скрепя зубами и подбад-

ривая себя, твердил Ермолай, едва переставляя ноги.

Раздался неприятный, резкий гул низколетающего одиночного самолета, послышался свист пуль. Ермолаю обожгло икроножную мышцу правой ноги, что-то ударило по спине в районе левого плеча. Боль растекалась по всему телу, левая рука повисла словно плеть.

— Врешь, не возьмешь!

Превозмогая боль и усталость, Ермолай продолжил тащить ящик одной рукой.

Подбежал какой-то военный и бросил:

— Ты ранен, браток.

— Да, помоги дотащить ящик.

— Да брось ты его, надо самому спастись.

— Ты военный?

— Да, сержант Крачевский.

— Я младший лейтенант Сергеев, нахожусь на спецзадании, прошу, помогите мне.

— Ну, это другое дело.

Сержант помог дотащить ящик.

— А теперь слушай приказ, сержант, — преодолевая боль, тихо вымолвил Ермолай. — Сейчас бегом к дежурному офицеру по станции. Скажешь, чтобы он дозвонился до комиссара Голикова, твердо запомни, комиссара Голикова. И передал ему, что младший лейтенант Сергеев находится с грузом на станции города Александров. Понял?

— Понял.

— Бегом, сержант Крачевский.

— А как же вы? Вас надо пере...

— Бегом... — далее следовала ненормативная лексика.

— Есть...

Сержант убежал. Ермолай, совсем выбившись из сил, лег на ящики спиной, стараясь плотнее прижимать места ранения, ногу и плечо. Тело все буквально пылало, голова кружилась, глаза безвольно слипались. Мысли путались в голове:

«Пока сержант дозвонится... пока комиссар Голиков доедет... Мне нельзя спать, надо стеречь золото...».

С усилием открыл глаза: по голубому небу неспешно плыли в никуда белесые облака...

* * *

*Восточная Пруссия, вилла в Штейнорте,
резиденция рейхсминистра Риббентропа...*

В небольшой деревянной беседке стояло кресло-качалка. Слегка раскачиваясь в нем, Риббентроп рассматривал каталог ценностей, захваченных сотрудниками министерства в странах Восточной Европы. За каждой приобретенной работой или, вернее, произведением искусства (отбирались самые ценные и уникальные работы) стояла своя история: история создания, история существования, наконец, история попадания в его руки. Рейхсминистр любил порой в спокойной непринужденной обстановке поразмыслить на эти темы...

Тихо подошел адъютант с небольшим подносом в руке.

— Прошу прощения, господин рейхсминистр, срочное донесение.

Риббентроп взял с подноса полулист бумаги, быстро прочитал и положил обратно. Задумчиво вымолвил:

— Свободен.

Адъютант незамедлительно удалился.

Риббентроп получил известие о смерти в России Рэма, прекрасного агента и, еще недавно, его хорошего товарища. Рейхсминистр знал, что по статистике трое из четверых нелегальных агентов погибают на задании. Гибель же Рэма — другая, отдельная и печальная история. Еще два месяца назад гибель Рэма означала бы катастрофу. Но сейчас...

Вскоре Риббентроп снова с интересом рассматривал каталог захваченных ценностей. Но вот он отвлекся от каталога и задумался:

«Военные уверяют, захват Ленинграда состоится в самое ближайшее время. Петербург двести лет был столицей могущественной Российской империи. В город и его многочисленные пригородные дворцы стекались всевозможные ценности и шедевры искусства, чуть ли не со всего света! — довольно улыбнулся. — Что-то русские, разумеется, успели уже вывезти... Но, безусловно, предстоит интересная работа... Да, и уже сейчас надо к ней серьезно готовиться...».

* * *

Ермолай открыл глаза и увидел перед собой строгое девичье лицо в белой косынке. Лицо улыбнулось, изрекло пухленькими губами:

— Оклемался, вот и хорошо.

— Где я?

— В военном госпитале, я медсестра Мила.

Тело Ермолая неприятно ныло, своих рук и ног он не чувствовал, голова была словно чугунная.

— Лежи спокойно, не шевелись и не говори ничего, тебе необходим полный покой.

— Что со мной?

— Ранения у тебя, можно сказать, несерьезные, но при доставке в госпиталь ты потерял много крови. Сейчас к тебе придут.

Медсестра исчезла, Ермолай закрыл глаза...

— Здравствуй, герой! — внезапно раздался бодрый мужской незнакомый голос.

Ермолай открыл глаза и увидел улыбающееся, незнакомое мужское лицо.

— Я комиссар Голиков, большое спасибо, тебе Сергеев.

Ермолай напрягся и выдавил:

— Груз вы...

— Все получено в полном объеме и уже находится в хранилище Госбанка. Не волнуйся, Сергеев, операция успешно завершена, ты молодец. Лежи и поправляйся...

— Свидание закончено, — раздался откуда-то строгий женский голос.

— Давай держись, брат Сергеев, и поправляйся. У нас впереди много интересной работы, мы ждем тебя. Завтра тебя навестит майор Истомин, ночью он прилетает с Севера. Да, чуть не забыл, твоя мама обосновалась с заводом в городе Ирбит, это в Свердловской области. На днях ты получишь от нее письмо...

На следующий день самочувствие Ермолая заметно улучшилось, он находился в сознании. С утра делали уколы, пичкали таблетками, кормили кашей и поили водой. Молоденькая медсестра Мила просто порхала перед кроватью.

Ближе к обеду в гости пришел улыбающийся майор Истомин и... сосредоточенная Ирина Лазо. Они сели на рядом стоящие стулья, как-то несмело переглянулись между собой. Ермолай с усилием улыбнулся, он был рад видеть их обоих. Но после краткого приветствия сразу спросил о капитане Ягодинок.

Майор посуровел лицом и горестно ответил:

— От взрыва авиационной бомбы капитан получил контузию, он ослеп и оглох. Потом уже лежащего его прошила пулеметная очередь в четырех местах. Медики говорят, жить будет, но как, понимаешь ли, неясно. А вот бойцы ваши, Кузнецов и Широких, — продолжил веселее, — чувствуют себя неплохо, тебе большой привет передавали.

«Жаль-жаль Ягодинока, — тихо загрустил Ермолай, в памяти на секунду-другую проскочили все перипетии операции с золотом на заключительном этапе. — Мужик он, что надо...».

— Ермолайчик, выше нос, — весело бросила Ирина.

Ермолай с усилием улыбнулся, мужественный широкоплечий Истомин и хрупкая Ира рядышком неплохо смотрелись.

Майор наклонился ближе к больному и тихо вымолвил:

— В связи с неудачами на фронтах предстоит перевозка различных ценностей вглубь страны, в том числе и из московского хранилища Госбанка. Комиссар Голиков сказал, что ты обязательно будешь участвовать в перевозках. Да, если ты не против, то тебя переведут к нам в управление.

Ермолай вспомнил, как ему присвоили офицерское звание, и выдал:

— Не против.

— Отлично. Еще Голиков сказал, что ты будешь представлен к правительственной награде. Так что, брат, давай поправляйся побыстрее, впереди уйма интересных событий.

— Есть, поправляться побыстрее...

Оглавление

Глава 1	4
Глава 2	30
Глава 3	57
Глава 4	84
Глава 5	119
Глава 6	143
Глава 7	170
Глава 8	195
Глава 9	220
Глава 10	243
Глава 11	266
Глава 12	294
Глава 14	346
Глава 15	366

Михаил Смирнов

ОПЕРАЦИЯ «ЭЛЕГИЯ»

Военно-приключенческая драма

Литео

Санкт-Петербург

liteo.ru

Знак информационной продукции согласно Федеральному закону от
29.12.2010 г. № 436-ФЗ

